

Любовь Фадеева

КТО МЫ?

Интеллигенция
в борьбе за идентичность

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Любовь Фадеева

КТО МЫ?

*Интеллигенция
в борьбе за идентичность*

Москва
НОВЫЙ ХРОНОГРАФ
2012

УДК 323.329
ББК 60.543.132.1
Ф15

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров.
Проект «Борьба за идентичность и новые институты коммуникации», грант № 09-95275-000-GSS.

Фадеева Л.А.

Ф15 Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность / Любовь Фадеева ; Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Пермский гос. нац. исслед. ун-т.» — М. : Новый Хронограф, 2012. — 320 с. — ISBN 78-5-94881-181-9.

Автор предлагает сравнительную — кросс-национальную — перспективу анализа интеллигенции и интеллектуалов, рассматривая эти категории в рамках социокультурного подхода. В монографии характеризуются дискуссии о самоидентификации и нарратив интеллигенции и интеллектуалов в социально-политическом контексте, передана атмосфера, риторика, аргументация, страсть полемики, связанная с политизированностью дискуссий. Особое внимание уделено роли интеллигенции и интеллектуалов в формировании идентичности, их поискам ответа на вопрос «Кто мы?» на протяжении последнего столетия. При этом самоидентификация интеллигенции/интеллектуалов рассматривается как один из ключевых моментов определения того, что представляет собой идентичность национальная, государственная, политическая, даже региональная. Интеллигенты и интеллектуалы выступают в книге как критики и аналитики, продолжающие воздействовать на комплексы идейно-политических ориентаций, наделение их смыслами, на эмоциональное переживание людьми политической общности.

Книга адресована не только специалистам-гуманитариям, но широкому кругу заинтересованных читателей.

Агентство СІР РГБ

ISBN 978-5-94881-181-9

© Фадеева Л.А., 2012
© ФГБОУВПО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет», 2012
© Издательство «Новый хронограф», 2012

ОТ АВТОРА

Интересом к проблематике интеллигенции и интеллектуалов я обязана Валентину Владимировичу Песчанскому, за что остаюсь ему неизменно благодарной. Этот интерес поддерживался оживленными дискуссиями с коллегами — Майклом Барриджем (Лондонская школа экономики), Лоуренсом Голдманом (Оксфордский университет), Мэри Маколи (Лондонский университет), Михаилом Филипповым (Университет штата Нью-Йорк, Бингэмптон).

Я благодарна за идеи и интеллектуальный импульс, полученные в ходе подготовки данной книги, Ирине Станиславовне Семененко (ИМЭМО РАН) и Ольге Юрьевне Малиновой (МГИМО (У)). Проблематика идентичности активно разрабатывается членами кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета в рамках проекта «Борьба за идентичность и новые институты коммуникации». Обсуждение понятийного аппарата, концептуального и мыслительного инструментария, возможностей анализа процессов идентификации в современном мире в ходе семинаров, конференций, работы над совместными публикациями трудно переоценить. Я искренне признательна за это моим коллегам Петру Вячеславовичу Панову, Константину Андреевичу Сулимову, Надежде Владимировне Борисовой, Алексею Сергеевичу Горшкову. Особая благодарность Олегу Борисовичу Подвинцеву, который предложил использовать формулу «Кто мы?», не смущаясь наличием книг и циклов программ с ана-

логичным названием. Я благодарю аспиранта кафедры Светлану Новикову за помощь в работе над «облаками тэгов».

Игорь Александрович Зевелев сыграл двойную роль в подготовке моей книги — как вдохновляющий исследователь идентичности русских за рубежом, и как руководитель Московского офиса Фонда Макартуров, поддержавшего наш проект. Я сердечно благодарна Галине Владимировне Устиновой и Эльвире Алексеевне Орловой за помощь и поддержку нашего проекта и данного издания.

Хочу поблагодарить также мою семью за поддержку и терпение, особенно моего мужа Павла, в том числе за дискуссии по актуальной политической и гражданской идентичности, которые помогли мне понять позицию разных сторон в российском обществе. Ему я и посвящаю свою книгу.

Посвящается Павлу

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

«Интеллигенция», «интеллектуалы», «образованный класс», «профессиональный класс», «мыслящее сословие» — все эти понятия относятся к категории, которая является одной из наиболее дискуссионных в гуманитарных науках и обществе, не только в России, но и во всем мире. Дискуссии по вопросу об определении данной категории, как правило, сопряжены с политическими баталиями и потому обретают особую остроту. Попытки вынести эти дискуссии в сугубо академическую плоскость не слишком успешны либо вовсе обречены на провал. По сути своей, интеллигенты и интеллектуалы (эти понятия используются в разных смыслах в зависимости от исторического и странового контекста, о чем в книге будет много сказано) характеризуются тем, что предлагают обществу разные варианты осмысления действительности и различные модели общественно-политического обустройства. Их влияние нередко оказывается значимым и воздействует на принятие политических решений, однако во всех случаях, когда предложенная модель входит в состояние кризиса, в этом оказываются виноваты интеллектуалы.

Их влияние и миссия ставится под сомнение, причем прежде всего в их собственной среде обнаруживаются самые жесткие критики прежних властителей дум, которые ставят под сомнение не только предлагаемые теми принципы, идеалы, варианты общественного обустройства, но и роль, позиции, нередко — само существование интеллектуалов/интеллигентов.

Предполагаю, что у искушенного читателя может уже при чтении этих строк возникнуть сильное недоумение

или даже раздражение: как может автор ставить знак равенства или слэш между понятиями, которые в российской науке традиционно далеко разводятся и очень часто противопоставляются друг другу?!

Для объяснения авторской позиции придется внести некий субъективный компонент: мой интерес к данной категории и данной проблематике возник более двадцати лет назад и реализовывался в русле англоведения¹. Так уж вышло, что я сначала прочитала эссе о британской интеллигенции Дмитрия Мирского² (правда, в спецхране ИНИОН РАН), в котором он характеризует разные группы и типы интеллектуалов современной ему Великобритании, и лишь несколько лет спустя — «Вехи», которые только появились в открытом доступе³. Научные дискуссии в английских исторических и социологических журналах по поводу категорий «интеллектуалы» и «профессии», обсуждение этой проблематики с коллегами из Оксфордского и Эссекского университетов и Лондонской школы экономики позволили осознать, насколько сложной для английских и, в целом, западных коллег является терминологическая проблема; какие запутанные коллизии существуют в плане определения социальных позиций и роли интеллектуалов, их социальной ответственности; какое место в научном дискурсе занимают кросс-национальный и кросс-культурный анализы. Существенное место в этих спорах было и остается отведено сопоставлению категорий и феноменов западных интеллектуалов и российской интеллигенции.

Насколько я могу судить, для западных исследователей не характерно отрицание сходных черт интеллектуалов и интеллигенции (в книге об этом пойдет детальный разговор). Они не склонны разводить по разные стороны

¹ См.: *Фадеева Л.А.* Очерки истории британской интеллигенции. Пермь: Книжный мир, 1995; *Фадеева Л.А.* «Образованный класс» викторианской Англии как социально-профессиональный феномен». Дис...д.и.н. Пермь, 1996.

² *Мирский Д.* Интеллиджентсия. М., Советская литература, 1934; *Mirskiy D.* The Intelligentsia of Great Britain. L. : Gollantz, 1935.

³ Вехи. Интеллигенция в России. М., Молодая гвардия, 1991.

баррикад ни категории, ни феномены российской интеллигенции и западных интеллектуалов в первую очередь потому, что их намного больше интересуют различия между британскими и французскими, немецкими и итальянскими интеллектуалами; применимость англосаксонской категории «профессии» (*professions* как интеллигентские профессии) к континентальному опыту. Включение посткоммунистических стран в европейский ареал, а их ученых — в научный дискурс, существенно усложнило его, поставив вопросы о социальной ответственности интеллектуалов в недемократических режимах, причем, как интеллектуалов в самих этих странах, так и западных интеллектуалов по отношению к данным режимам.

В таких дискуссиях не меньше остроты, а нередко и болезненности, нежели в российских спорах об интеллигенции. Мне приходилось слышать утверждения: «Вам в России хорошо: вы четко определились с понятием «интеллигенция», в то время как на Западе по вопросу об интеллектуалах наблюдается терминологический разноречивой». Между тем в России в отношении интеллигенции, по меткому определению одного из исследователей, наблюдается «терминологический беспредел». Нередко попытка уточнить понятие приводит лишь к еще большему его запутыванию. В недавно вышедшей книге «Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли» ее автор А.А. Ширинянц, предлагая социокультурный подход к анализу интеллигенции, в то же время называет ее «научной абстракцией»¹.

В целом, мне очень близок социокультурный подход, которого придерживается ряд исследователей². И.С. Семеновенко понимает его как «анализ социокультурных

¹ Ширинянц А.А. Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М., Издательство Московского университета, 2011. С.115.

² Семеновенко И.С. Россия XX — начала XXI века. Культура и общество. М., Просвещение. 2011; Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX — XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М., Круг, 2011.

оснований общественных процессов»¹, Ю.Л. Бессмертный рассматривает социокультурные способы властвования². Главное в социокультурном подходе — это акцент на человеке в сложном и постоянно меняющемся социальном пространстве.

Я согласна с А.А. Ширинянцем в том, что социокультурный подход к анализу интеллигенции представляется наиболее продуктивным, но считаю необходимым уточнить, что ни в коей мере не рассматриваю ни интеллигенцию, ни интеллектуалов как «научную абстракцию». Напротив, особо важно, что речь идет о живых или живших когда-то людях с их страстями, взлетами и заблуждениями, открытиями и ошибками, о людях, переживавших свою историческую эпоху вместе с другими («я была тогда с моим народом»), но, как правило, более остро рефлексирующих и обращающих свои рефлексии обществу в виде статей, памфлетов, художественных произведений, идеологических программ, интервью, в настоящее время — записей в блогах и т.п.

«Единственное, что объединяет эту страту, — это интеллектуальный процесс, отмеченный неустанными попытками дать явлениям критическую оценку, установить диагноз и сделать прогноз, определять возможности выбора, если они существуют, понимать и определять характер различных точек зрения, а не просто отрицать или не принимать их, — говорил К. Манхейм об интеллигенции. — Она должна оставаться критичной как в отношении себя самой, так и в отношении ко всем другим группам»³.

Анализ интеллигенции плодотворен, на мой взгляд, только в сравнительной, кросс-национальной и кросс-культурной перспективе. В такой перспективе выглядят иначе соотношения между понятиями и феноменами

¹ Семененко И.С. Идентичность в предметном поле политической науки. М., ИМЭМО РАН. 2011. С.12.

² Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма в микроистории // Одиссей. Человек в истории. 1995. М., 1995. С.15.

³ Манхейм Карл. Эссе о социологии культуры // Манхейм Карл. Избранное. Социология культуры. М.—СПб., 2000. С.158.

интеллигенции и интеллектуалов, равно как и по-иному решается проблема уникальности/сопоставимости категорий. «Русская интеллигенция при всех ее особенностях не что-то уникальное, а часть сложного исторического явления — европейской интеллигенции нового времени, — утверждает известный итальянский историк Витторио Страда. — При этом национальная интеллигенция всех стран имеет свою более или менее выраженную специфику. Не нужно приписывать какой-то из них особые достоинства, как это делает бессодержательная напыщенная риторика, приписывая русской интеллигенции духовность исключительного свойства»¹. Эрик Эгеберг призывает «отказаться от простых ответов, взяться за трудную скрупулезную работу выявления как сходных, так и различных черт»². Аналогичного мнения придерживается Кристоф Шарль, автор ряда работ по истории французских интеллектуалов и сравнительных международных исследований³. Он видит две основные проблемы в написании такого рода работ: первая — это «проблема погружения в национальный контекст и овладения национальными пресуппозициями. Вторая проблема — теоретическая. Каждая национальная историография обзавелась известным набором концепций, ПОНЯТИЙ, ключевых слов, тематических и проблемных конструкций, тесно связанных и с интеллектуальной жизнью каждой отдельно взятой страны, и с злобод-

¹ *Страда В.* Интеллигенция как зеркало европейской революции // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. Материалы международной конференции. Неаполь, 1997. Москва, Венеция, 1999. Серия Россия / Russia. Вып. 2 (10). С. 30.

² *Эгеберг Э.* Существует ли в Западной Европе общий социальный тип, соответствующий русской интеллигенции? // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. Материалы международной конференции. Неаполь, 1997. Москва, Венеция, 1999. Серия Россия / Russia. Вып. 2 (10). С. 104.

³ *Anglo-French attitudes: comparisons and transfers between English and French intellectuals since the eighteenth century* / Ed. By Christophe Charle, Julien Vincent, J. M. Winter. Manchester University Press. 2007.

невными политическими дискуссиями, влияющими на то, каким именно образом историки изображают историю своей страны»¹.

Список проблем в исследовании интеллигенции/интеллектуалов можно продолжить. А. Кустарев относит к ним сильную политизированность и эмоциональную нагруженность нарратива «интеллигенция»: «Это настоящая драма. Ее драматургия сложна и стилистически разнообразна. В ней есть героико-романтические, мелодраматические, сентиментальные и комические элементы. Эпические и лирические. Персонажи этой драмы тоже разнообразны: суровые обличители, восторженные апологеты, льстецы, моралисты, юродивые, начетчики. Велеречивые поэты и тусклые академические зануды. Этот нарратив питается энергией социального конфликта, экзистенциального томления, статусной озабоченности и круговой социальной ревности или, скажем сильнее, рессентимента»².

Кустарев также фиксирует внимание на неразработанности методики оценки влияния этого нарратива на общество в каждой отдельной культуре. Он формулирует и такую проблему, что «в России “ученое” обсуждение “интеллигенции” явно отстает от жизни. Оно вслед за обыденным нарративом “интеллигенция” занято в основном поисками определения “интеллигенции”, иерархическими классификациями интеллигенции (интеллектуалов), пресловутой уникальностью русской интеллигенции и даже, что совершенно неуместно, разработкой нормативной программы для интеллигенции, кроме того, как это ни прискорбно, похвалами (все реже) и обвинениями (все чаще) в адрес интеллигенции»³.

В российском случае серьезную проблему может составлять борьба авторитетных авторов «за монопо-

¹ *Кристоф Шарль*. Интеллектуалы во Франции. Вторая половина XIX века. М., Новое издательство, 2005. С. 20.

² *Кустарев А.* Конгломерат «интеллигенция» и его нарратив // *Неприкосновенный запас*. — 2006. — № 3 (47).
Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/in5-pr.html>

³ Там же.

лию на социально-теоретическую трактовку феномена “интеллигенция”»¹. При этом позиции других исследователей расцениваются как ошибочные, ложные, провокативные, в любом случае не имеющие права на существование. Отвечая на критику оппонентов, А. Кустарев парирует: «Питер Бергер уже давно заметил, что социологу все время приходится говорить что-то, что другие неизбежно воспримут как нечто обидное. Когда индивиду объясняют его поведение не так, как он понимает его сам, индивиду (и я не делаю исключения для себя) всегда кажется, что его хотят обидеть»². На самом деле заинтересованное многостороннее обсуждение книги А. Кустарева «Нервные люди. Очерки об интеллигенции» (Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2006) на страницах журнала «Неприкосновенный запас» с предоставлением автору возможности ответить на замечания оппонентов — скорее, исключение, чем правило, в дискурсе и дискуссиях об интеллигенции. Мне близка позиция Кустарева, поскольку его подход является социокультурным и исследование выполнено в сравнительно-исторической перспективе, чему в немалой степени способствовал личный опыт автора, эмигранта позднего советского поколения. Привлекает в его подходе и оценка интеллигенции как реальной категории людей.

Если рассматривать интеллигенцию/интеллектуалов как реальную категорию людей, то социокультурный подход должен включать и социально-профессиональную составляющую, поскольку интеллектуалы/интеллигенты в массе своей имеют профессию, которая является для них значимой не только в материальном плане, но и в ценностном. Нельзя сводить профессиональную принадлежность к формальному статусу и отбрасывать ее как несую-

¹ Куренной В. Теория мифа // Неприкосновенный запас. — 2006. — № 3 (47).

Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/kur6-pr.html>

² Кустарев А. Критик как редактор (ответ на замечания рецензентов). Неприкосновенный запас. — 2006. — № 3 (47).

Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/kus8.html>

шественную характеристику. Писатель, юрист, профессор, инженер, врач, учитель занят в первую очередь своей профессией, озабочен развитием собственной компетентности, много думает и говорит о своей профессии. Полагаю, что и уважаемый читатель немалую часть жизни посвящает своей профессии, ее и своему в ней продвижению, разговорам о профессиональных проблемах.

Ярко о профессиональной увлеченности пишет Дмитрий Быков в «Манифесте трудоголика», клеймя с присущей ему страстью тех, кто «занимается не своим делом либо имитирует работу», и заявляя: «Работа — единственное оправдание жизни, единственный ее смысл; ...без скидок и поправок на политику, я решительно не представляю, чем можно заниматься на свете, кроме любимого дела»¹. Либеральный пафос Быкова выражен в мысли о связи между профессионализмом и свободой: «Страна (Россия. — Л.Ф.) подсознательно ощущает, что, если она начнет работать, думать, что-то такое производить и т.д., — существующий тип государства очень быстро расшатается, потому что ему для функционирования нужны растленные и запуганные потребители, а вовсе не мыслители, творцы и прочие хозяева своей судьбы»².

С этим трудно не согласиться. Отсутствие профессионального интереса и профессиональной идентичности маргинализирует человека. Не случайно биографы многих маргинальных политиков, представляющих партии и группировки радикального толка, обращают внимание на то, что у них не было ни профессиональных навыков, ни профессиональной идентичности. Отрицание значимости профессионализма и профессиональной идентичности бывает характерно также для антисистемных сил, которые стремятся диффамировать все, что связано с деятельностью системы, против которой они борются.

Специфика профессиональной деятельности людей интеллектуального труда требует определенного про-

¹ Быков Д. Манифест трудоголика.

Режим доступа: <http://novayagazeta.livejournal.com/89494.html>

² Там же.

странства свободы — от государства, нанимателя, потребителей профессиональных услуг, потому, как правило, их представители в большей степени дорожат такими гражданскими правами и свободами, как свобода слова, печати, ассоциаций и т.п., нежели другие категории населения.

В характеристике данной категории важно избежать крайностей: как сугубо формального, социологического, вернее статистического подхода, согласно которому все, кто занимаются интеллектуальным трудом, и есть интеллигенты, так и определения интеллигенции как социально маргинальной группы, для которой собственная профессия ничего не значит.

Существенно еще и то обстоятельство, что при таком подходе разговор об интеллигенции и интеллектуалах не ограничивается перебиранием десятка-другого имен. Данная категория потому имеет влияние в обществе, что критическая оценка, диагноз и прогноз, возможности выбора происходят в относительно массовой группе. Конечно, всегда есть властители дум, чьи идеи обсуждаются, принимаются или оспариваются, но сам процесс рефлексии и оценки идет не только в их головах. Особенно это относится к современной ситуации, когда новые институты коммуникаций дают колоссальные возможности для воздействия на умы далеко не только столичных «звезд».

Впрочем, на этом месте уважаемый читатель может воскликнуть: «А какое значение имеет интеллигенция в современном мире?! Разве она не умерла давным-давно?» Разговоры о смерти интеллигенции и интеллектуалов возникли сто лет назад. Первым свой вклад в обличение российской интеллигенции внесли «веховцы», а на Западе — Жюльен Бенда книгой «Предательство интеллектуалов», обвинивший интеллектуалов в утрате беспристрастности и вовлеченности в политические страсти. С тех пор данную категорию «хоронят» с периодичностью, которая приобрела циклический характер. И все же новые периоды общественного развития с той же периодичностью выводят интеллигенцию на передний план. Так, дискуссии об интеллигенции в России актуализировались в связи с

критической рефлексией путинского режима в 2007–2012 гг. Однако причина не только в политических перипетиях, но и в том, что политики и политехнологи, равно как и организованные структуры — партии, государственные институты, — не могут дать адекватных ответов на современные вызовы. И в поиске таких ответов взоры вновь обращаются к интеллигенции.

Разговор об «интеллигенции вообще» малоперспективен в научном плане. Б.И. Колоницкий справедливо замечает, что из книг об интеллигенции можно составить целую библиотеку¹. Интеллигентоведение представляет собой специальное дисциплинарное поле в истории России со своими специализированными журналами, центрами, сериями конференций и других научных мероприятий.

Важно в каждом исследовании найти свой фокус, призму, через которую будет анализироваться данная категория. Превосходный пример сравнительно ориентированного социокультурного исследования интеллигенции представляет работа финского историка Тимо Вихавайнена, который выбирает в качестве фокуса своего анализа борьбу интеллигенции против мещанства, обывательщины и потребительского духа, прослеживая ее на протяжении последнего столетия. Это хороший образец не просто добротного исторического исследования, но и творческого подхода к проблеме, позволяющего обойти ловушки субъективных симпатий и антипатий².

В рамках данной книги таким фокусом является роль интеллигенции/интеллектуалов в формировании идентичности. «Как бы ни различались между собой люди разных эпох, они задают себе одни и те же вопросы, касающиеся их самих, — им хочется знать, как думать о себе, чтобы дей-

¹ Колоницкий Б.И. Идентификация российской интеллигенции и интеллигентофобия (конец XIX — начало XX в. // Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М: ИВИ РАН., 2001.

² *Vihavainen Timo. The Inner Adversary. The Struggle against Philistinism as the Moral Mission of the Russian Intelligentsia. New Academia Publishing, LLC. NY, 2006.*

ствовать», — писал К. Манхейм¹. Ответ на вопрос «Кто мы?» имеет индивидуальное и коллективное измерения. Замысел этой книги состоит в том, чтобы определить роль интеллигенции/интеллектуалов в поисках ответа на этот вопрос. Особое значение имеет участие интеллигенции в процессе формирования/конструирования политической идентичности. «Политическая идентичность представляет собой комплекс идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации, и предполагает отождествление носителя политической идентичности с политической общностью, — дает определение И.С. Семенов. — Она утверждается во взаимодействии с политическими институтами и реализуется в публичной сфере»².

Исследователи отмечают, что «привычные для национального Модерна идентичности все менее эффективны в общемировом социально-политическом и интеллектуальном пространствах», но в то же время и постмодернистские теории не создают глобальной альтернативы Модерну, не дают универсального кода для описания современных обществ: «в проекте глобального или позднего Модерна можно наблюдать смещение от доминировавших ранее экономических и социальных (классовых) способов формирования и описания идентичностей, характерных для наций и индустриально-классового общества, в пользу идеологически более нейтральных культурных идентичностей. Различия людей и обществ стали преимущественно мыслиться и конструироваться в культурных категориях»³. Таким образом, игра на поле конструирования идентичности опять переходит на сторону интеллектуалов.

А. Кустарев указывает еще на одну сторону проблемы: «условия постиндустриального общества делают

¹ Манхейм Карл. Эссе о социологии культуры // Манхейм Карл. Избранное. Социология культуры. М.—СПб., 2000. С. 95.

² Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. М., РОССПЭН. 2011. С.71

³ Мартынов В.В. Эволюция идентичности в проекте Модерна // Политическая идентичность и политика идентичности. Под ред. И.С. Семенов. Рукопись.

статусную систему даже еще более запутанной и неопределенной, чем условия советского общества. Статусная растерянность и озабоченность индивида, а стало быть, и потребность во всякого рода компенсаторике скорее нарастают, чем ослабевают. Объем разного рода компенсаторных дискурсов в постиндустриальном обществе растет лавинообразно¹. Это объясняет новую волну дискурса, дискуссии, нарастание нарратива интеллигенции/интеллектуалов. 2010–2012 гг. вновь вынесли нарратив интеллигенции в центр общественной полемики в России. Не случайно статья А. Кустарева, изданная пять лет назад, перепечатана в 2011 г. в «Новом мире». В Куренной явно поспешил похоронить теорию мифа интеллигенции Александра Кустарева как исчерпавшую свою прагматическую и эвристическую продуктивность². Похоже, что нарастает «инструментальная роль» этого нарратива «в артикулировании общественных противоречий», что актуализирует потребность в его анализе.

И наряду с вопросом «Кто мы?» вновь формируется вопрос «Где мы?» Как обычно, в кризисных ситуациях интеллектуалы ищут свои варианты ответов. Об этом и пойдет речь в данной книге. В интеллектуальных коммуникациях интеллектуалов по вопросу «Кто мы?» взят длительный исторический период, более столетия, поскольку кросс-темпоральные коммуникации остаются значимыми для современных участников дискуссии, и они постоянно обращаются к предшественникам, споря с ними зачастую горячее, чем с современниками. Участие интеллигенции и интеллектуалов в формировании/конструировании политической идентичности в современном мире и предлагаемые ими ответы на вопрос «Где мы?» рассматриваются в книге преимущественно в условиях современной идейно-политической конъюнктуры.

¹ Кустарев А. Указ. соч.

Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/in5-pr.html>

² Куренной В. Теория мифа // Неприкосновенный запас. — 2006. — № 3 (47). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/kur6-pr.html>

новое обращение к данной проблематике происходит в условиях кризиса идентичности в обществе в целом, поиска ее оснований, новых «социальных семафоров». Для интеллигенции такие дискуссии были и в значительной мере остаются способом самоидентификации. Это обстоятельство далеко не всегда осознается участниками дискуссии. Каждый раз дискуссия как будто начинается заново, каждый дискуссиант претендует на то, что выражает совершенно объективную, не зависящую от личных взглядов и предпочтений позицию. В рамках социокультурного подхода логично следовать рекомендации Ю.Л. Бессмертного, что исследователь, изучая действия людей, в первую очередь должен интересоваться тем, как люди сами понимают свою деятельность, как к ней относятся, насколько стандартно ведут себя в ней, в какой мере и насколько успешно пытаются ее перестроить¹. На наш взгляд, это важно как для анализа исторического прошлого, так и современной ситуации.

ЭТО НЕУКЛЮЖЕЕ СЛОВО «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»

До недавнего времени мало кто вспоминал, что дискуссиям 1909–1910 годов в России предшествовали достаточно горячие споры об интеллигенции в начале 1880-х годов². «Я готов все-таки отстаивать некоторые общие права интеллигенции и даже само слово “интеллигенция”», — писал Н.К. Михайловский в 1881 году. «Не Бог весть какая находка это слово, — рассуждал он, — но у нас это слово привилось и употребляется даже теми, кто его отрицает... Если слово привилось, и еще вдобавок такое нескладное, неуклюжее слово как “интеллигенция”, так значит, оно соответствует какой-то настоящей потребности». Михайловский провел

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М., КРУГЪ, 2011. С. 110.

² Существенное место этим дискуссиям уделено в последних публикациях А. Ширинянца и О. Малиновой.

любопытное сравнение российского и западного «образованного слоя», прежде всего в отношении самого понятия: «Один из аргументов против него гласит так: нигде в Европе это слово не употребляется в смысле определения особой общественной силы. И это говорят главным образом люди, которые во всех других отношениях плюют на Европу». «Ну и будем самобытны, — призывал он, — осмелимся иметь термины и понятия, Европе неизвестные»¹. Особенность русской истории, по его мнению, заключалась в том, что «для нашей интеллигенции невозможна та беззаветная искренность, с которой европейская интеллигенция времен расцвета либеральной доктрины ожидала водворения чуть ли не рая на земле от проведения в жизнь буржуазных начал». Б.И. Колоницкий отмечает, что современники Михайловского тоже считали слово «интеллигенция» «неудачным» (В.А. Гольцов), варварским и неуклюжим, но оно тем не менее «заполняло известный понятийный вакуум, время требовало новых названий для новых непривычных явлений»². Михайловский, который стал «одним из изобретателей интеллигентской традиции» (Б.И. Колоницкий), видел в самой наличности слова «интеллигенция» нечто отчасти утешительное, отчасти прискорбное и во всяком случае обусловленное особенностями российской истории.

В формирующейся традиции новое непривычное слово и обозначаемая им категория изначально трактовались по-разному. Некоторые от понятия «интеллигенция» в применении к себе отказывались³. Другие на него претендовали: «в 1870-х годах молодые люди, отличавшиеся радикальными философскими, политическими и общественными взглядами, стали утверждать, что право

¹ Отечественные записки. 1881. Том 259. № 12.

² Колоницкий Б.И. Идентификация российской интеллигенции и интеллигентофобия (конец XIX — начало XX в. // Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001.

³ Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 5.

носить титул интеллигента принадлежит им одним¹. Третьи ругали «недоучившихся студентов, озлобленных семинаристов и недоучек-дилетантов», забывших Бога и собирающихся «строить новое общество ...на крови и грязи» (М. Погодин)². К.П. Победоносцев предложил называть интеллигенцию «башибузучной» в силу своей антигосударственности и антинародности³. Такое направление принято называть охранительным.

А.А. Ширинянец предлагает назвать его хранительным: «Системообразующими элементами идейно-мировоззренческого комплекса “хранительного” варианта политической культуры пореформенной России стали идеи органического развития, национализм и монархизм... Отношения власти и общества выстраивались как отношения, освященные универсальными нравственными и духовными ценностями»⁴. Самоидентификация интеллигенции была элементом идейно-политической борьбы, но в противостоянии радикального и охранительного лагерей широко использовались аргументы не только политического, но и морально-этического характера. Отражая нападки на интеллигенцию, Михайловский писал: «Я далек от мысли объявлять нашу интеллигенцию стоящей на высоте своего призвания: тупость, мракобесие, кляузничество, ложь, клевета, донос, всего этого у нас вдоволь, и все это получает особенно паскудный характер по сравнению с той высокой ролью, которую могла бы играть русская интеллигенция»⁵. Другую позицию в отношении морально-этических характеристик интеллигенции занял Иванов-Разумник, который относил к интеллигенции лишь избранных, определяя интеллигенцию как «этически-антимещанскую, социологически внесловную, внеклассовую преемственную группу, характеризующуюся творчеством новых форм и

¹ *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1994.

² *Ширинянец А.А.* Указ. соч. С. 217.

³ *Колоницкий Б.И.* Указ. соч.

⁴ *Ширинянец А.А.* Указ. соч. С. 278, 286.

⁵ Отечественные записки. 1881. Том 259. № 12.

идеалов, активным их проведением в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности»¹. Хотя первое издание его книги относится к 1906 году, но сам подход был сформулирован на основе сложившихся раньше представлений интеллигенции о себе самой. Такой ей хотелось бы себя видеть. Такой часто рисуют дореволюционную интеллигенцию современные авторы, особенно при противопоставлении ее «образованщине». Но современники конца XIX в. нередко видели ее такой, как на картине Владимира Маковского «Вечеринка», то есть очень разнородной и далеко не идеальной.

Вплоть до первой русской революции в обсуждении понятия «интеллигенция» можно было найти претензию на научную объективность, поиск научных критериев идентификации. Так, М.И. Туган-Барановский в статье «Что такое общественный класс» отмечал: «Интеллигенция есть общественная группа с неопределенным классовым характером»². А.С. Изгоев писал в 1904 году: «В противоположность общепринятому у нас взгляду мы думаем, что общественная группа, сходная с нашей “интеллигенцией”, существовала и существует в других странах, кроме России». Он обратил внимание на необходимость «поискать признаки, определяющие, что такое интеллигенция, вне субъективных представлений», найти критерии принадлежности к интеллигенции как к особой социальной группе. Интеллигенция выполняет большую умственную работу, что отражается в беллетристике, публицистике, творчестве, науке. Изгоев призвал к осмыслению феномена интеллигенции, заметив, что за исключением разворачивавшейся в особых условиях дискуссии 1880-х, попыток такого анализа не было.

Определяющим признаком интеллигенции Изгоев в то время считал «присущий профессиональной деятель-

¹ *Иванов-Разумник*. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мешанство в русской литературе и жизни XIX века. Т. 1. СПб., Типография Стасюлевича. 1911. С. 12.

² *Мир Божий*. 1904. Январь.

ности этих лиц элемент учительства в широком смысле слова, передачи людям сведений и накопленных знаний с целью научения». Изгоев сравнивал интеллигенцию с путями сообщения, которые «развозят знания по всем концам света»¹. Он подверг осмеянию идеализацию интеллигенции, в частности Н. Бердяевым, утверждавшим в 1903 году: «Интеллигент живет, прежде всего, интересами разума, интеллекта, духовный голод есть преобладающая страсть»². Изгоев насмешливо осведомлялся, неужели же интеллигент не испытывает голода физического, и упрекал Бердяева в увлечении красивой фразой. Попытка формирования объективного подхода, на взгляд Изгоева, требовала внимания к разным группам интеллигенции, не только «высшим» (профессора, учителя, литераторы, проповедники), но и к «низшим». Он включает в комплекс учительства и этические компоненты, поскольку «учительство требует самоуважения, чувства собственного достоинства», «духовной свободы». Изгоев в предреволюционный год рассматривал разные сценарии эволюции интеллигенции. Один — превращение интеллигенции в бюрократию без поддержки социальных сил. Другой — «когда в окружающей жизни мало простора, интеллигенция в силу присущего ей стремления к свободе становится на самый высший пьедестал в стране, переживает героическую эпоху»³.

БУРЯ ВОКРУГ «ВЕХ»

Когда в период первой русской революции интеллигенция взяла на себя миссию «говорить от имени всей нации, защищать освобождение человеческой личности», как призывал ее А. Изгоев в 1904 году, он вошел в состав «веховцев», заклеивших русскую интеллигенцию как безбожную, непрофессиональную, максималистскую, отщепенческую, радикальную. Более того,

¹ Изгоев А. Интеллигенция как социальная группа // Образование. — 1904. — № 1. С. 86.

² Мир Божий. 1903. № 10.

³ Изгоев А. Указ соч. С. 93.

Изгоев, возможно, стал самым жестким из «веховцев» критиком русской интеллигенции, обвиняя ее в том, что она предала функцию «учительства» во имя ложно понятой идеи. Он рисует образ интеллигента, распевающего «Дубинушку» в кабаке и плачущего о судьбе русского народа в публичном доме. В 1909 году Изгоев ставит в вину интеллигенции необразованность и некультурность, отсутствие интереса и любви к своей профессии, к знаниям: «Если вспомнить, какое жалкое образование получают наши интеллигенты в средних и высших школах, станет понятным и антикультурное влияние отсутствия любви к своей профессии и революционного верхоглядства, при помощи которого решались все вопросы. Надо иметь, наконец, смелость признаться, что в наших государственных думах огромное большинство депутатов не обнаружили знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России»¹.

За пять лет, лежащих между двумя публикациями одного автора, интеллигенция не столь уж сильно изменилась в том, что касалось ее просветительских функций и профессиональных качеств, но существенно изменилась ситуация. П. Струве, по мнению Р. Пайпса, был глубоко шокирован тем, что интеллигенция «оказалась не в состоянии понять те изменения, которые принесла революция 1905 года»: «Она инстинктивно продолжала воспринимать “власть” как “врага”..., раздувала вооруженные восстания, забастовки, акты бойкота и саботажа, как будто бы не замечая того, что, поступая подобным образом, она теперь вредит и себе, и народу, которому желала помочь»².

Струве развернул кампанию против интеллигенции, апогеем которой стал выход в конце марта 1909 г. сборника «Вехи», «отголоски которого слышны по сей день и, по-видимому, будут звучать до тех пор, пока в

¹ Вехи. Интеллигенция в России. М., Молодая гвардия, 1991. С. 204.

² *Пайпс Р.* Струве. Биография. Т. 2. М., Московская школа политических исследований. 2001. С. 105–106.

России существует интеллигенция»¹. Редактор сборника Михаил Гершензон объяснял замысел авторов желанием найти выход из тупика, в который интеллигенция завела себя и страну. С. Франк утверждал, что авторы сборника не знакомились с текстами друг друга до опубликования. «Интеллигенцию атаковали с разных позиций, и каждая из семи стрел имела собственную цель», — пишет Пайпс². Презрение к философии (Бердяев), отсутствие внутренней религии (Булгаков), духовное бессилие и зависимость от толпы (Гершензон), профессиональная несостоятельность и моральная нечистоплотность (Изгоев), правовой нигилизм (Кистяковский), отщепенство и отчуждение от государства (Струве), моральный нигилизм (Франк) стали предметами критики авторов «Вех». Их биографы говорят, что «веховцы» не предполагали вызывать общественной бури, они хотели всего лишь обнародовать некоторые идеи. Литературные критики не находят в текстах особых достоинств. Тем не менее в течение одного года пришлось выпустить пять изданий «Вех».

«Веховцы» назвали революцию «духовным детищем интеллигенции» (Булгаков): «Руководящим духовным двигателем ее была наша интеллигенция, со своими мировоззрением, навыками, вкусами, даже социальными замашками. Сами интеллигенты этого, конечно, не признают — на то они и интеллигенты, — и будут, каждый в соответствии своему катехизису, называть тот или другой общественный класс в качестве единственного двигателя революции. Не оспаривая того, что без целой совокупности исторических обстоятельств (в ряду которых первое место занимает, конечно, несчастная война) и без наличности весьма серьезных жизненных интересов разных общественных классов и групп не удалось бы их сдвинуть с места и вовлечь в состояние брожения, мы все-таки настаиваем, что весь идейный багаж, все духовное оборудование вместе с передовы-

¹ Пайпс Р. Указ соч. С. 139.

² Там же. С. 141.

ми бойцами, застрельщиками, агитаторами, пропагандистами был дан революции интеллигенцией. Она духовно оформляла инстинктивные стремления масс, зажигала их своим энтузиазмом, словом, была нервами и мозгом гигантского тела революции. В этом смысле революция есть духовное детище интеллигенции, а следовательно, ее история есть исторический суд над этой интеллигенцией»¹.

Струве усилил критику: «В ту борьбу с исторической русской государственностью и с “буржуазным” социальным строем, которая после 17 октября была поведена с еще большею страстностью и в гораздо более революционных формах, чем до 17 октября, интеллигенция внесла огромный фанатизм ненависти, убийственную прямолинейность выводов и построений и ни грана — религиозной идеи». На его взгляд, «безрелигиозное отщепенство от государства, характерное для политического мировоззрения русской интеллигенции, обусловило и ее моральное легкомыслие, и ее нецеловитость в политике»².

Бердяев пояснил, что речь идет «об интеллигенции в традиционно-русском смысле этого слова, о нашей кружковой интеллигенции, искусственно выделяемой из общенациональной жизни. Этот своеобразный мир, живший до сих пор замкнутой жизнью под двойным давлением, давлением казенщины внешней — реакционной власти и казенщины внутренней — инертности мысли и консервативности чувств, не без основания называют “интеллигентщиной” в отличие от интеллигенции в широком, общенациональном, общеисторическом смысле этого слова. Те русские философы, которых не хочет знать русская интеллигенция, которых она отно-

¹ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России. М., Молодая гвардия, 1991.

Режим доступа: <http://media.utmn.ru/library.php?book=451>

² Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Интеллигенция в России. М., Молодая гвардия, 1991.

Режим доступа: <http://media.utmn.ru/library.php?book=451>

сит к иному, враждебному миру, тоже ведь принадлежат к интеллигенции, но чужды «интеллигентщины»¹.

С. Франк выразил мнение, что «такие факты, как, с одной стороны, полное бесплодие и бессилие интеллигентского сознания в его соприкосновении с реальными силами жизни, и с другой — практически обнаружившаяся нравственная гнилость некоторых его корней, не могут пройти бесследно»². Гершензон предрекал: «Перелом, происшедший в душе интеллигента, состоит в том, что тирания политики кончилась. До сих пор общепризнан был один путь хорошей жизни — жить для народа, для общества; действительно шли по этой дороге единицы, а все остальные не шли по ней, но не шли и по другим путям, потому что все другие пути считались недостойными; у большинства этот постулат общественного служения был в лучшем случае самообманом, в худшем — умственным блудом и во всех случаях — самооправданием полного нравственного застоя. Теперь принудительная монополия общественности свергнута»³. Б. Кистяковский бросил упрек, что «духовные вожди русской интеллигенции неоднократно или совершенно игнорировали правовые интересы личности, или выказывали к ним даже прямую враждебность»⁴. Резкой критике было подвергнуто «народопоклонство» интеллигенции, которое представлялось авторам «Вех» фальшивым, должным оправдывать все болезненные метания интеллигенции.

Помимо политических и моральных упреков, интеллигенция была охарактеризована выразительно и

¹ Бердяев Н.А. *Философская истина и интеллигентская правда* // Вехи. Интеллигенция в России. М., Молодая гвардия, 1991.

Режим доступа: <http://media.utmn.ru/library.php?book=451>

² Франк С. *Этика нигилизма* // Вехи. Интеллигенция в России. М., Молодая гвардия, 1991.

Режим доступа: <http://media.utmn.ru/library.php?book=451>

³ Гершензон М.О. *Творческое самосознание* // Вехи. Интеллигенция в России. М., Молодая гвардия, 1991.

Режим доступа: <http://media.utmn.ru/library.php?book=451>

⁴ Кистяковский Б.А. *В защиту права* // Вехи. Интеллигенция в России. М., Молодая гвардия, 1991.

Режим доступа: <http://media.utmn.ru/library.php?book=451>

беспощадно во всем, включая образ жизни, быт, семью: «интеллигентский быт ужасен, подлинная мерзость запустения, ни малейшей дисциплины, ни малейшей последовательности даже во внешнем, день уходит неизвестно на что, сегодня так, а завтра, по вдохновению, все вверх ногами, праздность, неряшливость, гомерическая неаккуратность в личной жизни, грязь и хаос в брачных и вообще половых отношениях, наивная недобросовестность в работе, в общественных делах» (Гершензон); «безбытная, оторвавшаяся от органического склада жизни, не имеющая собственных твердых устоев интеллигенция со своим атеизмом, прямолинейным рационализмом и общей развинченностью и беспринципностью в обыденной жизни передает эти качества и своим детям, с той только разницей, что дети наши даже и в детстве остаются лишены тех здоровых соков, которые получали родители из народной среды. Боюсь, что черты вырождения должны проступать при этом с растущей быстротой» (Булгаков).

Стоит ли удивляться остроте и болезненности реакции на эту критику? (Правда, «веховцы» удивлялись и неловко оправдывались, что не договаривались, текстов друг друга не читали до издания, что просто так получилось.) Пять сборников и порядка трехсот статей за первые несколько лет стали ответом «веховцам». «Подгнившие “Вехи”», «Реакционная проповедь», «Нечто о “трусливом” интеллигенте», «Творцы нового шума», «Отщепенцы в квадрате», «Мольеровские врачи», «Обвиненные судьи» — таковы, например, названия статей сборника «В защиту интеллигенции», выпущенного в 1909 г.¹ Основные пункты «защиты» — нападение на «веховцев», «жалкое скопище самооплеванных людей» (Бикерман), которых «связал дух злобы против русской интеллигенции» (Н. Иорданский).

Защищая интеллигенцию, Н. Геккер замечал: «“Вехи” не оставили камня на камне из всего того огромного

¹ В защиту интеллигенции. Сборник статей. М., издательство «Заря». 1909.

построения нашей образованности и культуры, которое русская интеллигенция воздвигала с таким трудом и жертвами в течение многих десятков лет»¹. Г. Петров стоял на таких же позициях: «Не следует идеализировать и переоценивать нашу интеллигенцию, но нельзя и топтать на нее ногами, с присвистом ухать»². Недоумение вызывала и неопределенность термина «интеллигенция», употреблявшегося «веховцами» достаточно вольно, без уточнения смысла самого понятия. И. Игнатов высказывал мнение, что, взявшись судить интеллигенцию, веховцы крайне неряшливо провели «предварительное следствие»: «не определив с точностью, кто участвовал в тайном сообществе, именуемом “русская интеллигенция”, уже начали суд»³.

П.Д. Боборыкин в статье «Подгнившие “Вехи”» пояснил, что он имел в виду, вводя слово «интеллигенция» в широкий обиход. Он назвал пять основных признаков интеллигенции: 1. Признание науки руководящей нитью при выработке своего миропонимания; 2. Сочувственное отношение ко всем высшим приобретениям культуры; 3. Требование гражданских свобод как для отдельной личности, так и для общества в его совокупности; 4. Демократизм общественного настроения, вытекающий из искреннего интереса, который подлинная русская интеллигенция всегда имела к судьбе народа; 5. Защита свободы совести в религиозной жизни⁴. Он выразил важную мысль, одним из немногих заметив: «Интеллигенция, и в данном случае русская интеллигенция, состояла и состоит из людей высшей умственной и этической культуры, принадлежащих к разным лагерям, партиям и направлениям»⁵.

¹ Геккер Н. Реакционная проповедь // В защиту интеллигенции. Сборник статей. М., издательство «Заря». 1909. С. 141.

² Петров Г. Обвиненные судьи // В защиту интеллигенции. Сборник статей. М., издательство «Заря». С. 124–125.

³ Игнатов И. Интеллигенция на скамье подсудимых // В защиту интеллигенции. Сборник статей. М., издательство «Заря». 1909. С. 81.

⁴ Боборыкин П.Д. Подгнившие «Вехи» // В защиту интеллигенции. Сборник статей. М., издательство «Заря». 1909. С. 134.

⁵ Там же.

Пайпс считает, что самыми суровыми критиками «веховцев» были социалисты, в то же время реакционеры от «Вех» также открещивались, «подчеркивая, что трое членов авторского коллектива принадлежали к крещеным евреям (Гершензон, Изгоев и Франк), а остальные были просто иудафилами»¹. К наиболее мягким вариантам критики он относит реакцию творческой интеллигенции, например, Льва Толстого, назвавшего «веховцев» «лучшими представителями молодой интеллигенции», а из коллективных работ «кадетский ответ» — сборник «Интеллигенция в России», 1910.

Действительно, авторы этого сборника вступают с «веховцами» в полемику, не стремясь их обвинять и тем более оскорблять. Один из ключевых моментов дискуссии — вопрос об уникальности интеллигенции. Несмотря на различия в оценке интеллигенции, и П.Б. Струве, и П.Н. Милюков сходились в том, что она состоит из различных слоев и групп, некоторые из которых, безусловно, существуют во всех более или менее развитых странах. «Интеллигенция вовсе не есть явление специфически русское, — утверждал Милюков. — Ведь и во всех других странах интеллигенция как отдельная общественная группа возникала, как только рост культуры или усложнение общественных задач вместе с усовершенствованием государственно-общественного механизма и демократизацией управления создавали потребность в специализации и профессиональной группировке интеллигентского труда»². По его мнению, эволюция интеллигентского духа в других странах представляет ряд любопытных аналогий с нашей историей.

Д.Н. Овсяннико-Куликовский объяснял, что в странах, где духовная культура есть дело новое и непривычное, создается такое направление, когда «всякое духовное благо оценивается не по существу, а сообразно с характером и направлением идеологии»³. Тип интеллигента-идеолога,

¹ Пайпс Р. Указ соч. С. 147.

² Вехи. Интеллигенция в России. М., Молодая гвардия, 1991. С. 297.

³ Там же. С. 387.

по мнению Овсяннико-Куликовского, относительно редкий в странах Запада, оказался преобладающим в России. Русская интеллигенция «застряла» в идеологическом фазисе. Несомненно, что тип интеллигента-идеолога в России был самым заметным, причем в значительной степени под влиянием субъективного фактора. Тем не менее сам Пайпс, глубоко изучивший исторические реалии России конца XIX века, дал другое определение: «Интеллигент — тот, кто не поглощен целиком и полностью своим собственным благополучием, но печется о процветании всего общества»¹.

Между прочим, Пайпс отмечал и тот факт, что в последней трети века в России среди «образованного класса» было достаточно сильным стремление к деидеологизации. Л. Толстой в письме к Боборыкину высказался так: «Цель художника несоизмерима с целями социальными. Цель художника не в том, чтобы неоспоримо разрешить вопрос, а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых ее проявлениях». Борис Фромметт, исследовавший жизнь дореволюционного студенчества России, отмечал, что даже в этом «взрывоопасном материале» «бывали моменты, когда именно передовая часть студенчества пыталась удержать его на русле академизма». А после забастовки 1908 года, на его взгляд, «студенчество окончательно встало на путь профессионализма»².

Авторы «Интеллигенции в России» обнаруживали в русской интеллигенции множество образовательных, профессиональных, квалификационных характеристик. «Интеллигенция, как бы ни понимался этот термин, обнимает собою множество групп, существенно различных между собою по привычкам, по духовному складу, по образу жизни» — писал видный юрист и журналист К. Арсеньев³. Это суждение в значительной

¹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1994.

² Фромметт Б. Очерки по истории студенчества в России. СПб.: типография Вольф., 1912. С. 63, 103.

³ Вестник Европы. 1909. Кн. 5.

степени объясняет тот разноречивый во мнениях и оценках интеллигенции, который существует и поныне. Каждый из авторов публикаций либо же участников дискуссии имеет в виду «свою интеллигенцию». «Неопределенность терминологии влечет за собой сбивчивость понятий и противоречия в выводах», — отмечал Арсеньев. Он рекомендовал дифференцировать элементы, «смешанные в одну кучу», установить роль каждого из них, проследить его источники в прошедшем, оценить его значение в дни свободы, в дни колебаний и реакции.

В адрес интеллигенции в ходе дискуссий как прошлого, так и настоящего, раздаются противоречивые обвинения. Когда современных интеллигентов упрекают в том, что они утратили значительную часть блеска и образованности старой русской интеллигенции, в памяти невольно всплывают многие строки из сборника «Вехи», содержащие прямо противоположные оценки. После «Вех» так и закрепился стереотип безбожной интеллигенции, атеистической, безрелигиозной, без Бога в душе, хотя сами «веховцы» были людьми иного плана: именно они в XX веке стали для многих своего рода идеально-типической интеллигенцией, наряду с В.С. Соловьевым, П.А. Флоренским и другими христианскими мыслителями.

«Веховцы» винили интеллигенцию за приверженность революции, а большевики в то же время клеймили ее за ренегатство, мещанство и равнодушие к революционным идеалам. Ленин назвал «Вехи» «энциклопедией либерального ренегатства». Уже в ходе революции начался отток интеллигенции из рядов социал-демократов, как говорил Ленин в статье «На прямую дорогу», «бегство интеллигенции от партии», к кадетам и меньшевикам. Позже этот факт был зафиксирован в резолюции «О пропаганде» VI съезда РСДРП (26 июля — 3 августа 1917 г.): «Отлив интеллигенции из рядов пролетарской партии, начавшийся в 1905 г., стал массовым после февральской революции, когда

классовое содержание деятельности нашей партии неизбежно определило отношение к ней непролетарских элементов». А.Н. Савостьянов так характеризует отношение Ленина к интеллигенции после первой русской революции: «До тех пор, пока интеллигенция казалась ему чем-то аморфным, бесхребетным, неким балластом, который не стоит серьезного внимания, ибо „у интеллигенции без масс никогда не было и никогда не будет ни парламентских, ни серьезных внепарламентских средств борьбы“, Ленин не думал, что придется бороться с ней всерьез. Столкнувшись в революцию 1905—1907 гг. с многочисленной, сплоченной партией, в значительной части состоящей из интеллигенции, выражающей практически полностью интересы интеллигенции и возглавляемой сплошь интеллигенцией самого высокого разбора, вождь пролетариата ожесточился. И озадачился»¹.

В выступлениях после победы Октябрьской революции он много говорил о том, что «главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником Советской власти» (речь на I съезде учителей-интернационалистов 5 июня 1918 г.), что «большинство интеллигенции тянет к буржуазии. Не с помощью интеллигенции, а вопреки ее противодействию (по крайней мере, в большинстве случаев) пролетариат победит, устраняя неисправимо буржуазных интеллигентов, переделывая, перевоспитывая, подчиняя себе колеблющихся, постепенно завоевывая все большую часть их на свою сторону»². Проблема завоевания буржуазных интеллигентов и их переделывания была для Ленина важна потому, что «наука, техника, искусство — в руках специалистов и в их головах»³.

¹ Савостьянов А.Н. Ленин об интеллигенции. Режим доступа: <http://www.sevastianov.ru/kommunizm-bolezni-rossii-xx-veka/lenin-ob-intelligentsii.html>

² Ленин В.И. Великий почин // Ленин В.И. ПСС. Т. 39. С. 19.

³ Ленин В.И. Успехи и трудности Советской власти // Ленин В.И. ПСС. Т. 38. С. 55.

ШТАМПОВАТЬ И ПЕРЕКОВЫВАТЬ?

В этом контексте и с учетом того, что значительная часть враждебной советской власти интеллигенции была уничтожена или выслана из страны, понятно то обстоятельство, что следующая после «Вех» и их оппонентов попытка определиться с понятием «интеллигенция» производилась в ходе дискуссий 1923–1925 годов. В советской прессе того времени, как отмечает С. Чуйкина, «интеллигентов-обывателей противопоставляли образованной части революционеров, так называемых пролетариев по призванию. Газеты критиковали интеллигенцию за политический “импрессионизм” и отсутствие классовой ненависти. В прессе существовал карикатурный образ “мелкобуржуазного хлюпика”; интеллигентами в прессе называли мужчин-специалистов, девушек — барышнями (в отличие от пролетарских девчат), а женщин — мадамами. Молодых людей из интеллигентских семей, “просочившихся” в вузы — жоржиками»¹. Интеллигенция упрекалась в индивидуализме, оторванности от жизни, теоретизировании, прекраснотушии, романтизме.

Дискуссии об интеллигенции были открытыми, их материалы публиковались. Основными участниками дискуссий со стороны власти выступили Н. Бухарин, А. Луначарский, М. Рейснер, их основным оппонентом был специалист по литературоведению Павел Никитич Сакулин, профессор Московского университета, в 1911 году подавший в отставку вместе с коллегами в знак протеста против политики министра просвещения Л.А. Касо, имевший авторитет у советской власти². Именно тогда П.Н. Сакулин и сказал: «Мы много говорим об интеллигенции и все никак не можем наговориться. Причин этому несколько. Во-первых, мы сами принадлежим к интеллигенции. В сущности, это вопрос нашего самоопределения. Во-вторых, объективно рассуждая, нуж-

¹ Чуйкина С. *Дворянская память: «бывшие» в советском городе* (Ленинград, 1920–1930-е годы). ЕУ СПб, 2006. С. 102.

² В 1929 г. он стал академиком, в 1930 умер.

но признать, что это вопрос чрезвычайной сложности и жизнь будет выдвигать все новые и новые стороны в этом вопросе»¹. Он говорил о себе и своей среде.

Почтенному литературоведу, досконально изучившему историографию и разные стороны проблемы, оппонировал Н.И. Бухарин, который, кстати, сам вел дискуссию. Бухарин говорил: «Мы отлично знаем и прямо говорим, что в первое время Октябрьской революции к нам пошла худшая часть интеллигенции... Большинство честной интеллигенции было против нас». Он категорически выступил против идеи, что «нужно подходить к культурному работнику с точки зрения культуры и что особенно нехорошо подходить с политической точки зрения», в чем его мягко упрекнул Сакулин, охарактеризовав этот упрек как попытку «тащить нас назад с завоеванных позиций». «Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер, — решительно заявлял Бухарин. — Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике. Я говорю, что, если мы поставили себе задачу идти к коммунизму, мы должны этой задачей пропитать все решительно. Тов. Сакулин говорит, что мы должны воспитывать культурных людей. Верно. Но не просто культурных, а таких культурных, которые работали бы на коммунизм»².

Его нимало не затронули напоминания Сакулина о бесконечном героизме сельских учителей и сельских учительниц, взваливших на себя гигантский труд в необразованной стране. Более того, он несколько раз саркастически и зло обратился к этому образу добродетельной сельской учительницы: «Все они милые люди, прекраснодушные интеллигенты, за народ готовы отдать все, только не понимающие, что такое народ, говорят и

¹ Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссий. 1923—25 гг. Сибирское отделение РАН. Новосибирск. 1991. С. 29.

² Бухарин Н.И. Судьба русской интеллигенции // Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссий. 1923—25 гг. Сибирское отделение РАН. Новосибирск. 1991.

думают, возвращаясь к старым российским понятиям, становясь на точку зрения добродетельной милой учительницы. А мы говорим, что мы руководства из своих рук не можем выпускать, на что мы имеем историческое право, и то, что нам вменяется в вину, это есть с точки зрения коммунистической величайшая добродетель. Если бы мы вам вручили судьбы России, что бы вышло? Вы бы так одной мертвой лошади испугались, что в панике бросились бы бежать. Когда надо было шагать через трупы, то, извините, для этого надо было иметь не только закаленные нервы, но для этого надо было иметь основанное на марксистском сознании знание тех путей, которые нам история отвела, а вы хотите нас повернуть назад»¹. Правда, Бухарин несколько раз оговорился, извиняясь за свою резкость и оправдывая ее тем, что Сакулин сам призывал говорить откровенно.

В дискуссии 1923–1925 гг. доминирующими оказались голоса Бухарина и Рейснера, призывавшие общество осудить равнодушие интеллигенции к идеям коммунизма, а власть — «штамповать» новую интеллигенцию «как на фабрике».

Впрочем, Сакулину еще удалось в 1925 году издать очень интересное исследование «Социологический метод в литературоведении», в котором одна из глав названа «Интеллигенция». В ней содержится обширный историографический материал и самостоятельная попытка автора дать краткую (но емкую!) характеристику российской интеллигенции. «Социальное положение отдельных групп и подгрупп интеллигенции весьма различно: об этом недостаточно помнят, когда огульно говорят о русской интеллигенции, все равно, в положительном или отрицательном смысле», — писал Сакулин². Он предпринял удивительную (и не только по тому времени) попытку вразумить спорщиков, что критериев принадлежности к интеллигенции может быть множество: либеральных, радикальных, социалистических,

¹ Там же.

² Сакулин П.Н. Указ. соч. С. 80.

пролетарски-коммунистических, и потому они не должны иметь научнообязательной силы. «Справедливость требует признать известное право и за консервативным критерием разных оттенков. Ведь и в “том” лагере есть честные мыслители, также “объединенные общей любовью и общей ненавистью, объединенные творческими исканиями и борьбой», — увещевал Саккулин¹. Поэтому этические дефиниции интеллигенции он считал совершенно законными в публицистическом смысле, но указывал, что они не носят социологического характера.

На основе анализа обширной публицистической и научной литературы П.Н. Сакулин выделил в ней три взгляда на интеллигенцию: 1. Интеллигенция есть класс в самом строгом значении термина (преимущественно большевистский взгляд, выраженный Лозинским, на «классовую», «волчью» природу интеллигенции). 2. Интеллигенция представляет, скорее, профессию, чем класс, она распадается на ряд профессиональных групп, из которых каждая выполняет особую функцию, имеет свои экономические интересы и обнаруживает особую психологию (Туган-Барановский, Каутский). 3. Интеллигенция имеет внеклассовое, социально-этическое значение (Иванов-Разумник, Бердяев и др.)².

Но его работа осталась не востребованной. К ней редко обращаются даже современные исследователи, а уж для своего времени она и вовсе пришлась «не ко двору». Пора дискуссий завершилась. Утвердилась одна единственно возможная оценка интеллигенции. «Старая интеллигенция дала отдельные единицы и десятки смелых и революционных людей, ставших на точку зрения рабочего класса и связавших до конца свою судьбу с судьбой рабочего класса. Но таких людей среди интеллигенции было слишком мало, и они не могли изменить физиономию интеллигенции в целом», — резюмировал Сталин в отчетном докладе на XVIII съезде партии 10 марта 1939 г. Но «дело с интеллигенцией изменилось, однако, в корне

¹ Там же. С. 78.

² Там же. С. 74.

после Октябрьской революции, — заметил он. — Наиболее влиятельная и квалифицированная часть старой интеллигенции уже в первые дни Октябрьской революции откололась от остальной массы интеллигенции, объявила борьбу Советской власти и пошла в саботажники. Она понесла за это заслуженную кару, была разбита и рассеяна органами Советской власти»¹.

«Другая часть старой интеллигенции, менее квалифицированная, но более многочисленная, долго еще продолжала топтаться на месте, выжидая “лучших времен”, но потом, видимо, махнула рукой и решила пойти в службисты, решила ужиться с Советской властью, — классифицировал Сталин. — Третья часть старой интеллигенции, главным образом рядовая ее часть, имевшая еще меньше квалификации, чем предыдущая часть, присоединилась к народу и пошла за Советской властью. Ей необходимо было доучиваться, и она действительно стала доучиваться в наших вузах. Но наряду с этим мучительным процессом дифференциации и разлома старой интеллигенции шел бурный процесс формирования, мобилизации и собирания сил новой интеллигенции»². «Остатки старой интеллигенции оказались растворенными в недрах новой, советской, народной интеллигенции. Создалась, таким образом, новая, советская интеллигенция, тесно связанная с народом и готовая в своей массе служить ему верой и правдой, — подвел он итог и дал практические указания. — Для новой интеллигенции нужна новая теория, указывающая на необходимость дружеского отношения к ней, заботы о ней, уважения к ней и сотрудничества с ней во имя интересов рабочего класса и крестьянства»³. И теоретики не заставили себя ждать, публикуя работы на предмет «старой и новой интеллигенции», и уже в постсталинскую эпоху — о «роли

¹ Сталин И.В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М., издательство «Писатель», 1997. С. 337.

² Там же.

³ Там же.

интеллигенции в строительстве коммунизма», «формировании и развитии социалистической интеллигенции» и, в особенности, о роли КПСС в этом процессе.

ОБРАЗОВАНИЦИНА ИЛИ ВСЕОБЩАЯ СОВЕСТЬ?

«Всем строгим регламентом интеллигенция была вогнана в служебно-чиновный класс, и само слово “интеллигенция” было заброшено, упоминалось почти исключительно как бранное. (Даже свободные профессии через “творческие союзы” были доведены до служебного состояния.) С тех пор и пребывала интеллигенция в этом резко увеличенном объеме, искаженном смысле и умышленном сознании, — такую резкую характеристику самоидентификации интеллигенции дал А. Солженицын в знаменитом очерке «Образованщина». — Но после войны, а особенно в 50-е, еще более в 60-е годы, когда увяла и “пролетарская” терминология, все более изменяясь на “советскую”, а с другой стороны и ведущие деятели интеллигенции все более допускались на руководящие посты, по технологическим потребностям всех видов управления, — правящий класс тоже допустил называть себя “интеллигенцией” (это отражено в сегодняшнем определении интеллигенции в БСЭ), и “интеллигенция” послушно приняла и это расширение»¹.

Но эта дискуссия проходила на страницах Самиздата и Тамиздата. О. Алтаев, назвавший проблему интеллигенции ключевой в русской истории, начал ее характеристику с обращения к «Вехам»². Отмечая существенные различия между современной и дореволюционной интеллигенцией, Алтаев в то же время фиксировал двойственность ее сознания, сохранение ключевых черт интелли-

¹ Солженицын А.И. Образованщина.

Режим доступа: <http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/obrazovan.txt>

² Алтаев О. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вестник РСХД, Париж — Нью-Йорк, № 97, III, 1970.

Режим доступа: <http://antology.igrunov.ru/70-s/periodicals/rshd/altaev.html>

генции. Он насчитал шесть соблазнов, которые пережила интеллигенция: «революционный, сменевеховский, социалистический, военный, соблазн оттепели и соблазн технократический или просветительский». «Интеллигенция посвежела и несколько окрепла. Она наверстала отчасти упущенное, ликвидировав в какой-то мере зиявшие пробелы в своем образовании. Она возобновила некоторые культурные традиции. Она осмелела до того, что стала порой подымать голос, отвергая предписываемые “нормы”, стала фрондировать и в двух-трех случаях даже выступила открыто против власти, — уверял Алтаев. — Интеллигенция знает теперь, какой должна быть Советская Власть и надеется внушить это знание самой власти. Она почувствовала к себе уважение, и, как всегда, немедленно предалась очередным иллюзиям. Мы живем в самый разгар этого нового соблазна»¹.

Статьи Алтаева и Григория Померанца, характеризовавшего интеллигенцию как «самую здоровую часть общества», «самый прогрессивный слой», вызвали ответную реакцию А. Солженицына и его соавторов по сборнику «Из-под глыб», опубликованному в Париже в 1974 году. Солженицын заклеил современную ему интеллигенцию как «образованщину», которая «трудится для общей тюрьмы», угодливо подписывает «грязную чушь против Сахарова», духовно не готова к испытаниям, оправдывает любую подлость изворотливыми аргументами: «Интеллигенция-образованщина как огромный социальный слой закончила своё развитие в теплом болоте и уже не может стать воздухоплавательной». Солженицын считал единственным возможным экзаменом на человека: НЕ ЛГАТЬ! НЕ УЧАСТВОВАТЬ ВО ЛЖИ! НЕ ПОДДЕРЖИВАТЬ ЛОЖЬ!² Статья Солженицына была опубликована уже в эпоху застоя, после окончания «оттепели».

Она определила новые тенденции дискуссии и две противоположные позиции: 1. Настоящая интеллиген-

¹ Там же.

² Там же.

ция кончилась, уничтожена, умерла, осталась лишь образованщина. 2. Интеллигенция сохранила лучшие черты дореволюционной интеллигенции, она по-прежнему «занята всемирными проблемами, всечеловечна, всеотзывчива». Как и в предыдущих дискуссиях, участники стремились сформулировать свои позиции максимально хлестко. Солженицын критиковал Померанца в таком тоне, что тот до сих пор вспоминает об этой критике как о жесткой и жестокой.

В советском обществе того периода открытых дискуссий такого рода быть не могло. Однако, чем сильнее было давление на интеллигенцию, тем более оформлялся и укреплялся интеллигентский миф, комплекс представлений об интеллигенции как духовной, морально-этической категории с особым менталитетом и образом жизни. С. Чуйкина рассматривает в этом контексте поиски нового языка для самоидентификации, начиная с 1930-х годов: «Для представителей старой интеллигенции, лишенных возможностей протеста и влияния на государственные дела, пострадавших от режима, все более важным становилось этическое и эстетическое отрицание, специфическое понимание природы власти, основанное на интерпретации ее негативных проявлений»¹. Интеллигентский миф был своего рода психологическим компенсатором того, что в реальности интеллигенцию власть по-прежнему держала на поводке, только, по меткому выражению Фирсова, сменила его с жесткого на мягкий². В 1960-е годы шел поиск критериев «настоящей интеллигенции»: образованность, широта кругозора, интересная работа, способность принять точку зрения другого, умеренное западничество или умеренное антизападничество, мессианство³.

Современному читателю может показаться парадоксальным, что герои оттепели, интеллигенты, в это время

¹ Чуйкина С. Указ. соч. С. 123.

² Фирсов Б.М. Интеллигенция и интеллектуалы в конце XX века.
Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/8/firsov-pr.html>

³ Чуйкина С. Указ. соч. С. 124.

спорили о том, физики или лирики (в вариации Вознесенского — шизики) — герои нашего времени, размышляли «о времени и о себе», и одновременно писали книги, защищали диссертации на предмет: «Борьба КПСС за интеллигенцию», «Привлечение интеллигенции на сторону Советской власти» и т.п. Однако исследователи справедливо отмечают, что поворот в сторону анализа интеллигенции, пусть в статистическом, обуженном ее значении (служащие) и в соответствии с идеологической конъюнктурой, все же был серьезным шагом от трактовки интеллигенции как прослойки, второсортной по отношению к трудящимся классам. Дмитрий Быков справедливо говорит, что «следующим поколениям трудно представить себе оттепель»: «Радость свободы определяется не столько скоростью перехода к ней, сколько сыростью и тяжестью сводов темницы. Оттепель была куда менее радикальна в смысле разрешенной свободы — но куда более ослепительна по контрасту с тем, что было до нее»¹. Быков сравнивает степень свободы в период оттепели с перестроечными временами.

ВИНОВНИКИ ИЛИ ЖЕРТВЫ ПЕРЕСТРОЙКИ: ДИСКУССИИ О ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Проблематика интеллигенции настолько тесно связана с проблемой свободы, демократии, права на мысль, независимое ее выражение, опасность этой проблематики для режима, отказывавшего гражданам в данных правах, настолько очевидна, что далеко не сразу после начала перестройки система табу в отношении независимого взгляда и свободного от конъюнктуры анализа интеллигенции была разрушена. Зато после 1989 года публикации и публичные дискуссии на эти сюжеты приобрели характер лавины. Это было связано с особенностью периода. Как пишут Б. Дубин и Л. Гудков, в интеллигенции «виделась единственная продуктивная в культурном смысле группа, чей авторитет, моральная

¹ Быков Д. Булат Окуджава. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 179.

значимость и социальное положение обусловлены способностями порождать идеи и ценности, нести новый взгляд на вещи», при этом «очеловечивая косное социальное тело»¹. «Период 1988–1991 гг. А. Уткин образно назвал “сюрреалистическим трехлетием” когда все прежде невозможное стало казаться достижимым, если не завтра, то через месяц-другой, или за 500 дней, или до ближайшей осени, — пишет Фирсов. — Горбачев, оценим это по достоинству, привел “прослойку” на капитанский мостик советского корабля, развернул карту, ткнул пальцем и спросил: “Куда плыть?”»²

В свете этого логично, что дискуссия развернулась на темы, что такое интеллигенция, как она должна относиться к властям, насколько «эффективна» в новых условиях, способна ли быть действенной в социально-политической борьбе, умеет ли отыскать «место под солнцем». В ходе полемики, временами чрезвычайно ожесточенной, предпринимались редкие попытки компаративного анализа «образованного класса» России с аналогичной стратой в других, прежде всего западных странах. Как правило, российская интеллигенция по всем параметрам противопоставлялась интеллектуалам и образованному классу Запада. В ходе перестроечных дискуссий об интеллигенции цитировались и обсуждались, прежде всего, произведения «веховцев».

Оказались совершенно забытыми предупреждения автора «Истории русской интеллигенции» Д.Н. Овсяннико-Куликовского, сделанные им в 1914 году: «Не будем судить о той эпохе (второй половине XIX века. — Л.Ф.) по кризису, пережитому Россией в 1905–1907 годах, чтобы не потерять из виду исторической ретроспективы и не сделать ошибки при оценке тогдашних идей, настроений, представлений»³. «Вехи» были изданы в виде

¹ Гудков Л., Дубин Б. Интеллигенция. Заметки о литературно-политических иллюзиях. М., Эпицентр. 1995. С. 3.

² Фирсов Б.М. Указ. соч.

³ Овсяннико-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции. СПб., 1914.

отдельной книги и в сочетании с другими дореволюционными сборниками об интеллигенции в 1991 г. Бурная дискуссия на страницах толстых журналов развернулась в начале 1990-х. В настоящее время предприняты попытки анализировать ее с точки зрения культурно-мифологического подхода, в рамках которого отмечено, что в «новейшей дискуссии об интеллигенции созрела творческая задача приобщения к наследию “Вех”». Для ее выполнения необходимо было не только прочесть и осознать “Вехи” как возвращенную часть культурной памяти, но и создать законченное размышление об интеллигенции, исходя из социально-духовной коллизии уже настоящего времени»¹. Будет справедливым отметить, что «современными публицистами и критиками подготовлен достойный внимания корпус текстов о духовном предназначении, общественной роли и свойствах интеллигенции», однако вывод о завершении этой дискуссии явно преждевременен.

В ходе новой дискуссии обнаружилось, что с «веховским» видением совпадает взгляд на этот слой как на «общественно инфантильный нарцисс, замкнутый, самодостаточный орден» (М. Колеров), «явно мистифицированную» группу непрофессионалов, самозванных учителей жизни, неприкаянных строителей общественного благоденствия» (А. Быстрицкий), «образованные классы», которым присущи «идеализм, социальный утопизм, иррационализм в помыслах и действиях» (А. Кива)².

В духе интеллигентского мифа предлагались и принципиально иные определения: «интеллигент — душа и ум мира» (А. Бузгалин)³, «Интеллигент — представитель профессии, связанной с умственным трудом, и обладающий умственной порядочностью» (Д. Лихачев)⁴. Д.С. Ли-

¹ См., например: *Пустовая В.Е.* Дискуссия об интеллигенции в журналах постсоветской эпохи: логика трансформации понятия. Автореферат дис...к. фил. н., М., 2008.

² Новый мир. 1994. № 8; Новый мир. 1994. № 3; Новый мир. 1993. № 8.

³ Интеллигенция и власть. Дискуссия в клубе «Свободное слово» / Полис. 1992. № 3.

⁴ Новый мир. — 1993. — № 2.

хачев укрепил своим авторитетом традицию рассматривать интеллигенцию как особую социальную группу людей, «занятых интеллектуальным трудом, наличием интеллигентности, то есть подвижничества, гражданского чувства, высокой нравственности, обширных и разносторонних знаний» (Т. Наумова)¹.

В перестроечный период появилась трактовка интеллигенции, утверждающая, что это «не просто образованные люди, это не профессионалы, а революционеры, перестройщики» (Ю. Бородай), «особого рода партия образованных людей, объединенных общим умонастроением» (В. Межуев)².

В большинстве подходов продолжала господствовать дихотомная позиция: интеллигенция — зачинщица или жертва, как назвал свою статью Ю. Поляков, высказав взгляд, что интеллигенция «по самой своей сути многолика, многоцветна, многопартийна». «Ядро интеллигенции всегда составляли представители разных, порою противоположных политических направлений... Бывает преобладание тех или иных политических влияний, но единства — никогда»³. Однако в полемике доминировала тогда и сохраняется сегодня эмоциональность, зависимость оценочных суждений от социально-политических взглядов автора. Еще одной чертой российских дискуссий об интеллигенции является наличие претензии на монополию в обладании истиной, правильным пониманием феномена интеллигенции. Любопытная деталь: наряду с волной восхваляющих интеллигенцию прошлого публикаций выходили статьи, авторы которых выискивали в биографии известных властителей дум какие-нибудь неприятные факты и эпизоды и с упоением их смаковали. Наиболее забавным мне показались упре-

¹ Наумова Т. Интеллигенция и пути развития российского общества // Социологические исследования. — 1995. — № 3.

² Интеллигенция и власть. Дискуссия в клубе «Свободное слово» // Полис. — 1992. — № 3.

³ Поляков Ю. Зачинщица или жертва. Интеллигенция в эпохи смуты // Свободная мысль. — 1996. — № 2.

ки Толстому в том, что он приводил гостей к обеду, не предупредив жену, и Чернышевскому, который, посадив на чужую книжку кляксу и пытаясь стереть ее, протер страничку до дыр. Таких странных публикаций было немало, но, по счастью, не они определяли погоду.

Как и в дореволюционной России, в либеральные дискуссии вмешалась нелиберальная действительность. Интеллигенция, которая считалась вдохновителем перестройки, попадала под огонь критики вместе с ее неудачами. Многие обвиняли интеллигенцию: «Вот С. Говорухин, давший разрушителям лозунг “Так жить нельзя!” Вот Ю. Власов, сдавший вначале свой огромный авторитет в аренду циничным политикам. Вот и видный идеолог перестройки Д. Гранин, вдруг проявивший заботу об образе Зои Космодемьянской. Лев Аннинский оправдывается: “Что делать интеллигенции? Не она разожгла костер — она лишь “сформулировала”, дала поджигателям язык, нашла слова”. Это — вечная логика “интеллектуальных авторов” любого преступления: мол, не мы поджигали, мы только дали поджигателям спички»¹. С. Кара-Мурза писал в обличительном тоне: «Сейчас идеологи из интеллигенции начали готовить козлов отпущения в собственной среде, отделять “чистых”, которые по определению не могут быть ни в чем виноваты, от “образованщины”, которая всегда, дескать, и заваривает кашу. Они ревизуют горький самоанализ русской интеллигенции начала века (“Вехи” и “Из глубины”). Они заранее сдают будущему суду совести основную массу “рядовых”, которые составляли “чистую” часть революционных митингов»². Политизированность дискуссии об интеллигенции была и остается важнейшим ее компонентом.

Впрочем, рассматривая дискуссии об интеллигенции, следует учитывать, что в широком теоретическом плане поиск определения интеллигенции как интеллек-

¹ *Кара-Мурза С.* Интеллигенция после перестройки: пора оглядеться. Режим доступа: <http://www.kara-murza.ru/books/voprosi/km-00.htm>

² Там же.

туальной, духовной категории лежит в той же плоскости, что и определение духовности, культуры. Именно в таком плане рассматривал интеллигенцию известный советский философ М. Мамардашвили, характеризуя ее как «носителя всеобщей совести общества, в качестве его всеобщего чувствилища, в котором сходятся все нити чувствования и критического самосознания остальных частей общественного организма, лишенного без нее и голоса, и слуха»¹. В контексте напряженной и ценностно-ориентированной интеллектуальной деятельности индивида и общности анализирует интеллигенцию Е.Б.Рашковский. «Интеллигенция — не просто состояние отдельных мышлений, индивидуальных или групповых, но мощный духовно-исторический процесс, переклестывающий цивилизационные, этнические и классовые рубежи, — считает он. — Интеллигенция — это определенный социокультурный массив, исторически вынужденный принять на себя роль объективного агента внесения элементов рациональной самоорганизации в социальную и духовную жизнь общества»². В связи с многозначностью и путаницей смыслов и значений Е.Б. Рашковский считает необходимым «увидеть во всей этой мозаике смыслов их взаимосвязь и внутреннюю соотносительность». «Требуется не привычная логика взаимоотношения и взаимоотсечения, но скорее логика взаимоотношения», — пишет он³.

Всегда, когда дискуссия об интеллектуалах усиливается, проблема их ответственности обостряется, актуализируется и миф о «закате интеллектуалов» и «смерти интеллигенции». Маша Гессен выносит идею о постоянном умирании интеллигенции в заголовок своей книги, замечая: «Каждое поколение интеллигенции провозглашает, что интеллигенция умерла. Или же именует себя

¹ Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. С. 392.

² Рашковский Е.Б. Научные знания, институты науки и интеллигенция в странах Востока. М.: Наука, 1990. С. 124.

³ Там же. С. 114.

последним поколением интеллигенции»¹. «Интеллигенцию сегодня хоронят все кому не лень», — пишет Ольга Балла, остроумно сравнивая постановку этого вопроса с такими вечными темами, как «Есть ли Бог?» и «Человек ли женщина?» Она называет конец русской интеллигенции одной из устойчивых тем современной российской умственной жизни². Предлагает тип «могильщика интеллигенции», в который из современников, согласно выраженной ими позиции, попали Глеб Павловский и Виталий Третьяков.

Споры, ведущиеся в российской интеллектуальной среде, во многом напоминают те дискуссии, которые вела интеллигенция в начале прошлого века об отношениях с властью и обществом. Р.В. Рывкина настаивает на исчезновении интеллигенции в России в постперестроечную эпоху, поскольку «интеллигенция пошла во власть»³. По логике С. Кордонского, поскольку интеллигенция склонна рефлексировать, то она может быть опасной для государства. Государство стремится локализовать активность интеллигентов в приемлемых для себя формах⁴. По нынешнему мнению Дубина и Гудкова, система народ — интеллигенция — власть возникает только в ситуациях крайней неразвитости социальной структуры модернизирующегося общества. Так называемые комплексы интеллигенции представляют собой, по их мнению, «сочетание завышенной самооценки, основанной на сознании приобщенности к культурному наследию страны, и неполноценности, рождающейся из практической несостоятельности интеллигентов»⁵. И Кордонский, и

¹ *Gessen M.* Dead Again. The Russian Intelligentsia after Communism. L.— N.Y.:Verso, 1997. P. 202.

² *Балла О.* Интеллигенция и эволюция. От социальной группы к человеческому типу // Лицейское и гимназическое образование. — 2005. — № 2. С. 30.

³ *Рывкина Р.В.* Драма перемен. М., 2001.

⁴ *Кордонский С.* Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.:ОГИ, 2006. С. 206.

⁵ *Гудков Л., Дубин Б.* Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли «элиты» // Pro et Contra. — 2007. — № 3 (37).

Дубин с Гудковым стремятся приписать интеллигенцию к «совку», худшим проявлениям советского общества.

М.Е. Добрускин сравнивает две эпохи, когда развернулась «активная дискуссия об интеллигенции: поражение революции 1905—1907 гг. и поражение советской власти как главного достижения Октябрьской революции». Сходство видит как в активности интеллигенции в эпоху перемен, так и в ее расколе, утрате идеалов, переходе на противоположные позиции с поражением, в ожесточенной критике интеллигенции, разворачиваемой в обществе, в основном, тоже интеллигентами¹.

ДИСКУССИИ 2000-Х ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В публикациях начала 2000-х гг. авторы также говорят о разнородности интеллигенции с политических, идейных, морально-этических позиций. Особые чувства вызывает так называемая «новая» интеллигенция: свойственная социальной структуре буржуазного типа (Беленький), «олигархическая» (Карпухин, Макаревич), либеральная по риторике и экономическим взглядам². Новую интеллигенцию обвиняют в критиканстве, преклонении перед богатством и постоянном вымогании денег у государства.

Интеллигенты по-разному воспринимают свою ответственность по отношению к государству, власти, проявляя нетерпимость к тем, кто интерпретирует ее по-другому. И если это проявляется даже в сугубо академической дискуссии, то в дискуссии публичной приобретает порой гипертрофированные формы. В связи с этим журналист Елена Ямпольская эмоционально восклицает: «Пока одни других обзывают “ренегатами” и “продажными шукурами”, а вторые первых “либералистами”, “диссидой махровой” и “демшизой”, проходит жизнь»³.

¹ Добрускин М.Е. Интеллигенция под огнем критики: вымыслы и истина // Философия и общество. — 2004. — № 3. С. 49—50.

² Все на выборы! Игры интеллигентов или социальный контроль масс. М., 2003.

³ Известия. 2007. № 193.

Несмотря на различия в риторике, современные дискуссии об интеллигенции схожи с предшествующими по проблематике обсуждения (определение интеллигенции; отношения интеллигенции и власти; ответственность интеллигенции перед народом), по остроте дискуссии и нетерпимости к другому, отличному от собственного, мнению. Объединяет их и то, что спор ведется все время вокруг нескольких десятков имен, преимущественно столичных интеллектуалов. В уже упоминавшейся статье Гудкова и Дубина, характеризующих интеллигенцию как орудие советской системы, упоминается о восьмидесяти московских интеллектуалах, которые обладают самостоятельным, критическим взглядом на происходящее.

Вопрос о том, что интеллигенция — это не только московские интеллектуалы, но и многие провинциальные учителя и врачи, которые напряженно работают, в том числе и для формирования представления о России, ее модели, ставит британская исследовательница А. Уайт. Она отмечает, что сформированная ими модель российской идентичности отличается от той, которую конструируют московские интеллектуалы и политики¹. На стыке идентичностей — локальной, семейной, национальной — интеллигент чувствует себя повествователем или героем транзита. Это позволяет понять, как выживает Россия. Автор убежден, что этого нельзя понять, если изучать Россию только сверху². Это соотносится с позицией Льва Аннинского, который пишет: «В больших городах сегодня копятя как весь интеллектуальный потенциал, так и вся низовая жуть. Поэтому многие интеллигенты сейчас находятся в провинции, в сельской местности. Учителя, врачи — “новые русские земцы”»³.

¹ White, Anna. Small-town Russia. Postcommunist livelihoods and identities. A portrait of the intelligentsia in Acit, Bednodemyanovsk and Zubtsov, 1999–2000. Routledge Curzon, London and New York 2004. P. 210.

² White, Anna. Small-town Russia. Postcommunist livelihoods and identities. A portrait of the intelligentsia in Acit, Bednodemyanovsk and Zubtsov, 1999–2000. Routledge Curzon, London and New York. 2004. P. 212.

³ Аннинский Л. Интеллигенция должна быть гнилой // Новые известия. 19.04. 2004 г.

Справедливости ради надо сказать, что и российские исследователи говорят о необходимости скрупулезного исследования интеллигенции, написания ее истории. И не только говорят. Интеллигентоведение превратилось в субдисциплину исторической науки, институционализировалось, имеет серьезные достижения в анализе интеллигенции. Так, на мой взгляд, одно из лучших исследований интеллигенции принадлежит омскому историку Т.А. Сабуровой «Русский интеллектуальный мир/миф (Социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия)». — Омск: Наука, 2005. К сожалению, широкому читателю эта книга неизвестна. В действительности существует значительный разрыв между развитием интеллигентоведения и публичной дискуссией об интеллигенции. Именно это имел в виду А. Кустарев, оценивая интеллигентоведение. В рамках данной субдисциплины идет научная дискуссия людей, говорящих на одном языке, понимающих и принимающих разнообразие подходов к изучению интеллигенции, увлеченных характеристикой разных сторон и аспектов, вплоть до нюансов, ее истории. Это прекрасно видно по публикациям в журнале «Интеллигенция и мир». Публичную дискуссию об интеллигенции ведут совсем другие люди: писатели, публицисты, литературоведы, философы, — расставляя «социальные семафоры» и определяя как тональность дискуссии, так и ее общественное звучание. Между этими двумя дискурсами связь минимальна. Выйти из академического дискурса в публичный равнозначно тому, чтобы выйти из университетской аудитории на площадь к микрофону во время митинга. На мой взгляд, определенным медиатором выступает журнал «Неприкосновенный запас», который уделяет проблематике интеллигенции значительное внимание, публикуя на своих страницах академические тексты, источниковые материалы и публицистику. Но даже там дискуссии об интеллигенции носят острый характер, что подтверждает уже упомянутое обсуждение книги Александра Кустарева.

Разумеется, Интернет стал пространством разнообразных дискуссий и разноплановой полемики. Пытаясь освоить это пространство, толстые литературные журналы создали федерацию в Интернете «Журнальный зал». Его адрес <http://magazines.russ.ru/>. Здесь собраны подписки более чем двух десятков журналов за много лет. Свежий номер появляется на сайте раньше, чем на бумаге. Это замечательный ресурс, хотя его можно подвести под рубрику «Не для всех», как и размещенные в нем журналы. Как справедливо отметил редактор ресурса Сергей Костырко, «вообще, искусство — вещь крайне недемократическая»¹.

Новая волна дискуссий об интеллигенции развернулась во второй половине 2000-х гг. в связи с тем, что вновь надо было определиться, куда и как плыть. На этот раз власть не спрашивала интеллигенцию об этом; был взят четкий курс на выстраивание вертикали власти и усиление этатистских тенденций. Когда же представители интеллигенции позволили себе критику реформ Путина и путинского режима, лояльные режиму писатели и публицисты стали обвинять либеральную интеллигенцию в антипатриотическом поведении. Многие имевшие ранее вполне либеральную репутацию люди выступили в таком ключе: «Интеллигенция, точнее, та ее часть, которая, будучи фаворитами СМИ, говорит от имени всей интеллигенции, а то и от имени всего общества, не имея, правда, при этом должным образом оформленных верительных грамот, не понимает и не хочет понимать того, что ждет общество от самой интеллигенции. Ждет именно сегодня, когда необходимо, наконец, переломить большинство негативных тенденций в развитии страны» (В. Третьяков)².

Юрий Поляков, ранее призывавший признать разнородность и многоцветность интеллигенции, в пу-

¹ <http://magazines.russ.ru/znamia/des/int.html>

² Третьяков В. Власть, общество и интеллигенция в современной России. Что «лучшие люди страны» ждут от власти, а что власть — от «лучших людей страны»// Независимая газета. 17.01.2001

бликациях и выступлениях периода путинского президентства критикует «унизительный, парализующий волю черный миф о России, внедренный в общественное сознание не без участия нашей продвинутой креативной интеллигенции». В одном из телеинтервью он объяснил, что Путину пришлось корректировать этот миф своей Мюнхенской речью. Поляков обвинил либеральную интеллигенцию в том, что ей «спокойнее и выгоднее выискивать в своем распростертом Отечестве приметы “вечной рабы”, празднуя каждую вновь обнаруженную примету на “устричных балах” и оглашая на международных конференциях»¹. На страницах «Литературной газеты» часто «поминают» «прогрессивную интеллигенцию», «чья роль в нашей смуте бесспорна и весьма велика. Интеллигенция наша всегда гордилась тем, что она в отличие от западных интеллектуалов не просто мыслительная часть общества, а нечто гораздо большее — радельница и печальница за народ, воспалённая совесть нации и всякое такое», а сама «находится всецело во власти интеллектуальной моды — западной, разумеется»². «Сущность настоящего интеллигента — в служении (в высшем смысле слова), если угодно — в патриотизме. Патриотизм — это любовь к своему Отечеству», — поясняют авторы³. «Не на ком остановить глаз, не к кому сходить на исповедь. К Толстому ходили, к Чехову ходили, к Короленко ходили, — сетуют другие. — Но пойдёшь ли со своей бедой к какому-нибудь умнику, у которого стальные глаза и который, если ты не в состоянии заплатить за свет, отключит у тебя не только электричество, но и дыхание? Или к поэту, который звал на баррикады, а сейчас отсиживается в Оклахоме?.. Я, конечно, не надеюсь, что после моей статьи интеллигенция выйдет на площадь и, как Родион Раскольников, упадёт на булыжник и воззовет: “Простите меня, люди, виноват!” Дескать, мне не столь страшен суд, который ждёт меня в будущем, сколь

¹ Литературная газета. 26 июля 2005 г.

² Литературная газета. 19 октября 2011 г.

³ http://www.lgz.ru/archives/html_arch/022006/Polosy/5_2.htm

то, что вы перестали верить в меня. Не упадёт. Не воззовёт. Значит, правы были авторы сборника “Из глубины”: “...Как будете жить дальше, вы, духовные виновники всего этого беспримерного нравственного ужаса? Что будет слышаться вам отовсюду?”¹.

И вновь, как и сто лет назад, интеллигенцию призывают к покаянию, исправлению, очищению: «Интеллигенция же должна начать с искупления собственных грехов перед страной», находя возможности, базу, аргументы и мотивацию «для светлого, мобилизующего мифа в отечественной истории, культуре»². Новые времена порождают ощущение потерянной интеллигенцией миссии. «Во второй половине 1980-х и в начале 1990-х интеллигенция на краткое время стала естественным лидером нации, — отмечает пермский историк и поэт В. Раков. — Но затем перед нами распахнулся тот внешний и, если угодно, настоящий мир, которого мы были лишены прежде. Мир, далеко не похожий на книжный — более простой и более сложный. Это кардинально изменило ситуацию. Большинство из нас возвращается из книжной эмиграции в волнующую реальность. Жизнь становится важнее книг. Спрос на интеллигенцию тут же упал и больше не поднимался. Да и сама интеллигенция не смогла ответить на вызовы нового мира. К современному хаосмосу она оказалась не приспособленной. В 1990-х интеллигенция стремительно теряет свой кодекс чести и, по сути, перестает существовать как социальное и моральное образование. Малая и лучшая часть бывшей интеллигенции остается в профессии. Они изжили комплекс учительства и просто занимаются своим делом, не теряя, впрочем, интереса к политике и либеральным ценностям. Но это так, в качестве хобби»³.

Власть же оценивает этих не теряющих «интереса к политике и либеральным ценностям» иначе: интеллигенты, которые присоединились к критике существующего

¹ Там же.

² Литературная газета. 26 июля 2005 г.

³ Раков В. Интеллигенция в тумане // www.saltt.ru

порядка, высказывая опасения, что Россия в период президентства Путина утратила демократические черты и продвинулась к авторитаризму, были отнесены к разряду врагов, наряду с такими оппозиционными политиками, как Березовский, Ходорковский, Гусинский, Каспаров, Лимонов, Касьянов и Илларионов. В рамках этой логики в 2007 г. была опубликована книга «Враги Путина»¹. В свою очередь, и сам подход, и тональность критики вызвали негативную реакцию. Так Дмитрий Быков писал в статье «Патрохамы»: «Эти новые патрохамы, купленные с потрохами, — патриоты, убежденные, что степень силы и авторитета прямо определяется градусом визга, — выступают сегодня главными рупорами государственной идеологии». Он охарактеризовал их позицию так: «Для этой стилистики характерен ряд признаков блатного дискурса, в частности сочетание истерического пафоса и агрессивного самоподзавода; своего рода “порву за маму-Родину”». В результате русская национальная идеология являет собою нечто вроде государственного гимна в ресторанной аранжировке: на идейном уровне — тезисы о державности, соборности, о том, что план Путина — победа России и общее упование россиян; на стилистическом — заборный тон, прямой мат, неприличный визг и наклеивание ярлыков, каких постеснялся бы пьяный хунвейбин»².

Колумнист газеты «Взгляд.ру» Павел Данилин, редактор портала Kremlin.org, ответил на критику статьей с показательным названием: «Враги и гниющая интеллигенция»: «Интеллигенция наша, которая уже давно не называется гниющей, поскольку она сгнила на корню, решила недавно вытащить кукиш из кармана и в очередной раз разразилась программной статейкой». Данилин противопоставил «интеллектуальную импотенцию» критической интеллигенции «плодовитости» их оппонентов: «общество беременно нашими идеями, наши-

¹ Данилин П., Крышталъ Н., Поляков Д. Враги Путина. М.:Европа, 2007.

² Быков Д. Патрохамы.

Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/print18403.htm>

ми мыслями, нашими ценностями и нашими мечтами. Все они сконцентрированы в одном давно известном и ставшем общеупотребимым идеологическом постулате под названием “суверенная демократия”. Кто угодно и сколько угодно может не соглашаться с этим термином, спорить с ним, но не может подвергаться сомнению факт, что суверенная демократия — господствующая в обществе идеология (заметьте, я говорю об обществе, а не о государстве). И этого добились именно мы¹. Как и все другие критики интеллигенции, он выдвигает требования к ней: «Интеллигенция, которая хочет участвовать в политическом процессе, будет обязана отказаться от всяческой антигосударственной и антиобщественной риторики, задавая моральные ориентиры для современного общества и работая над восстановлением интеллектуального класса России»². Нет ничего удивительного, что при такой оценке интеллигенции автор наотрез отказывается называть себя интеллигентом, несмотря на наличие двух высших профессиональных образований, о чем он не без гордости информирует читателя.

Интеллигенция уже научилась отбиваться от обвинений в «гнилости»: «Интеллигенция выполняет функцию болящей совести. За это ее и прозвали в советское время “гнилой”. Совесть и на самом деле должна болеть. Здоровой совести не бывает», — декларировал Л. Аннинский³.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В АНТИСИСТЕМНОМ ПОЛЕ: НОВЫЙ ПОВОРОТ ДИСКУССИИ

Тех, кто не соглашается, становится все больше: Улицкая, Акунин, Прилепин, Фатеева, Ахеджакова, Угаров, Стругацкий, задающие неудобные вопросы, вы-

¹ Данилин П. Враги и гниющая интеллигенция // Режим доступа: <http://www.vz.ru/columns/2007/11/21/126277.html>

² Данилин П. Бояться ткачих. Режим доступа: <http://vz.ru/columns/2007/12/10/130825.html>

³ Аннинский Лев. Интеллигенция должна быть гнилой // Новые известия. 19 апреля 2004 г.

сказывающиеся по поводу действий власти, по мнению Л. Шевцовой, «вышли в антисистемное поле», заставив «оставшихся там» чувствовать себя неудобно, возможно, и отвратительно»¹. Большой резонанс имела статья Л. Шевцовой «Про слойки», один из ключевых тезисов которой — «прорыв к свободе может быть бескровным, лишь если интеллигенции удастся сохранить в обществе не только роль морального арбитра, но и способность к формированию повестки дня». Вновь поднят был вопрос о «хождении интеллигенции во власть». «Феномен интеллигенции “при власти” имеет два последствия. Во-первых, в обществе самоликвидируется сила, призвание которой в том, чтобы сохранять моральное и этическое измерение. Никакая другая прослойка — ни бизнес, ни технократы, ни менеджеры — в этом качестве интеллигенцию не заменят, — считает Л.Шевцова. — Во-вторых, сужается возможность для деятельности по проектированию выхода из нынешней системы»².

Эта статья стала самой обсуждаемой в январе 2011 г. на форуме газеты и в блогосфере. Один из комментаторов писал Л. Шевцовой: «Вы полностью выполнили задачу интеллигента — осмысление действительности в ее самых сложных проблемах»³.

Значимость интеллигенции в плане влияния на общественное мнение проявилась в связи с отношением к Михаилу Ходорковскому и второму судебному процессу над ним. Видные писатели (Борис Акунин, Людмила Улицкая) вступили в переписку с Ходорковским после того, как он стал публиковать статьи с концептуальными проектами по развитию России. Диалоги выкладывались в Интернет, публиковались и вызывали обсуждение. Одно из мнений — вокруг этих людей складывается

¹ *Шевцова Л.* Про слойки. Смогут ли российские интеллектуалы отказать от кремлевских «пряников» в массовом порядке. И что еще должна сделать власть, чтобы служить ей стало совсем неприлично // Новая газета. 12 января 2011 г.

² Там же.

³ <http://www.novayagazeta.ru/data/2011/01/21.html>

«плеяда таких талантов, ума, достоинства, мудрости, верности. И посмотрим на круг их, так сказать, оппонента. В лучшем случае там кучерену с карауловым найти можно. Остальные вообще из разряда зоологии, если не сказать хуже»¹. (Как мы уже выяснили, в дискуссиях об интеллигенции в выражениях не стесняются.)

И власть, и интеллигенция используют все те же технические приемы: составление списков подписантов «за» и «против». Сначала было опубликовано «Письмо 55» «в защиту судебной системы», в ответ на это 14 марта 2011 г. появилось «Письмо 45», обращенное к Международной правозащитной организации Amnesty International, которое подписали писатели Борис Акунин, Борис Стругацкий, литературовед Мариэтта Чудакова, актеры Лия Ахеджакова и Олег Басилашвили, журналисты Владимир Познер, Леонид Парфенов, Дмитрий Муратов, Виктор Шендерович. Свои подписи под обращением также поставили член правления Института современного развития (ИНСОР) Евгений Гонтмахер, преподаватель Высшей школы экономики (ГУ ВШЭ) Ирина Ясина, экономист Михаил Делягин и другие. Авторы письма призывали международных правозащитников признать Ходорковского узником совести и характеризовали его как крупного общественного деятеля, способного стать лидером объединенной демократической оппозиции.

«Новая газета» выступает как центр антипутинской интеллигенции, критикуя режим, публикуя расследования чинимых властью безобразий, язвительные «письма счастья» Дмитрия Быкова и т.п. Она стала одним из центров оппозиционных настроений в декабре 1911 г., когда прошли массовые митинги «за честные выборы». С противоположной стороны политических баррикад такая позиция оценивалась как «патриотический угар», носителем которого «в первую очередь является либерально-богемная интеллигенция»². Руководитель предвыбор-

¹ Режим доступа: <http://khodorkovsky.ru/news/2011/04/08/16080.html>

² Соколов М. Наука отступать.

Режим доступа: <http://vz.ru/columns/2011/12/27/550142.html>

ного штаба В. Путина в ходе предвыборной кампании 2012 г. Станислав Говорухин высказался максимально жестко: «Я бы будущему президенту посоветовал, вообще, не опираться на либеральную интеллигенцию, поскольку она, по сути своей, предательская. Та часть интеллигенции, которую Ленин обозвал не мозгом нации, а говном нации. Посоветовал бы не опираться на этих всяких либеральных писателей, лауреатов “Букера”, авторов этих книг, которые читать невозможно. У нас есть настоящая интеллигенция, на которую и надо опираться»¹. Говорухину принадлежит идея роликов «Почему я голосую за Путина», в которых снялись Олег Табаков, Алиса Фрейндлих, Юрий Башмет, Евгений Миронов, Чулпан Хаматова. Эти ролики вызвали неоднозначную оценку в обществе: многие считали, что люди были вынуждены выступить в поддержку Путина. В блогосфере развернулась полемика с нападками на некоторых участников, в особенности Хаматову². «Не будем добивать властителей дум, — призывала Слава Тарошина, корреспондент «Новой газеты». — Они уже и без нас наказаны ежедневным публичным унижением посредством роликов. Эти сочинения натужны, сбивчивы и оглушительно неталантливы, что для культурных героев равно смертному приговору»³.

В ситуации острого противостояния и нетерпимости особенно возрастает потребность в обращении к личности интеллигента, интеллектуала, обладающего независимым умом и статусом. Тарошина увидела такую личность в Эрнсте Неизвестном, документальный фильм о котором был показан на канале «Культура» 17 февраля: «Предвыборная кампания стремится к финалу. Спецназовцы от культуры призваны под знамена. Пушкинская

¹ http://slon.ru/russia/tsitata_dnya_stanislav_govorukhin_liberalnaya_intelligentsiya_predateli_i_govno_natsii-747344.xhtml

² Присвоение Хаматовой после выборов звания народной артистки активизировало эти дискуссии и нападки.

³ Тарошина С. Говорухинские пошлы в народ. Доверенные лица — в анфас и профиль // Новая газета. 14 февраля 2012 г.

проблема “поэт и царь” решается в наши дни до безобразия просто: где цари, там и поэты. Кажется, так было всегда. Но вот сидит в кадре известный скульптор, буднично и спокойно рассказывает историю своей жизни, и ты ощущаешь великую силу самостояния. Спасибо Эрнсту Иосифовичу. Он помог лучше понять и сформулировать то неясное, что угнетает отнюдь не только меня в последнее время»¹. Популярными стали ссылки на Вацлава Гавела как образец интеллектуала и политика, сумевшего мирно и цивилизованно провести радикальную трансформацию. «До сих пор постсоветская Россия подбирала себе лидера под шаблон “хорошего” вождя (царя)... История показала, что для наших климатических условий человеческий материал этого типа малопригоден: быстро разлагается. Давайте сменим парадигму, — предлагает профессор Евгений Сапиро, имеющий богатый политический опыт. — Возьмём пример с чехов, избравших в трудное для страны время, не “вождя”, а “совесть нации” — “гнилого интеллекта” Вацлава Гавела. Порядочного, взвешенного, ответственного, образованного, не замаранного властью». На его взгляд, подходящей кандидатурой стал бы Борис Акунин, поскольку «у интеллекта больше шансов остаться равноудаленным от толпы верноподданных, претендующих на его властную, неплатоническую любовь»².

Последние по времени дебаты об интеллигенции были помещены в конкретный политический контекст думских и президентских выборов 2011–2012 гг., очередного витка противостояния общества и государства. В связи с этим вновь актуализировалось понятие «новая интеллигенция», но в принципиально ином, чем в середине 2000-х гг., толковании — как совокупность активных и неравнодушных граждан³. С другой стороны,

¹ Тарошина С. Российская политическая сцена сквозь призму Эрнста Неизвестного // Новая газета. 22 февраля 2012 г.

² Сапиро Е. Давайте сменим парадигму.

Режим доступа: . http://www.nk.perm.ru/news.php?news_id=33460

³ http://mn.ru/society_civil/20120227/312374848.html

интерес к интеллигенции и публичная дискуссия об интеллигенции оцениваются как показатель того, что «за последние десять лет социальное поле зачистилось», «люди потеряли возможность свободно действовать», гражданское общество оказалось свернуто¹. Редактор «Нового литературного обозрения» Ирина Прохорова, сестра и доверенное лицо одного из кандидатов в президенты (президентской кампании-2012) — Михаила Прохорова, высказала мнение, что по мере восстановления гражданского общества интеллигенция занимает свои ниши и ее актуальность ослабевает.

«Интеллигенцию — всю, скопом — сейчас принято упрекать в слиянии с властью (царской, советской, ельцинской, путинской), в интеллектуальной несамостоятельности и в одновременном чувстве высокомерия и ничтожества по отношению практически ко всем остальным социальным группам. Многие упреки, конечно, вполне справедливы. Вот только обесценивающий тон и сильная ярость выдает здесь какую-то скрытую повестку дня», — рассуждает колумнист «Московских новостей» Виктория Муслик. Пытаясь ответить для себя на вопрос «Интеллигент ли я?», журналист обнаруживает сложный комплекс чувств в своей душе и не менее сложный спектр подходов и оценок интеллигенции в сегодняшней прессе. «Чтобы разобраться в этой “повестке”, я кое-что почитала, — рассказывает она. — Например, “Сборник статей о русской интеллигенции” 1909 года “Вехи”, где речь идет о “кризисе духовном, требующем глубокого, сосредоточенного раздумья, самоуглубления, самопроверки, самокритики” (не правда ли, знакомо?) Полемику двух известных филологов — Бориса Успенского и Михаила Гаспарова — об уникальности или встроенности русской интеллигенции в мир, неоднородности внутри этой группы. Я читала Григория Померанца.., читала уничижительное определение Желтова, сделанное значительно до 1917-

¹ <http://ria.ru/interview/20120218/568792417.html>

го, в 1890-м: интеллигенция “как будто что-то особенно высокое и недостижимое”, а между тем “всякий недоучка, нахватавшийся новомодных оборотов и слов, зачастую даже и круглый дурак, затвердивший такие выражения, считается у нас интеллигентом”. Читала реплики в вековом споре тех, кто считал интеллигенцию “солью нации”, поднимая на щит имена Чехова и Булгакова, и тех, кто видел в ней “отбросы общества”¹. Завершается обзор призывом разобраться, наконец, в том, что же такое интеллигенция — в прошлом и настоящем.

Можно по этому поводу огорчаться и возмущаться: как же современный человек столь мало осведомлен о перипетиях и поворотах дискуссии, идущей второе столетие? Кому же адресованы тома добросовестных исследований «интеллигентоведов»? Есть ли, вообще, смысл в дискуссиях, если он теряется даже в ближней перспективе? Вопросы риторические, но только в определенной степени. Конечно же, речь не идет о том, что тот или иной участник недостаточно прочитал или не слишком глубоко вник в проблематику интеллигенции. (Когда я готовила список литературы, я вздрогнула по поводу обвинений в том, что не учла ту или иную публикацию.) Дело совершенно в ином. Можно быть сколь угодно эрудированным и начитанным во всем, что касается истории интеллигенции и разных ее трактовок. Это не освобождает человека от того, чтобы быть вовлеченным эмоционально, идейно, политически в современный разворот дебатов, который в очередной раз свидетельствует о том, что дискуссии об интеллигенции напрямую сопряжены с проблемой политического выбора, они всегда обостряются тогда, когда такой выбор обнаруживается, и идут подспудно, в русле интеллигентского мифа в ситуациях, которые кажутся безвыходными. В публичном поле невозможно (и не нужно) сохранять сугубый академизм обсуждения. Однако вполне возможно и крайне целесообразно пони-

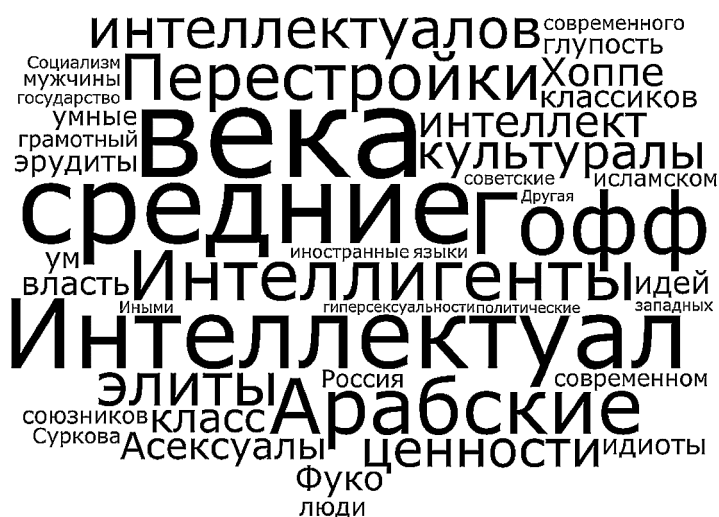
¹ Муслик В. Интеллигент ли я?

Режим доступа: <http://mn.ru/columns/20120210/311276242.html>

мать зависимость дискуссий от идейно-политической конъюнктуры, оценивать их как средство самоидентификации — коллективной и личной.

Понимание интеллигенции как особого социокультурного феномена предусматривает интеллектуальную коммуникацию. Пока в России доминирует транзитимпоральная коммуникация (то есть актуализация и рецепция «старых текстов» в новых социокультурных условиях)¹. Это прежде всего обращение к текстам «Вех», а также к характеристике «образованщины». На мой взгляд, перейти на качественно новую ступень дискуссии об интеллигенции и ее осмысления можно только при актуализации современной интеллектуальных коммуникаций, поддерживающих интеллектуальные сообщества.

¹ Репина Л.П. Указ. соч. С. 376.

Глава вторая

ДИСКУССИИ ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАХ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАПАДА

КОНФЛИКТУЮЩИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Важную научную и социальную проблему составляет сравнимость и сопоставимость понятий и феноменов. В российской дискуссии о русской интеллигенции на протяжении столетия периодически выражается позиция, что интеллигенция является уникальным российским феноменом. Эта позиция не единственная, но доминирующая. Ее сторонники упорно игнорируют наличие других точек зрения и других интерпретаций понятия «интеллигенция» в российской и зарубежной общественной мысли. Противопоставляя российскую интеллигенцию западным интеллектуалам, они оставляют вне поля зрения неоднозначность и дискуссионность концептов и трактовок понятия «интеллектуалы».

Финский историк Т. Вихавайнен, автор ряда блестящих работ по истории российской интеллигенции, отме-

чает как изрядное преувеличение убежденность русских интеллигентов в том, что интеллигенция — уникальный национальный феномен, не имеющий аналогов на Западе. Он справедливо замечает: «Противоположные, конфликтующие определения интеллигенции зачастую служат политическим целям конкретных групп в большей степени, нежели исследованию вопроса»¹. Т. Вихавайнен сравнивает антибуржуазный импульс российских и западных интеллектуалов, приводя примеры Т. Карлейля, Г. Флобера и других исследователей, выступавших с резкой критикой мещанства, обывательской пошлости².

Кристоф Шарль, руководитель Института новой и современной истории Франции (Institut d'histoire moderne et contemporaine, ИМС), отмечает, что слово «интеллектуалы» во французском языке никогда не будет иметь того же самого смысла, которым наделено в русском языке слово «интеллигенция», просто в силу того, что каждое из этих слов имеет свою собственную историю. Вместе с тем он указывает, что в современной Франции модно использовать слово «интеллигенция» как синоним слова «интеллектуал»³ и отмечает сходство Франции и России, где интеллигенция и интеллектуалы играли в разные периоды истории важную роль⁴.

Термин «интеллектуалы» (intellectuelle, intellectual, intellektuellen) имеет в западных социальных науках множество дефиниций и различное толкование: люди, «обладающие мужеством отвергать подчинение, не стремясь к господству» (Б. Рассел)⁵; «интеллектуал — это человек идей и человек науки» (Р. Арон)⁶; «гомогенный интеллектуальный класс, закрытый для центров политической и

¹ *Vihavainen Timo. The Inner Adversary. The Struggle against Philistinism as the Moral Mission of the Russian Intelligentsia. New Academia Publishing, LLC. NY, 2006.*

² *Vihavainen T. Op. cit. P. 21.*

³ *Кристоф Шарль. Интеллектуалы во Франции. Вторая половина XIX века. М., Новое издательство, 2005. С. 21.*

⁴ Там же. С. 26.

⁵ *Russel B. Power. A New Social Analysis. L. Allen&Unwin, 1957. P. 19.*

⁶ *Арон Р. Опиум интеллектуалов // Логос. — 2005. — № 6 (51). С. 187.*

социальной власти» (Э. Шилз)¹. Английский историк Т. Хейк считает, что интеллектуалами можно назвать особую группу людей, обладающих общим самосознанием и чувством превосходства, отчужденности и обособленности². На взгляд американского исследователя С.М. Липсета, интеллектуалы вследствие увлеченности творчеством, склонности к отказу от традиционного и устоявшегося бросают «вызов тому, что принимается и разделяется обществом в широком смысле»³. Й. Шумпетер вопрошает: «Профессия непрофессионалов? Профессиональный дилетантизм? Люди, которые берутся рассуждать обо всем, поскольку они ничего не понимают?»⁴

Юрген Хабермас утверждает: «Нетрудно набросать идеальный тип интеллектуала, который нащупывает важные темы, выдвигает плодотворные тезисы и расширяет спектр релевантных аргументов, чтобы повысить печально низкий уровень дискуссий в обществе». Он делает важное замечание: «интеллектуалы, оказывающие с помощью риторически заостренных аргументов влияние на общественное мнение, нуждаются в общественности — бодрствующей, информированной, способной на отклик. Им нужна более или менее либерально настроенная публика, и уже поэтому им приходится полагаться на хоть как-то функционирующее правовое государство, ведь в своей борьбе за правду, которой затыкают рот, или за права, которые у кого-то отнимают, они апеллируют к универсалистским ценностям. Они — часть мира, в котором политика не исчерпывается деятельностью государства; их мир — это политическая культура возращения, в которой коммуникативные свободы граждан

¹ *Shils E. The Intellectuals and the Powers: Some perspectives of Comparative Analysis// On Intellectuals. N.Y.: Garden City. 1970.*

² *Heyck T.W. The Transformation of Intellectual Life in Victorian England. L., 1982.*

³ *Lipset S.M., Dobson R.B. The Intellectual as Critic and Rebel. With special reference to the United States and the Soviet Union// Daedalus. Cambridge (Mass.). 1972. Vol. 101. N. 3. P. 164.*

⁴ *Шумпетер Й. Капитализм, социализм, демократия. Режим доступа: http://fondint.narod.ru/bibl/alf/24sch/01/schum/schum_kapit.html*

возможно и принимать, и мобилизовывать»¹. Его замечания важны не только в плане выражения личной оценки, но и в отношении анализа факторов формирования интеллектуалов как особой социально значимой группы. На его взгляд, их, по меньшей мере, три: наличие общест-венности, публики; определенного правового поля, пространства свободы, в котором можно высказываться и получать отклик; возможность возражать (властям) и мобилизовывать (массы, сколько-нибудь массовые категории).

Литература об интеллектуалах не менее обширна, чем об интеллигенции. Татьяна Голиченко, характе-ризующая исследования интеллектуалов во Франции², приводит внушительную обойму работ «по интеллек-туаловедению» (не более «уклюжее» слово, чем интелли-гентоведение), осуществленных Р. Ароном, Ф. Лиотаром, Р. Дебре, М. Фуко, М. Виноком, Ф. Сириелли, К. Шар-лем, П. Ори, Р. Ризффе́лем, П. Брюкнером, Д. Линден-бергом, С. Алими, Ж.-К. Мильнером и др.

В исторической науке в этом отношении существует два тренда — история интеллектуалов и интеллектуаль-ная история. «В настоящее время изучение интеллекту-альных традиций (в том числе научных) выходит далеко за рамки истории идей, теорий, концепций, системати-чески обращаясь к анализу конкретных средств и спосо-бов их формулирования в соответствующих текстах, и к судьбам их творцов, и к более широким социокультур-ным контекстам, в которых эти идеи функционирова-ли, воспроизводились, интерпретировались и модифи-цировались», — отмечает Л.П. Репина, фиксируя дрейф истории интеллектуалов к социокультурной истории интеллектуальных сообществ³. На наш взгляд, сопряже-

¹ *Хабермас Ю.* Первым почуть важное. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас. — 2006. — № 3 (47).

Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2-pr.html>

² *Голиченко Т.* Интеллектуалы в фокусе современных французских исследований. Режим доступа: belintellectuals.eu/publications

³ *Репина Л.П.* Указ. соч. С. 380, 382.

ние изучения интеллектуальных сообществ с анализом социальных и культурных систем должно сочетаться с характеристикой политического контекста, политических коллизий, политических процессов и ситуаций. Без этого сложно понять и объяснить остроту дискуссий в интеллектуальной среде, в том числе по поводу того, что собой представляют интеллектуалы и каково их предназначение.

Достаточно посмотреть на названия книг — «Опиум интеллектуалов» (Р. Арон), «Могила интеллектуалов» (Ф. Лиотар), «Позор и слава интеллектуалов» (П. Вьерек), «Последние интеллектуалы» (Р. Якоби), чтобы понять насыщенность и эмоциональность дискуссии.

Наша задача — вписать дискуссию об интеллектуалах в социально-политический контекст, определить основные пункты и тренды этой дискуссии, продемонстрировать ее связь с конкретно-историческими и идейно-политическими ситуациями.

ПОЯВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Считается общепринятым, что понятие «интеллектуалы» появилось во Франции в период дела Дрейфуса. Это был самый острый кризис Третьей республики, после Буланжистского и Панамского скандалов, угрожавших судьбе республики и связанным с республиканским устройством гражданским свободам и демократическим ценностям. Эмиль Золя выступил в защиту Альфреда Дрейфуса, офицера генерального штаба, еврея по национальности, несправедливо осужденного за шпионаж на пожизненное заключение, параллельно защищая справедливость и права человека вообще. Он называл дело Дрейфуса «нравственным Седаном», сравнивая его с позорным поражением Франции в франко-прусской войне в 1870 году. После публикации знаменитого письма Эмиля Золя «Я обвиняю» в январе-феврале 1898 г. в поддержку Дрейфуса было собрано 1500 подписей писателей, ученых, журналистов. Шарль Кристоф поясняет, что в газетах «эта петиция была озаглавлена просто: «Про-

тест». После чего один из главных антидрейфусаров — Морис Баррес напечатал статью, в которой это коллективное письмо именовалось «Протест интеллектуалов». Интеллектуалы, писал Морис Баррес, претендуют на то, чтобы быть «аристократами мысли», а на самом деле они «...придурки, стыдящиеся думать так же, как простые французы, полуинтеллектуалы, лоботомированные дворняжки (*le chien decerebre*), бесштаннные бакалавры (*proletariat de bacheliers*)». Ему вторит Шарль Моррас, называющий интеллектуалов *parvenus de l'intelligence...* и объясняющий появление этой категории людей тем, что «...государственная система образования производит слишком много писателей и тем самым плодит *proletariat intellectuel*»¹. Именно с этого момента термин стал общеупотребительным и вошел в широкий обиход. Таким образом, как и многие художественные или политические движения, интеллектуалы получили свое имя из рук своих противников. Уже отсюда становится понятна вся проблематичность наименования «интеллектуал»: изначально это наименование было оскорблением².

Кстати, через несколько лет аналогичная история произошла в США, когда президент Теодор Рузвельт назвал «разгребателями грязи» журналистов и писателей, расследовавших пути сколачивания состояний и формирования кампаний типа «Стандарт Ойл», коррупции и махинации. Он полагал оскорбить тех, кто взялся за разоблачения, но понятие «макрейкеры» (англ. *muckrakers*) стало обозначением прогрессивных и демократичных интеллектуалов (М. Твена, Л. Стеффенса, А. Тарбелл, Э. Синклера и др.).

Кристоф Шарль пытается найти объяснение, каким образом и почему слово-неологизм «интеллектуал», первоначально обозначавшее узкую авангардную группу, смогло превратиться в ключевой элемент социально-политической терминологии и выйти далеко за пределы Франции, став общеупотребительным международным

¹ Ухтомский Ник. Антиинтеллигентская традиция.

Режим доступа: <http://hvac.livejournal.com/217558.html?format=light>

² Кристоф Шарль. Указ. соч. С. 294.

термином, предполагающим, однако, отсылку — хвалебную или уничижительную — к французской ситуации»¹. Он связывает такое распространение с поисками идентичности как тех, кто сплотился в коллективном протесте по делу Дрейфуса, так и жаждущих сплочения господствующего класса вокруг идеи французской идентичности. На наш взгляд, можно сказать, что идентичности жаждала и та, и другая сторона. Для антидрейфусаров Франция — страна католическая и монархическая, с присущими этим характеристикам атрибутами, для дрейфусаров — республиканская и антиклерикальная. Далеко не все дрейфусары выступали за радикальное изменение социального и политического порядка. Плечом к плечу с социалистом-романтиком Жаном Жоресом в лагере дрейфусаров сражался Жорж Клемансо, будущий министр и премьер-министр буржуазной Франции, уже перенесшей позор Панамского скандала. Так что дрейфусарская «колонна» не была столь уж однородной. Напротив, как и в последующие кризисные для страны моменты, республиканцы и антиклерикалы принадлежали к разным партийным организациям и социальным группам. А. Франс, Р. Ролан, Э. Ростан и многие другие писатели присоединились к дрейфусарам.

На взгляд Кристофа Шарля, интеллектуала и дрейфусарство, и социализм привлекали тем, что «основывались на тяге к реальности, к критике, к истине. Участвуя в таком движении, университетский профессор обретал содержательную социальную роль, не сводившуюся к мандаринской позиции или к защите и оправданию установленного порядка»². (На языке Жюльена Бенда, в конце XIX в. интеллектуалы «начинают потворствовать политическим страстям».)³

Так или иначе условия для формирования интеллектуалов как особой страты сложились, и новое слово

¹ Кристоф Шарль. Интеллектуалы во Франции. Вторая половина XIX века. М., Новое издательство, 2005. С. 17–18.

² Там же. С. 63.

³ Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. ИРИСЭН, М., 2009. С. 111.

«интеллектуалы», которое вначале писали курсивом или с заглавной буквы, начинает распространяться не только во Франции, но и повсеместно, сразу же приобретая политизированность, дискуссионность, оказываясь сопряженным с темами конца, смерти, заката интеллектуалов и их предательства. Раймон Арон писал, что интеллектуалы тесно связаны «с национальным сообществом: они *переживают* (курсив автора. — Л.Ф.) судьбу своей страны в особо острой форме»¹.

Рубеж XIX — XX веков был эпохой, казавшейся прекрасной только на фоне Первой мировой войны². Это время характеризовалось беспокойством, напряжением, политическими конфликтами и кризисами, поиском альтернатив социального и политического развития.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ АРИСТОКРАТИЯ

И. Нарский считает, что интеллектуалы предстают как «носители ряда черт: 1. Культурное кодирование, с помощью которого создают идентичности. 2. Восприятие себя как носителей сакрального знания. Миссионерский пыл. 3. Двойственное отношение к социальным элитам. Балансирование между безоговорочной кооперацией с властью и радикальной оппозицией ей, чтобы сохранить свою особость»³. Он опирается на суждение исследователя немецких интеллектуалов Б. Гизена, считающего интеллектуалами «критически рефлексирующую группу в напряженном противостоянии политической элите»⁴.

¹ Арон Р. Опиум интеллектуалов. Логос. С. 192.

² Кертман Л.Е., Рахимир П.Ю. Буржуазия Западной Европы и Северной Америки на рубеже XIX — XX веков. М., Высшая школа, 1984. С. 8.

³ Там же.

⁴ Нарский И. Российские интеллектуалы XIX — XX веков (несколько предложений по поводу теоретической рамки обсуждаемой проблематики) // Пути России. Современное интеллектуальное пространство. Школы, направления, поколения. 2009. Том 16. М., Университетская книга. Под редакцией М.Г. Пугачевой, В.С. Вахштайна. С. 170.

Традиционно роль критически рефлексизирующих и противостоящих политической элите интеллектуалов отводится французским интеллектуалам. На противоположном полюсе в дискурсе об интеллектуалах и Арон, и Мангейм, а вслед за ними и многие другие исследователи и участники дискуссии размещают английских интеллектуалов, которые представляются им конформистскими, некритическими, лояльными, ничем не угрожающими политической элите, а значит, не вполне или совсем не интеллектуалами.

Английский кейс действительно отличается от континентальных, однако есть резон рассмотреть его без политических предубеждений. Исследователи отмечают, что в Британии к концу XIX века носились в воздухе идеи формирования отдельного класса образованных людей, обладающих настоящим знанием и правильным мышлением. В словаре впервые появилось слово «интеллектуал» в современном значении, что отражало изменения в интеллектуальной жизни. «Юридических и политических причин, отделяющих их (интеллектуалов. — Л.Ф.) от политической и социальной системы, не было, тем не менее, за исключением отношения к политической системе, отчуждение наблюдалось» — делает вывод Т. Хейк¹. Понятие «интеллектуал» чаще употребляется в связи с концепцией класса — «интеллектуальный класс», «интеллектуальная аристократия», указывает он. По мнению Хейка, интеллектуалы в поздневикторианской Англии (конца XIX века) создали особый социальный класс, оформили идеи относительно культурных функций «образованного класса», отношения к религии, экономике и пр.

Д.П. Мирский высказывал аналогичное мнение, что впервые интеллигенция в Англии возникает в 1880—1890-х годах. Правда, он меняет термины: в русскоязычном варианте книги (изданном годом ранее англоязычного) всегда значится «интеллигенция», в то время как в ан-

¹ Heyck T. Op. cit.

гоязычном используется понятие «интеллектуальный класс». Предшествующую историю интеллектуального класса Великобритании он рассматривал как историю образованного класса, абсолютно идентичного классу собственников, «не стремившегося мыслить независимо и гордившегося своей принадлежностью к высшим слоям общества». В конце же века появляется «новая интеллигенция», непосредственно не заинтересованная в процветании капитализма и являющаяся питательной средой для социалистических идей. Эта интеллигенция начала интересоваться проблемами общества в целом и претендовать на роль выразителя общественных интересов¹. Первыми интеллектуалами в Британии Мирский называет фабианцев, членов основанного в 1884 году Фабианского общества, в которое вошли известные публицисты Сидней и Беатрис Вебб, писатели Б. Шоу и Г. Уэллс. Фабианцы выступали за «пропитывание» британского общества идеями социализма в его «муниципальном» виде (муниципальный социализм).

Характеризуя интеллектуалов XIX века, известный историк-марксист П. Андерсон в работе «Истоки современного кризиса» (в которой стремился объяснить умеренность британского социализма и его недостаточную эффективность) обвиняет их в том, что им не удалось стать борцами, бунтарями, революционерами, что они не смогли создать ничего подобного интеллигенции, связанной общими идеями, как во Франции. Не без доли презрения он характеризовал викторианских либералов как конформистов и простой «придаток правящего класса»².

Такая характеристика является прекрасной иллюстрацией тезиса Т. Вихавайнена, что «противоположные, конфликтующие определения интеллигенции зачастую служат политическим целям конкретных групп в большей степени, нежели исследованию вопроса». При

¹ *Мирский Д.* Интеллигентсия. М., 1934; Mirskiy D. The Intelligentsia of Great Britain. L., 1935.

² *Anderson P.* Origins of the Present Crisis // The New Left Review. 1964. N 23. P. 32–33.

всей своей умеренности по сравнению с марксистами, фабианцы выступали с острой критикой современного им общества, способствовали распространению в образованном классе чувства «социального стыда» (выражение Б. Вебб)¹, предлагали варианты радикального общественного переустройства.

Историки, которые исследуют конкретные, не сугубо политические аспекты интеллектуалов как феномена, полагают, что британских интеллектуалов конца XIX века можно так называть на следующем основании: «Если британские интеллектуалы и не соответствовали марксистской модели интеллигенции, обеспечивавшей ей революционное политическое руководство, они, тем не менее, обладали характеристиками, присущими интеллектуалам во всех обществах»².

Британский исследователь Ноэль Аннан предложил термин «интеллектуальная аристократия» в связи с тем, что стандарты, какими эта категория руководствовалась в отношениях с другими классами, основывались на ментальных и моральных критериях, а не на основаниях богатства или происхождения. В то же время термин «аристократия» означает, что ее члены чувствовали себя в безопасности и были удовлетворены своим положением в обществе, они наслаждались благосостоянием и ощущением, что их ценностные ориентации превосходят все другие. У них не было оснований подражать манерам каких-либо других классов, и они наследовали естественную легкость аристократических манер. Следовательно, «интеллектуальная аристократия» избежала аристократического пренебрежения к низам общества, поскольку судила людей по интеллектуальным меркам и могла приветствовать выходца из иных социальных групп³.

¹ *Webb B. My Apprenticeship. L. : Longmans, 1926.*

² *Goldman L. Dons and Workers. Oxford and Adult Education since 1850. Clarendon Press, Oxford, 1995.*

³ *Annan N. Leslie Stephen. His Thought and Character in Relation to his Time. L.: McGibbon&Kee, 1951. P. 2–3; Annan N. Intellectual Aristocracy // Studies in Social History / Ed. by Plumb. L., 1955.*

Христианство без слишком жестких требований и мораль без морализаторства создавали особую нравственную атмосферу, царившую в домах представителей этой страны, материальный и душевный комфорт, взаимопонимание, терпимость, широкий кругозор. Такая атмосфера уловлена и отражена И. Стоуном в биографии Ч. Дарвина, имевшего тесные родственные, дружеские, интеллектуальные связи с Веджвудами, Алленами и другими семействами, которые Аннан относит к интеллектуальной аристократии. Аннан, правда, обнаруживает у интеллектуальной аристократии некоторые предрассудки и определенную ограниченность, в частности, отсутствие чувствительности к красоте, неумение принять и воспринять новые формы искусства, выходящие за пределы их собственного опыта.

Однако чаще всего исследователи солидарны с Дмитрием Мирским (до возвращения в СССР — Святополк-Мирским, сгинувшим вскоре в сталинских лагерях), относя к первым британским интеллектуалам членов Фабианского общества, «людей способности»¹. Как известно, именно фабианцы оказали наибольшее влияние и на рабочее движение, и на формирование британских интеллектуальных традиций. При всем критическом запале Мирского и Андерсона оба автора-марксиста относили к заслугам фабианцев становление традиции независимости и критического взгляда на социальный порядок и правящий класс, что, по их мнению, является свойствами интеллектуальной элиты.

«Интеллектуалов привлекали в рабочем классе чувство справедливости, открытость и прямота, практическое знание социальных бедствий, — пишет Л. Голдман. — Большинство прогрессивных интеллектуальных движений проявляли уважение к культуре рабочего класса»². Фабианское общество стало членом созданной в 1900 г. Лейбористской партии, ее мозговым трестом.

¹ Галкина Л.А. К критике идеологии фабианства. М: Наука, 1984. С. 99–100.

² Goldman L. Op. cit.

Благодаря идеям и деятельности британских интеллектуалов, на рубеже веков появляется «неолиберализм» как термин (автор — журналист Л. Хобхауз), как направление социально-политической мысли, как идея прогрессивного государства, которое должно было поддерживать и укреплять личную жизнь, обеспечивать безопасность и благоприятные возможности. Это противоположно идеям классического либерализма, основанного на фритредерстве (невмешательстве государства). Парламентские выборы 1906 года, давшие власть либералам, оцениваются в британской истории как вариант революции. По социальному составу в палате общин из 377 либералов 154 принадлежали к интеллигентным профессиям¹. Либералы во главе с Дэвидом Ллойд Джорджем заявили программу масштабных реформ, которые должны были вместо государства — «ночного сторожа» создать государство «всеобщего блага». И социалистически ориентированные интеллектуалы по инициативе Веббов сформировали «клуб содействующих» осуществлению либеральной политики, в котором были задействованы профессиональные эксперты во всех областях: Х. Холдейн в юриспруденции, К. Хевис — в экономике, С. Вебб — в местном самоуправлении, Г. Уэллс — в литературе, Б. Рассел — в науке. Таким образом, британские интеллектуалы становились «людьми действия» без обращения к радикальным методам.

Еще одно основание, на котором британским интеллектуалам отказывают в праве называться таковыми, — то, что «даже выдающимся бунтарям было свойственно чувство, которое приходит только с личной властью. Шоу и Уэллс могли нападать на британскую классовую систему с сознанием собственного устойчивого положения в данном социальном порядке»². Романтический сценарий одинокого интеллектуала, противостоящего миру, явно

¹ *Tuchman T. The Proud Tower. A Portrait of the World before the War. 1890–1914. N.Y. / Ballantine Books, 1966. P. 369.*

² *Fyvell T. Intellectuals Today/. Problems in a Changing Society. L., Chatto & Windus. 1968. P. 26.*

не британский. Однако, если взять в качестве критериев формирования интеллектуалов как особой группы наличие пространства свободы, в котором интеллектуалы могли действовать, публики, которая могла на них реагировать, и идей преобразования общества, нет оснований считать, что в Великобритании интеллектуалы не могли быть и не возникли как особая категория.

Между прочим, Д. Мирский отмечал, что на рубеже прошлых веков сформировалась не только критически ориентированная по отношению к существующему порядку интеллигенция, но и категория высокобровых/высоколобых (*high-brow*) интеллектуалов, что означало человека, «высоко поднимающего брови от чувства собственной важности и презрения к филистерам»¹. Этот антифилистерский, антимещанский взгляд, негодование интеллектуала по поводу Мамоны, который распространяет свое влияние на все сферы жизни общества, является, на наш взгляд, общей чертой интеллектуалов разных стран и в разные времена.

Рубеж XIX — XX веков ознаменовался появлением плеяды блестящих интеллектуалов в ряде стран. Например, в Испании это «поколение 98 года». Название условное, включает таких мастеров, как писатель Мигель Унамуно, философ и публицист Хосе Ортега-и-Гассет, художник Сальвадор Дали, поэт Гарсиа Лорка, режиссер Луис Бунюэль. Если в начале XX века, как отмечали современники, «реформы носились в воздухе», то во многом такое ощущение было связано с деятельностью интеллектуалов, исследовавших причины бедности рабочего класса и истоки богатства нуворишей, предлагавших варианты общественного переустройства.

После того как понятие «интеллектуалы» утвердилось, его стали распространять на предшествующие эпохи. В них и в их авторитетах начали искать основания легитимации существующих порядков. Так, во Франции в качестве классических интеллектуалов оцениваются

¹ *Mirskiy D. Intelligentsia of Great Britain. L., 1935. P. 73.*

«властители дум» эпохи Просвещения. Когда президенту Шарлю де Голлю в 1960 г. предложили упрятать выступившего с резким антиправительственным манифестом Жана-Поля Сартра в тюрьму, он будто бы ответил: «Вольтеров в тюрьму не сажают». Если даже это не более, чем исторический анекдот, то анекдот показательный.

«ПРЕДАТЕЛЬСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ»

Однако просветительский импульс подвергся серьезному испытанию в результате Первой мировой войны. Война положила конец «прекрасной эпохе», которая стала восприниматься как время торжества разума и красоты. «Война разрушила надежду, что человеческое бытие становится цивилизованным, надежду, которая вовсе не казалась неразумной в начале XX века», — грустно констатировал английский писатель Леонард Вульф¹. У большинства европейских интеллектуалов было «чувство, что нечто, некая цивилизационная связь, некий простой довоенный образ жизни были разрушены»².

Шок от Первой мировой войны в интеллектуальной среде был мощным и долговременным. Война породила в среде интеллектуалов как «потерянное поколение», так и декадентствующую богему, но более всего она способствовала политизации интеллектуалов. Эпоха мировых войн и революций (1914 — 1945) привела к их резкой поляризации по политическим взглядам и убеждениям. Значительная часть оказалась увлечена героическим романтизмом Октябрьской революции в России.

Американский писатель Сол Беллоу в статье «Писатели, интеллектуалы, политики: воспоминания о главном» вспоминает: «Для миллионов молодых людей Октябрьская революция превратилась в символ недостижимой свободы и справедливости. На несколько десятилетий революция стала самым значительным историческим событием. Ее горячие сторонники были убеждены, что

¹ *Woolf L.* The Journey not the Arrival Matters. K., 1969. P. 21.

² *Fyvel T.* Intellectuals Today. Problems in a Changing Society. L., Chatto & Windus. 1968. P. 35.

отныне наступит конец войнам и что революционный пролетариат России несет надежду всему человечеству»¹. Увлечение коммунистическими идеалами университетской молодежи в межвоенный период было повсеместным. Левые клубы создавались при университетах, появилось множество периодических изданий левого толка, интеллектуалы вступали в молодые коммунистические организации.

В 1927 году французский писатель и философ Жюльен Бенда выступил с политико-философским трактатом «Предательство интеллектуалов», обвинив тех, кто примыкает к коммунистической идеологии, в предательстве учения, составлявшего смысл их (интеллектуалов) бытия, поскольку означает принятие идеологии, «которая отвергает идеи отвлеченной справедливости», полагает, что «истина определяется обстоятельствами»². Предательство интеллектуалов выражается в том, что «принимая политическую систему, преследующую практическую цель, они вынуждены принять и практические ценности, не являющиеся по этой причине духовно-интеллектуальными»³. Под духовно-интеллектуальными ценностями Бенда понимал справедливость, истину, разум, которые являются, на его взгляд, неизменными, бескорыстными и рациональными.

Эта книга стала своеобразным манифестом, который горячо обсуждался во Франции и в 1920-е годы, и в послевоенный период. Это одно из тех произведений, с которыми современные интеллектуалы имеют кросс-темпоральные интеллектуальные коммуникации. Все, кто размышляют об интеллектуалах и политике, обращаются к суждениям Бенды.

Его тревожило в целом нагнетание политических страстей, особенно политической ненависти и то, что

¹ Беллоу Сол. Писатели, интеллектуалы, политики: воспоминания о главном // Иностранная литература. — 2005. — № 12.

² Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. ИРИСЭН, М., 2009. С. 56–58.

³ Там же. С. 61.

«интеллектуалы усваивают политические страсти», «исполняют свою партию в хоре голосов расовой и политической ненависти»¹. «Следует признать, что в расположенности современного интеллектуала патриотическому фанатизму первенство закрепилось за немецкими интеллектуалами, — замечает он. — Можно сказать, что Германия, создав у себя интеллектуала-националиста и в результате получив наглядное прибавление, сделала этот тип необходимым и во всех других странах»².

Бенда выступил не только как защитник демократии, но и определил те черты, которые присущи настоящим интеллектуалам. Его книга является примером социальной критики, интеллектуальным осмыслением и анализом интеллектуалов. Иной взгляд выражен Антонио Грамши в «Тюремных тетрадах», в «Возникновении интеллектуалов» (в русском переводе — интеллигенции). Грамши критикует представление о наличии независимых интеллектуалов: «Категории традиционной интеллигенции, осознав свою историческую преемственность и свято уверовав в свое особое призвание, начинают считать себя самостоятельными, не зависящими от господствующей социальной группы, — рассуждает он. — Подобная точка зрения не остается без самых разнообразных последствий в идеологической и политической сферах: легко прослеживается связь всей идеалистической философии с этой позицией части интеллигенции, ибо идеалистическая философия может быть определена как выражение той самой социальной утопии, согласно которой интеллигенция считается “независимой”, самостоятельной, обладающей только ей одной присущими качествами и т.д.»³ По Грамши, «интеллигенты — это “приказчики” господствующей группы», каждая крупная социальная группа создает свою органическую интеллигенцию. Грамши рассматривает примеры возникновения

¹ Там же. С. 111.

² Там же. С. 119.

³ *Грамши А. Возникновение интеллигенции // Грамши А. Тюремные тетради.* Режим доступа: http://avtonom.org/old/lib/theory/gramshi_tetradi.html

органических интеллектуалов в разных странах, соотносит их с традиционными интеллектуалами. По мнению Норберто Боббио, Грамши удастся «при характеристике интеллектуалов сочетать два подхода — исторический и социологический: знаменитый анализ Грамши, стимулировавший дискуссию по этой теме не только в Италии, имеет и социологические (различия интеллектуалов “органических” и “традиционных”), и исторические черты (вспомним его заметки, посвященные итальянским интеллектуалам, и мысли об их собратьях в других странах)»¹.

Как Грамши, так и Бенда остаются авторами, к трудам которых обращаются современные интеллектуалы, стремясь осмыслить свою роль. Сравнивая позицию Антонио Грамши и Жюльена Бенды, современный американский профессор, литературовед и общественный деятель Эдвард Саид отмечает такие различия: у Грамши органические интеллектуалы динамичны, активно вовлечены в общество, постоянно борются за изменение взглядов и расширение рынков. Для Бенды настоящие интеллектуалы готовы погибнуть за идею, но они, скорее, символические фигуры, нежели вовлечены в практические дела². На взгляд Саида, позиция Грамши ближе к действительности. Всякий, кто работает в сфере производства и распространения знания, может быть назван интеллектуалом в грамшианском смысле. С другой стороны, сам Саид определяет интеллектуала как «изгнанника и маргинала, дилетанта и автора языка, которым он пытается сказать правду власти»³. Саид делает важное замечание: «Ни одна революция не делалась без интеллектуалов, как и ни одна контрреволюция»⁴.

Политический контекст, политические страсти определяют дискуссию об интеллектуалах в значительно

¹ Боббио Норберто. Интеллектуалы и власть // Семигин Г.Ю. Антология мировой политической мысли

Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/33.php

² Edward W.Said. Representations of the intellectual. Vintage books. N.Y. 1994. P. 7.

³ Edward W.Said. Op. cit. p. XIV.

⁴ Ibidem. P. 11.

большей степени, нежели исследовательские интенции. Кстати, переиздание книги Жюльена Бенда произошло в 1946 году, и автор сопроводил его большим предисловием, в котором основной акцент сделан на предательстве не левых, а правых, поддержавших фашизм.

ЛЕВЫЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ КАК ВСЕОБЩАЯ СОВЕСТЬ

«В течение долгого времени так называемый “левый” интеллеktуал брал слово и воображал, что право говорить за ним признают потому, что видят в нем учителя истины и справедливости. Его слушали или он притяжал на то, что его должны слушать как лицо, представляющее всеобщее. Быть интеллеktуалом означало, в частности, быть всеобщей совестью», — отмечает М. Фуко¹. «Идеологическая традиция рационалистически и революционно настроенной Лево́й дает более верное объяснение терминов, в которых выражает себя диссидентство французской интеллигенции», — объясняет Р. Арон². Его книга «Опиум интеллеktуалов» (1955) стала попыткой вразумить интеллеktуалов, на которую жестче всего отреагировал бывший его сокурсник Жан-Поль Сартр, участник Движения Сопротивления, активный общественный деятель, организатор ряда протестных акций, философ-экзистенциалист. «Сартр стал признанным вождем целого поколения, навсегда заняв официальную роль “ангажированного интеллеktуала” *per excellence*, тогда как Арон лишь незадолго перед своей смертью добился некоторого (более или менее) широкого признания общественности. Более того, во Франции сложился некий консенсус: лучше заблуждаться вместе с Сартром, чем быть правым вместе с Ароном. Лучше ве-

¹ Фуко М. Политическая функция интеллеktуала. Извлечение из беседы Мишеля Фуко с итальянскими журналистами.
Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_10.php

² Арон Р. Опиум интеллеktуалов.
Режим доступа: www.ruthenia.ru/logos/number/51/10.pdf

речь вместе с первым в лучшее грядущее общество, чем убедиться в правоте второго с его обличением коммунизма как “опиума интеллектуалов”»¹. Такая реакция была в немалой степени связана с тем режимом, который представляла собой Четвертая республика. Даже по мнению Арона, она «разочаровывает как верноподданных, так и бунтарей. Она полна негативных достоинств, консервативна перед лицом изменяющегося мира»². Более широкий политический контекст связан с тем, что позиции левых были укреплены в результате их роли в антифашистской борьбе, Движении Сопротивления, послевоенных социальных реформах.

Активность интеллектуалов проявляется в движении подписантов, войне манифестов. В 1960 году появился «Манифест Ста двадцати одного», который, по мнению Ниило Кауппи, озаменовал «начало нового важного этапа в эволюции политической активности французских интеллектуалов». Дело «Ста двадцати одного» навело французской общественности воспоминания о деле Дрейфуса. Подписавшие манифест, по сути, выступили в защиту права на гражданское неповиновение в Алжире, тем самым одоблив разрушение французской колониальной системы и борьбу алжирского народа за независимость. Вслед за этим манифестом появились новые списки и контрманифесты. Для «подписантов» и широкой общественности этот всплеск политической активности был повторением битвы интеллектуалов с властью, разыгравшейся на рубеже XIX — XX веков³. Это поддерживало романтический идеал интеллектуала, противостоящего миру.

Протестные движения 1960-х годов на Западе нередко называют «бунтом интеллектуалов». Апогей левых

¹ *Олег Кильдюшов*. Раймон Арон. Пристрастный зритель // Критическая масса. — 2006. — № 4

² *Арон Р.* Указ. соч.

³ *Кауппи Ниило*. Социолог как моралист: «Практика теории» у Пьера Бурдьё и французская интеллектуальная традиция // НЛО. — 2000. — № 45.

Режим доступа: <http://infoart.udm.ru/magazine/nlo/n45/kauppi.htm>

интеллектуалов пришелся на 1968 год. Михаэль Мертес рассматривает 1968 как миф, легенду со своими темными и светлыми сторонами, но которая утвердила гегемонию левых вплоть до рубежа 1989 — 1990-х годов¹. Миф интеллектуалов был сосредоточен вокруг левых интеллектуалов, сконцентрирован на их кредо: «Я протестую, следовательно, мы существуем!»

Этот миф имеет свои циклы: начало XX века с его реформаторским импульсом, политизация интеллектуалов и их активное вторжение в политику в 1930-е, май 1968. Лишь в 1980-е правые, неоконсервативные интеллектуалы заявили о себе. Однако разрушить миф им пока не удалось.

Полярные оценки интеллектуалов либо как цвета нации, либо как опасных смутьянов, вредных для общества, относятся все же к левым, критически мыслящим, критикующим власть, предлагающим рецепты общественного переустройства. Левые интеллектуалы в меньшей степени включены и вовлечены в стабильный социальный порядок. В большей степени они представляют собой то, что Альфред Вебер назвал «социально не связанной интеллигенцией». Объясняя их предназначение К. Манхейм писал: «Маленькие кружки интеллигенции, несмотря на многие присущие им недостатки, являются, благодаря своей позиции аутсайдера в обществе, основным источником вдохновения и динамичного воображения»². Кристоф Шарль считает, что раскол на левых и правых проходил нередко внутри каждого интеллектуала, если иметь в виду ценности и стремление к материальному достатку. Чувство отчужденности интеллектуала возникает из противоречия между его существованием в обществе и творческим существованием³.

И хотя французские интеллектуалы представляют собой референтную группу по отношению к интеллек-

¹ *Мертес М.* 1968-й как миф // Неприкосновенный запас. — 2006. — № 7.

² *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 451, 450.

³ *Шарль К.* Указ. соч. С. 61.

туалам других стран, но аналогичные процессы шли и там. Так, Арон, характеризуя США как «ад интеллектуалов» (книга писалась в разгар маккартизма с его ярко выраженной антиинтеллектуальной направленностью, прежде всего, против левых), тем не менее говорит о значимости этой категории. Он обращает внимание на то, что типичный представитель американских интеллектуалов — это не ученый или писатель, а эксперт — экономист или социолог. Необходимо учитывать, что интеллектуальная страта США существенно изменилась в результате «культурной волны 1930-х», миграции интеллектуалов, бежавших из Европы вследствие угрозы фашизма. Арон отмечает, что 1953 год отмечен вспышкой полемики об «яйцеголовых» и появлением статьи «Америка и интеллектуалы» в *Partisan Review*. Вслед за этим каждое издание опубликовало тексты за или против «яйцеголовых». Луи Бломфильд иронически оценивал «яйцеголового»: «Человек фальшивых интеллектуальных устремлений, часто профессор или протеже профессора. Фундаментально неосновательный... Исполненный самомнения и презрения к опыту более здравых и способных людей... Доктринерствующий поборник среднеевропейского социализма... Анемичное кровоточащее сердце»¹. «В этом обвинении суммированы классические обвинения против интеллектуалов», — справедливо резюмирует Арон. В то же время в интеллектуальной среде, особенно в университетской, был распространен антимаккартизм. Он приводит пример, что отказавшийся выступить против Маккарти журналист был исключен из состава редколлегии *Partisan Review*.

«Всего через пятнадцать лет после того, как маккартизм полностью загнал американских радикалов в подполье, набирал силу новый революционный поток, — фиксирует Макс Элбаум. — Бурные события 1968 года захлестнули ту прослойку молодежи, которая

¹ Арон Р. Указ. соч.

уже попробовала себя в борьбе за социальные перемены и успела втянуться в глубокие идейные искания»¹. «Важно отметить: при том, что на страницах газет и в эфире (равно как на улицах и на территории университетских кампусов) преобладали мнения и оценки левых интеллектуалов, именно американские правые смогли извлечь из событий 1968-го политическую выгоду», — считает Дэвид Кайзер, имея в виду сплочение правых интеллектуалов и их активизацию, приведшую к существенной перестановке сил среди интеллектуалов и к новой дискуссии о них². Питер Вьерек, известный американский интеллектуал, консерватор, рассуждая о славе и позоре интеллектуалов, рассмотрел два смысла слова: 1. Инженеры, учителя, врачи, ученые. 2. Политические борцы против несправедливости. Он апеллировал к делу Дрейфуса в оценке второго смысла и отметил, что в Америке Уильям Джеймс ввел данное слово в таком контексте. Вьерек называет славой интеллектуалов борьбу в деле Дрейфуса и антифашизм, позором — замалчивание судебных процессов 1930-х, когда тысячи дрейфусов были замучены, и, вообще, любое оправдание сталинизма либеральными интеллектуалами³.

«ЗАКАТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ»

Всегда, когда дискуссия об интеллектуалах усиливается, проблема их ответственности обостряется, активизируется и миф о «закате интеллектуалов» и «смерти интеллигенции». В 1980-е годы такая активизация произошла с выходом в свет книги Рассела Якоби «Последние интеллектуалы», где автор фиксировал исчезновение публичных интеллектуалов, писателей и мыслителей,

¹ Элбаум М. Система под ударом // Неприкосновенный запас. — 2006. — № 7.

² Дэвид Кайзер. 1968-й как веха американской истории // Неприкосновенный запас. — 2008. — № 4 (60). <http://magazines.russ.ru/nz/2008/4/ka35-pr.html>

³ Viereck Peter. Shame and glory of the intellectuals. Babbitt Jr. vs. Rediscovery of Values. Capricorn Books. New York. 1965.

которые адресовали бы свои размышления широкой образованной публике¹. Он описывает исчезновение интеллектуалов как социально ответственной группы, объединенной вокруг журнала «Нью-Йоркское обозрение». На его взгляд, современный интеллектуал остался только в виде фигуры кабинетного ученого, профессора, которого не интересует мир за пределами лаборатории или кабинета, в то время как публика существует и потребность в публичном интеллектуале сохраняется. Рассуждения о «последних» интеллектуалах, о смерти интеллектуалов любопытны еще и в том плане, что они исходят из признания существования таковых на протяжении того или иного отрезка времени.

«Болезненное переживание» интеллектуалами своей истории более всего относится к немецким интеллектуалам. По мнению Юргена Хабермаса, понимание немецкими интеллектуалами своего статуса «восходит корнями к первому поколению после Гёте и Гегеля. Беспокойные литераторы и приват-доценты из числа младогерманцев и левых гегельянцев способствовали складыванию образа свободно парящего, спонтанно вмешивающегося, зачастую сентиментального, взволнованно полемизирующего и непредсказуемого интеллектуала. Они же приложили руку и к формированию прочных негативных предрассудков вокруг этого образа»².

Кристоф Шарль говорит о корпоративно-аристократическом духе немецкой профессуры, дававшем ей превосходство, но и неспособность взять на себя новую социальную функцию³. Социальную функцию взяли на себя «партийные интеллектуалы» Отто Бауэр и Рудольф Гильфердинг, Карл Реннер и Макс Адлер, которые принадлежат «к ушедшей в историю модели идейных левых

¹ *Russell Jacoby. The Last Intellectuals: American Culture in the Age of Academe. N.Y., 1987. P. 5.*

² *Юрген Хабермас. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас. — 2006. — № 3 (47).
Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2-pr.html>*

³ *Шарль К. Указ. соч. С. 69.*

партий. После 1945 года этому типу уже не было места на Западе»¹.

После Второй мировой войны немецкие интеллектуалы активно включились в решение политических и политико-психологических проблем, поставили общество перед необходимостью преодоления национал-социалистического прошлого. Ханна Арендт, Карл Ясперс, Теодор Адорно, Генрих Белль, Вольфганг Кеппен, Зигфрид Ленц и другие подняли проблему исторической ответственности, исторической памяти, проблему искупления, тем самым выполняя миссию интеллектуалов.

Поставленные перед нацией вопросы стали предметом известного «спора историков», проходившего в середине 1980-х гг. в ФРГ. «Ю. Хабермас, Ю. Кокка, К. Зонтхаймер превратили собственно научную дискуссию в явление политико-идеологического характера, значимое для всей нации, — пишет российский историк А.И. Борозняк. — Их усилия способствовали формированию в политической культуре немцев ФРГ зрелого исторического компонента, оказывали воздействие на мировоззрение и политическую культуру элиты»². А.И. Борозняк указывает, что в современной, воссоединенной Германии интеллектуалы пытаются противодействовать новому соблазну — переложить всю ответственность за прошлое на плечи восточных немцев. Интеллектуалы выступают против бездумного следования модным веяниям, которое может поставить под угрозу существование с таким трудом утвердившихся в немецкой политической

культуре демократических, антитоталитарных ценностей. В то же время воссоединение Германии поставило вопросы об ответственности интеллектуалов за «40-летнюю диктатуру СЕПГ», о политической ангажированности и социальной безответственности.

¹ *Юрген Хабермас*. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас. — 2006. — № 3 (47).
Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2-pr.html>

² *Борозняк А.И.* Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М.: Пик, 1999.

Несмотря на своеобразие исторической ситуации, в Германии дебаты о судьбе интеллектуалов во многом схожи по характеру с дискуссиями в других странах. «Я не должен обойти молчанием тот факт, что интеллектуалы, когда они не заняты взаимным переругиванием, больше всего на свете обожают присоединять свои голоса к ритуальному плачу по исчезающему типу «Интеллектуала», — замечает Юрген Хабермас. — Признаюсь, я и сам порой этим грешу. Разве не ощущаем мы пустоту там, где прежде были великие акции и манифесты «Группы 47», выступления Александра Мичерлиха или Гельмута Гольвитцера, политические заявления Мишеля Фуко, Жака Деррида и Пьера Бурдьё, вторгавшиеся в актуальную проблематику тексты Эриха Фрида или Гюнтера Грасса?.. Или, может быть, дело в том, что в нашем медийном обществе снова происходит структурное изменение публичной сферы, которое затрудняет существование классической фигуры Интеллектуала?»¹

Размышления о том, что современные интеллектуалы уступают своим предшественникам по моральным качествам, талантам и общественным способностям, представляют популярную тему. «Прежде интеллектуал был обязан различать “влияние” и “власть” и не употреблять то влияние, которого он добивался с помощью слов, в качестве средства для обретения власти. Его делом было — не забывая о том, что и он может ошибаться, — смело выдвигать нормативные мнения и с фантазией рисовать интересные перспективы», — характеризует Хабермас миссию интеллектуала в недалеком прошлом.

Бенда заложил традицию упреков в адрес интеллектуалов за увлечение идеологией. Как известно, Т. Парсонс опасался, что идеология может вредить функции интеллектуала в качестве исследователя. С.М. Липсет высказывал опасения, что интеллектуалы могут стать

¹ Юрген Хабермас. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас. — 2006. — № 3 (47).
Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2-pr.html>

апологетами режима. Э. Шилз указывает на то, что, независимо от политических ориентаций, интеллектуалам разного толка не удавалось дистанцироваться от традиций или национальности: ни консервативным интеллектуалам, сожалевшим о разрушении старого порядка, ни либеральным интеллектуалам, мечтавшим о свободном духе и политически человечестве. На его взгляд, отказ от социальной и политической ответственности не есть проявление политического радикализма; «это скорее аполитичная, эстетская, сциентистская, иногда религиозная, чаще агностическая, позиция»¹.

Каждый раз, когда общество недовольно своим состоянием, оно склонно винить в этом интеллектуалов, которые дали неверные рецепты общественных изменений². Распространенные упреки в отношении левых связаны с тем, что они прямо или косвенно поддерживали тоталитарный режим в Советском Союзе. Так, поворот французских интеллектуалов в сторону критики левого тоталитаризма, то есть советского, сталинского режима, произошел лишь в конце 1970-х годов и сопровождался ожесточенной борьбой. Проходил он болезненно. Существует целая теория во французской интеллектуальной мысли, объясняющая некритическое отношение левых интеллектуалов к сталинизму яacobинской традицией³. Публикация «Архипелага ГУЛАГ», книг Х. Арендт и Ж. Бжезинского побудили интеллектуалов к критике того, что на протяжении тридцати лет они отчаянно защищали. Одна из традиций, объясняющих позицию интеллектуалов, основана на суждении, что западные интеллектуалы не могли себе представить, что в реальности творится в СССР. Артур Кестлер, говоря о Б. Шоу и

¹ *Shils Ernest*. Intellectuals and Responsibility. P. 280—281.

² *Charles F. Gattone*. The Social Scientist as Public Intellectual. Critical Reflection in a Changing World. Rowman & Littlefield Publishers. NY, 2006. The Political Responsibility of Intellectuals. Ed. By Ian Maclean, Alan Montefiore, Peter Winch. Cambridge University Press, Cambridge, N.Y., 1990.

³ *Christofferson M.S.* French Intellectual against the Left. The Antitotalitarian Moment of the 1970s. Berghalm Books, N.Y., Oxford, 2004.

Г. Уэллсе, замечает, что в их мире не могло существовать таких вещей, как пытки и лагеря. Другие авторы находят объяснения в умозрительности интеллектуалов, для которых насилие есть нечто метафорическое, в отличие от людей действия: «В душе интеллектуал тяготеет к аристократическому режиму, а не к демократии. Вдобавок он всецело поглощен трудностями, связанными с его работой, а потому весьма туманно представляет себе, что делается вокруг. По мнению Оруэлла, воспевать “необходимые убийства” (как это делал поэт Оден в 30-е годы), могут только те, кто никогда близко не видел трупа»¹.

На взгляд Э. Геллнера, отказ Сартра признавать злодеяния сталинизма ради своеобразно понимаемых им интересов французского рабочего класса означал утрату политической ответственности². Рассказывают, будто «решившись (с некоторым опозданием) высказать свое мнение о разоблачениях, связанных с ГУЛАГом, Сартр сказал: «Предположим, что все это правда. Однако у нормального человека тут может быть две реакции. Первая — это констатация: “Ну, я же вам говорил! Как глупо было ожидать, что дело обернется иначе!” А вторая: “Черт возьми! Вот и еще одна великая надежда человечества развеялась как дым!”»³

«Крах Советского Союза западные левые ждали, предсказывали и, как правило, приветствовали. Но то, что, по их мнению, должно было стать началом очищения левой традиции от сталинизма, оказалось, по крайней мере, на первых порах, тяжелейшим ударом по социалистической идеологии как таковой, — отмечает Б. Кагарлицкий. — И дело здесь не только в том, насколько те или иные идейные “семейства” западных левых были подвержены влиянию сталинизма. Вместе с Советским Союзом ушла

¹ Тодоров Ц. Человек, потерявший родину.

Режим доступа: magazines.russ.ru/inostran/1998/6/todorov.html

² Ernest Gellner. La trahison de la trahison des clercs // The Political Responsibility of Intellectuals. Ed. By Ian Maclean, Alan Montefiore, Peter Winch. Cambridge University Press, Cambridge, N.Y., 1990. P. 27.

³ Тодоров Ц. Человек, потерявший родину. Режим доступа: magazines.russ.ru/inostran/1998/6/todorov.html

и вера, что в мире практически возможна какая-либо общественная система, кроме капитализма»¹.

«МУЧИТЕЛЬНЫЙ ПУТЬ» НЕЗАПАДНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

В этих условиях появились новые акценты в дискуссии о социальной ответственности интеллектуалов и об «утрате ответственности» в посткоммунистических странах. Венгерский исследователь Э. Ханкинс связывает утрату ответственности с разрушением всех видов общностей в коммунистической Венгрии². А вот Я. Куржевский убежден, что коммунистическому режиму в Польше не удалось подмять под себя всю интеллигенцию, которая сохранила, на его взгляд, многие традиции интеллектуальной свободы, что и проявилось в событиях 1980-х годов, когда многие интеллектуалы стали экспертами «Солидарности»³. М. Молнар ставит вопросы, которые особенно часто задают в современном мире: ответственность какая? Перед кем? Он обращает внимание на различие политических позиций интеллектуалов⁴.

Интеллектуалы в посткоммунистических странах начинают дискуссии об интеллектуалах как о категории будто бы заново. Болгарский писатель Цветан Тодоров рассуждает: «Что такое интеллектуал? Лично я употребляю это слово лишь в следующем смысле: ученый или художник (писатели включаются в эту категорию), который не просто занимается научной деятельностью или созданием произведений искусства, способствующих познанию ис-

¹ *Кагарлицкий Б.* Славой Жижек как зеркало левого движения // Критическая масса. — 2003. — № 2.

Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/km/2003/2/kagarl-pr.html>

² *Elemer Hankiss.* The loss of responsibility // The Political Responsibility of Intellectuals. Ed. By Ian Maclean, Alan Montefiore, Peter Winch. Cambridge University Press, Cambridge, N.Y., 1990. P. 33–34.

³ *Jacek Kurczewski.* Power and Wisdom: the expert as mediating figure in Contemporary Polish History // The Political Responsibility of Intellectuals. Ed. By Ian Maclean, Alan Montefiore, Peter Winch. Cambridge University Press, Cambridge, N.Y., 1990. P. 97–99.

⁴ *Miclos Molnar.* The Hungarian Intellectual and the Choice of Commitment or Neutrality. P. 189.

тины либо расцвету прекрасного, но еще и небезразличен к общественному благу, к ценностям общества, в котором живет, а следовательно, участвует в споре вокруг этих ценностей. Интеллектуал в таком понимании этого слова равно далек как от артиста или ученого, не заботящегося о политическом или моральном аспекте своего творчества, так и от проповедника или профессионального политика, неспособного творить»¹. Он объясняет, что, живя в коммунистической стране, он считал, что все проблемы интеллектуалов — в отсутствии свободы. Но и в западном обществе интеллектуалу трудно определиться с выбором роли. Тодоров замечает между прочим, что не случайно романы, которыми мы зачитываемся сегодня, написаны в Азии или в Африке, в Латинской Америке или в Восточной Европе.

Везде, где фигура интеллектуала становится заметной, начинается дискуссия о значении понятия, о предназначении и социальной ответственности интеллектуала. Э. Саид пишет, что мир изменился со времен книги Бенды, Европа и европейские интеллектуалы перестали быть эталоном, потому что активен стал третий мир, национальные движения. Французские интеллектуалы сильно отличаются от китайских. Арабские и азиатские интеллектуалы имеют свою историю, свою специфику со своими проблемами, патологиями и триумфами². Т. Мкандавир применяет грамшианскую схему органической/неорганической интеллигенции к африканским реалиям. Одной из причин неудач ряда африканских стран продвинуться по пути демократизации и модернизации он считает «неспособность их политического класса наладить продуктивные отношения с собственной интеллигенцией/интеллектуалами»³. А. Гелла предлагает отнести в разряд интеллигенции «образованную страту в новых африканских государствах, которая соперничает с

¹ Тодоров Ц. Человек, потерявший родину // Иностранная литература. — 1998. — № 6.

Режим доступа: magazines.russ.ru/inostran/1998/6/todorov.html

² Said Edward. Representations of the Intellectual. P.5,9,27

³ Mkandavire T. Non-organic Intellectuals and “Learning” in Policy-Making Africa. Working Paper. EGD seminar. 24.08.2000

национальной буржуазией за национальное лидерство»¹. Хасан Бюлент Кахраман называет проблему интеллектуалов одной из главных проблем Турции. Он оценивает историю турецких интеллектуалов как «мучительный путь, с которым связана привычка интеллектуала ниспровергать ценности окружающего его общества и, следовательно, быть в постоянном конфликте с его фундаментальными суждениями и предпочтениями — то, что интеллектуалы постоянно считают своей обязанностью и за что они несут историческую ответственность»². Р.Д. Гуадарама доказывает, что в мексиканском обществе интеллектуалы играют существенную роль и понимаются «простыми людьми» как люди «большого ума», которые напряженно учатся; «мы знаем, что они есть, поскольку они пишут книги, понятные не всем, появляются на телевидении и на страницах газет и журналов, но я не представляю себе, чтобы они были такими, как один из нас». «Их умение мыслить и анализировать действительность пропастью лежит между ними и нами»³. Несмотря на все национальные и страновые различия («национальная принадлежность имеет значение, прежде всего, в плане языка. «Интеллектуалы не пишут на эсперанто. Они рождены в языковой среде, которая имеет свою специфику выражения мысли»)⁴, интеллектуал как феномен сохраняет общее.

ПУБЛИЧНЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

Ч.Ф. Гаттон рассматривает современного социального исследователя как публичного интеллектуала. Он напоминает о необходимости держать «здоровую дистанцию» от политики, чтобы не утратить объективности и четкости анализа. Гаттон предлагает рассматривать ученого как иссле-

¹ The Intelligentsia and the Intellectuals. Theory, Method and Case-Study/ Ed.by A.Gella. L.: Sage, 1976. P. 23.

² Кахраман Х.Б. Исторический тупик турецких интеллектуалов. Неприкосновенный запас. — 2003. — № 1 (27).

Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/hasan-pr.html>

³ Гуадарама Р.Д. Роль интеллектуалов в изменении мексиканской политики: 1994—2002 // Неприкосновенный запас. — 2003. — № 1 (27).
Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/gua.html>

⁴ Said E. Op. cit. P. 26.

дователя, как преподавателя, как публичного актора и как лидера общественного мнения¹. Его понимание ответственности исходит из того, что интеллектуал, будучи вовлечен в политические дебаты, должен помнить: мир не состоит из объектов для манипуляций. Став публичным, недопустимо снижать уровень аналитики. Рассуждая о статусе и функциях современных немецких интеллектуалов, Р. Бернс и В. Вандер Вилл говорят об их роли в публичной жизни, предлагаемом ими дискурсе и повестке дня². Они обращают внимание на критический потенциал и миссию интеллектуалов, дискуссию в среде интеллектуалов по поводу их предназначения. Сокка и Кангас напоминают об ответственности интеллектуалов, выступающих как посредники между государством и обществом за развитие идеологий, становление и трансформацию культурной политики³.

А. Ганон пишет об интеллектуалах, которые составляют относительно гомогенное сообщество или класс, будучи связанными общими ценностями, символами. Однако он указывает, что подобно политическим режимам, это сообщество обеспечивает конкурирующие взгляды и идеологии. Он говорит о том, что можно использовать методологию Парето (львы и лисы) применительно к интеллектуалам, среди которых тоже происходит циркуляция элит. «В результате формируется два типа интеллектуалов: те, которые легитимируют господствующие ценности, и те, которые их отрицают или, по меньшей мере, ставят под вопрос. Те, кто стремится сохранить *status quo*, и те, кто стремится его изменить»⁴.

¹ Charles F. Gattone. The Social Scientist as Public Intellectual. Critical Reflection in a Changing World. Rowman & Littlefield Publishers. NY, 2006. P. 133.

² Burns R., W. van der Will. Intellectuals as Cultural-Agenda Setters in Federative Republic? // International Journal of Cultural Policy. 2006. November. Vol.12. N 3. P. 291.

³ Sokka S., Kangas A. Intellectuals, Nationalism and the Arts // International Journal of Cultural Policy. 2007. Vol.13. N 2. P. 185.

⁴ Intellectuals in Liberal Democracies. Political Influence and Social Involvement / Ed by Alain G. Gagnon. Praeger, N.Y.—L., 1987. P. 4.

НАСТУПЛЕНИЕ СПРАВА

«Консервативная волна» 1980-х, приведшая к власти сторонников неоконсервативного политического курса, с ориентацией на волшебную силу рынка и невмешательство государства в социально-экономическую сферу (экономический неолиберализм), была порождена правыми интеллектуалами.

Так, Алан Свингвуд отмечает влияние группы консервативных интеллектуалов, объединившихся вокруг журнала *Scrutiny*, группы немногочисленной, антимарксистски настроенной. Он характеризует «новую консервативную интеллигенцию», сформировавшуюся на почве критики консенсуса, в британском варианте батскеллизма: «Новые правые интеллектуалы — социально интегрированная радикально настроенная группа, тесно связанная с бизнесом и правительством страны». Это Роджер Скрутон, Морис Каулинг, Альфред Шерман, Пол Джонсон¹. Д. Эрман пишет об аналогичной по духу и идеологическим ориентациям группе американских неоконсерваторов-интеллектуалов².

П.Ю. Рахшмир остроумно замечает, что «это течение представлено интеллектуалами с “лица не общим выраженьем”»³. Один из них, наиболее яркий, по мнению П.Ю. Рахшмира, Ирвин Кристоу назвал «отделением интеллектуалов» их негативное отношение к вьетнамской войне и соответствующее отчуждение от властвующей элиты. «Сам отец-основатель неоконсерватизма уже принадлежал к тем интеллектуалам, которые давно и прочно вошли в истеблишмент и предоставили в его распоряжение свои дарования», — указывает Рахшмир⁴.

Правые интеллектуалы активно и агрессивно включились в дискуссию о том, что такое интеллектуал и како-

¹ Intellectuals in Liberal Democracies. Political Influence and Social Involvement / Ed by Alain G. Gagnon. Praeger, N.Y. — L., 1987. P. 96.

² The Rise of Neoconservatism: Intellectuals and Foreign Affairs, 1945–1994. By John Ehrman. Yale University Press, 1996.

³ Рахшмир П.Ю. Американские консерваторы и имперская идея. Пермь: ЗУИЭП, ПГУ, 2007. С. 57.

⁴ Там же. С. 60.

ва должна быть его роль. Кристол упрекает американских интеллектуалов (либеральных) в безответственности, поскольку они отказываются помочь в интеллектуальном и моральном руководстве имперской политикой. Он акцентирует внимание на том, что имперская политика предполагает «ужасное бремя ответственности», а интеллектуалы, не желая разделить это бремя, создают напряженную ситуацию¹. П.Ю. Рахшмир описывает усилия Кристола, направленные на то, чтобы «сразаться с оппозиционной частью интеллектуального сообщества, “контринтеллектуалами”, ставя перед неоконсерваторами задачу “объяснить американскому народу, что он прав, и интеллектуалам, что они неправы”»².

Но и само это сообщество консервативных интеллектуалов, каковым оно выглядит со стороны, оказывается при глубоком анализе весьма разнородным и разделенным, не только на нео-, палео- и традиционных консерваторов, но и разобренным по многим существенным вопросам американской политики и современного мирового развития.

Публицист Тодд Гитлин во многих своих очерках поднимает проблему американских интеллектуалов, в особенности левых, после 11 сентября. Он указывает, что их антипатриотическая позиция вызвала рост антиинтеллектуальных настроений. По мнению журналиста, интеллектуалы должны ставить вопросы, прежде всего, перед властью, однако не стоять при этом в стороне от насущных политических проблем, включая рост патриотизма³. Любопытно, что критика левых приводит к тому, что их «вычеркивают из списка» интеллектуалов, называя «контринтеллектуалами».

Поскольку кросс-темпоральные интеллектуальные коммуникации остаются значимыми для современных интеллектуалов, потребовалась атака на интеллектуальных

¹ Там же. С. 61.

² Там же. С. 62.

³ *Gitlin T. The Intellectuals and the Flag. N.Y: Columbia University Press., 2006. P. 152.*

кумиров прошлого. Пол Джонсон в 1988 г. выпустил в свет книгу «Интеллектуалы»¹, куда вошли очерки об интеллектуалах левых политических взглядов, таких как Руссо, Шелли, Маркс, Брехт, Рассел, Сартр и др. Вытаскивая нелепые, странные, неприглядные черточки характера, поступки, высказывания своих персонажей (язык не поворачивается сказать «героев»), Джонсон стремится доказать, что такие люди не имели морального права оказывать влияние на других людей и на общество в целом. Интеллектуалы, чье влияние на протяжении двух столетий неуклонно возрастало, которые претендовали на роль ключевого фактора в изменении мира, по определению Джонсона, не были и не могли быть свободны духом. Дисбаланс в их жизни приводил и к дисбалансу в идеях². Убеждая читателя в своей беспристрастности, Джонсон между тем озаглавил очерки об интеллектуалах так: «Интересный сумасшедший», «Бессердечность идей», «Наперекор», «Сердце изо льда», «Старший брат Бога» и др. В заключении он ставит под сомнение право интеллектуалов проповедовать, говорить другим, как они должны себя вести, и управлять общественными делами: «Как группа интеллектуалы могут быть опасны, поскольку они деструктивны и иррациональны»³.

Приемы, использованные Джонсоном, банальны, но кажутся убедительными: если каждый персонаж выходит негодяем и самозванцем, заслуживающим беспощадного поношения, как могут они оставаться кумирами и властителями дум? На мой взгляд, простой и мудрый ответ на эти обвинения предложил английский публицист Д. Рейфилд: «Тот факт, что интеллигенты часто обманывались и промахивались, должен приближать их к нам: при всей своей гениальности они остаются человеческими существами»⁴.

1 *Johnson P. Intellectuals. From Marks and Tolstoy to Sartre and Chomsky. Harper&Row, 1988.*

2 *Johnson P. Op. cit. P. 27.*

3 *Johnson P. Op. cit. P. 342.*

4 *Рейфилд Д. Заметки об Англии // Иностранная литература. — 1994. — № 6. С. 223.*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ ИЛИ ЭКСПЕРТ?

Кросс-темпоральные интеллектуальные коммуникации являются и исследовательским инструментарием, и способом влияния на общественное мнение. Авторы книги «Интеллигенция в политике: от дела Дрейфуса до Салмона Рушди» отмечают, что одним из самых цитируемых определений интеллектуала стало предложенное Вацлавом Гавелом: «Интеллектуал — это человек, посвятивший себя и свою жизнь осмыслению мира и широкого контекста происходящего»¹. Широкую известность получило и определение А. Геллой мировой интеллигенции, которая пока не существует, но должна быть создана в связи с новыми вызовами и угрозами: «Объединенная культурно и ценностно страта образованных людей, которые бы взаимодействовали и сотрудничали друг с другом, ориентируясь на универсальные цели и будучи мотивированными общими ценностями»². Вероятно, наиболее выразительным остается суждение Хосе Ортега-и-Гассета: «Интеллектуалом нельзя быть для других, с тем или иным намерением — заработать деньги, блистать, утвердить себя в бурном море общества. Интеллектуалом можно быть только для себя, несмотря на себя, неизбежно... Я понимаю очень хорошо, почему в истории периодически происходило удушение интеллектуала. Я понимаю, что этот человек надоедает “другому” и беспокоит его, так как всегда идет сквозь вещи, а сам не является вещью, но чем-то текучим, пламенным, магнетическим»³. Любопытно, что интеллектуал как герой анализируется современными молодыми исследованиями на примере творчества Ортеги-и-Гассета и Эдварда Саида.

Между тем Саиду представляется нелепым требовать от интеллектуала быть чем-то вроде сверкающего рыцаря, чуждого материальным интересам, осуждать интеллектуалов за

¹ Intelligentsia in Politics from Dreyfus Affair to Salmon Rushdies / Ed by J.Jennings and A. Kemp-Welch. L.,N.Y.: Routledge, 1997. P. 13.

² The Intelligentsia and the Intellectuals. Theory, Method and Case-Study / Ed.by A. Gella. L., 1976. P. 27.

³ Интеллигенция и политика. Реферативный сборник. М., ИНИОН РАН, 1978. С. 11.

то, что они зарабатывают деньги¹. Но он считает, что основную угрозу существованию интеллектуала в современном мире представляет профессионализм, понимаемый им как «работа за деньги, с девяти до пяти, а профессиональное поведение — как умение вписаться в рынок, быть презентабельным, непротиворечивым, неполитическим и “объективным”»². Заметим, что это именно та перспектива, которую видят возможной для российской интеллигенции многие ее представители и которая одним кажется окончательной гибелью, а другим — возвращением к норме, существующей в среде западных интеллектуалов. Если же судить по дискуссии и аналитике в этой среде, то ничего четкого и определенного, общепринятого и общепотребимого мы там не найдем.

Разграничение интеллектуала и эксперта, либо демаркация между интеллектуальными и экспертными функциями представляет собой постоянный сюжет дискуссии об интеллектуалах на протяжении последнего полувека, по которому также наблюдается широкий разброд суждений. «Это различие не соответствует ни известному разделению Грамши “органических” и “традиционных” интеллектуалов, ни общепринятому разграничению гуманитариев и технических специалистов (согласно известному разделению двух культур), — объясняет Н. Боббио. — В критерий проводимого мной различия не входят зависимость или независимость от социальных слоев, борющихся за господство, равно как и уровень компетентности (хотя есть определенное родство между идеологом и “традиционным” интеллектуалом, а также между экспертом и “органическим” интеллектуалом; и зачастую идеологами являются гуманитарии, а экспертами — технические специалисты). Данный критерий единственно приемлем в дискуссии, предмет которой — политическая задача интеллектуалов»³. Для него «идеологи» — это те, кто поставляет руководящие принципы, делает акцент на целях, подчиняясь этике добрых

¹ *Said E.* Op. cit. P. 69.

² *Ibidem.* P. 74.

³ *Боббио Н.* Интеллектуалы и власть // Семигин Г.Ю. Антология мировой политической мысли.

Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/33.php

устремлений, а эксперты — те, кто обеспечивает средства познания, подчиняясь этике ответственности. И те, и другие пишут свои манифесты; в условиях технического прогресса все чаще это делают эксперты (физики, ядерщики, экологи). Так или иначе и дефиниции, и демаркации связаны с политической ролью и политической ответственностью.

М. Фуко выявляет формирование новой фигуры интеллектуала-специалиста в противовес интеллектуалу универсальному в послевоенный период. Он поясняет обстоятельства: «писатель как лицо выдающееся начинает исчезать, а возникают преподаватель и университет, может быть, не как главные составляющие, но как “пункты обмена”, как исключительные точки пересечения». Но из этих обстоятельств следует вывод, что университет и преподавание становятся «политически сверхчувствительными областями»¹. Фуко соглашается, что роль интеллектуала-специалиста будет становиться всё более значимой, связывая это «с той разнообразной политической ответственностью, которую ему волей-неволей приходится брать на себя в качестве атомщика, генетика, программиста, фармаколога и т. д.» Логика рассуждений такова: конкретная деятельность интеллектуала-специалиста «влечет за собой такие результаты и последствия, которые оказываются уже не просто узкопрофессиональными или внутриотраслевыми». Его резюме: «Надо изменять не “сознание” людей или то, что у них в голове, но политический, экономический, институциональный строй производства истины»².

П. Бурдьё оценивает присутствующую в умах большей части образованных людей дихотомию на *scholarship* (исследовательская работа) и *commitment* (практическая работа, публичная деятельность) как гибельную, а противопоставление «между теми, кто посвящает себя научной работе, используя научные методы и адресуя свои

¹ Фуко М. Политическая функция интеллектуала. Извлечение из беседы Мишеля Фуко с итальянскими журналистами.

Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_10.php

² Там же.

труды другим ученым, и теми, кто вступает в бой, вынося свои знания за пределы научного сообщества» называет искусственным. «На самом деле нужно быть независимым ученым, который работает по правилам *scholarship* для того, чтобы производить ангажированное, легитимно ангажированное знание, и вводить это знание в бой, — призывает он и уточняет, — в настоящее время у исследователя нет выбора: если он уверен, что существует определенная взаимозависимость между неолиберальной политикой и уровнем преступности, между неолиберальной политикой и признаками того, что Дюркгейм назвал бы аномией, как он может не говорить об этом?»¹

Бурдьё знает, о чем говорит, и подтверждает слова действиями, олицетворяя собой тип интеллектуала-менеджера, руководящего научными и издательскими центрами, интеллектуальной сетью, а также принимающего прямое участие в коллективных акциях протеста против несправедливости.

«У французских интеллектуалов конца XIX века и их коллег начала нового тысячелетия один и тот же нарратив, один и тот же моральный образ, который может быть описан тремя словами: “одиночка против несправедливости”, — считает Н. Кауппи. — Этот героический сценарий вдохновлял Сартра и Бурдьё, а еще раньше Золя. Для Золя “отверженные” — это простые люди, живущие своим трудом; для Сартра — жители колоний, пролетарии и евреи; для Бурдьё — бедняки, безработные и иностранные рабочие. Согласно этому большому нарративу угнетенные нуждаются в освободителе — в интеллектуале, который, столкнувшись с грубым попранием морали, превращается в героя мифологических масштабов: он самоотверженно обличает власть имущих и избавляет угнетенных от страданий»².

¹ Бурдьё П. За ангажированное знание // Неприкосновенный запас. — 2002. — № 5 (25).

Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/burd-pr.html>

² Кауппи Ницло. Социолог как моралист: «Практика теории» у Пьера Бурдьё и французская интеллектуальная традиция. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/45/kauppi-pr.html>

Борьба интеллектуалов против навязывания правыми политической повестки дня в условиях глобализации в значительной мере построена на моральных основаниях и включает сильную протестную составляющую, не предусматривая социальной маргинализации акторов. Одним из самых успешных, цитируемых, известных интеллектуалов является Ноам Хомски, чьи труды издаются огромными тиражами в разных странах. Хомски выступает с традиционных левых, антикапиталистических позиций, усиленных антиглобализационной риторикой. В повестку дня вновь включается вопрос об альтернативах капитализму или альтернативном капитализме. И такие альтернативы предлагает современный интеллектуал, который может быть вполне коммерчески успешным, как, например, говорят о Славое Жижеке. Жижек как фигура новой эпохи в интеллектуальной жизни Европы от постмодернистских изощренных метафор переходит к аргументации, «тексты становятся прозрачнее, мысль «спрямляется»»¹. Такой интеллектуал успешно осваивает новое медийное пространство и технологии коммуникации.

«Публичная сфера, в которой интеллектуалы плавали как рыбы в воде, стала более всеохватной, а общественный диалог — более интенсивным, чем когда-либо прежде», — замечает Хабермас. Его опасения вызывает то, что «публичная сфера стала менее формализованной, а существующие в ней социальные роли — менее дифференцированными. Перед камерами в студии, где восхитительная ведущая собирает для разговора политиков, экспертов и журналистов, нет вакантного места, которое должен был бы занять интеллектуал. Нельзя сказать, что его там не хватает, ведь другие уже давно исполняют его роль, и даже лучше, чем он сам»². Известно, что Интернет позволяет интеллектуалу сформировать свое пространство, в котором он может быть востребован. Такая востребованность связана с тем качеством, которое выделил Хабермас: «способность

¹ Кагарлицкий Б. Указ. соч.

² Хабермас Ю. Первым почуять важное.

Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2-pr.html>

первым почуять нечто важное. Он должен быть способен начать волноваться по поводу определенных критических тенденций уже в тот момент, когда остальные еще как ни в чем не бывало занимаются своими обычными делами»¹. Подобная деятельность требует рациональности и отваги, интуиции и готовности к действию. И такая фигура интеллектуала совершенно не похожа на специализированного эксперта, приближенного к власти и служащего ей, приспособившегося к рынку, который так пугает Саида, призывающего интеллектуала лучше оставаться любителем, независимым и незашоренным².

Всплеск дискуссий об интеллектуалах сопряжен с актуализацией их политической роли, критических функций, потому происходит в периоды кризисов, переломных моментов, когда общество нуждается в новых ориентирах. Эти ориентиры интеллектуалы вырабатывают в значительной мере в ходе анализа их собственной роли, миссии, политической и социальной ответственности. Ни в одной стране и ни в один из исторических моментов эта роль и миссия не сводились к узкопрактическому, прагматическому, утилитарным целям. Предназначение интеллектуалов видится в «разрушении старых стереотипов и ограниченных категорий, которые стесняют человеческую мысль и общение»³.

¹ Там же.

² *Said E.* Op. cit. P. 82.

³ *Edward W.Said.* Representations of the intellectual. Vintage books. N.Y., 1996. P. 4.

Britain
plural upper
professional class
middle social
managerial
hire
potential
diversity
Younger
older
salary
ethic work income
recruiting
class

Глава третья

«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ КЛАСС» И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Применительно к «образованному классу» часто используется деление на элиту данной категории и основную массу. Для обозначения последней в России используют понятие «массовая интеллигенция, на Западе — «профессиональный класс» (professions как интеллигентные профессии)¹. Терминологические различия являются результатом исторической специфики формирования и самоидентификации соответствующих сообществ.

В подобной самоидентификации, как правило, профессиональный класс оказывается своего рода аутсайде-

¹ *Burrage M.* Introduction: the professions in sociology and history // Professions in theory and history. Rethinking the study of the professions / Ed. by Burrage M., Torstendahl R. L.: Sage, 1990; *Burrage M.* Revolution and the Collective Action of the French, American and English Legal Professions // Law and Social Inquiry. Journal of the American Bar Foundation. Vol. 13. 1988; *Debray R.* Teachers, Writers, Celebrities: The Intellectuals of Modern France. L., New Left Books, 1981.

ром, если иметь в виду характеристику его как прагматичной и ориентированной на обеспечение собственных интересов группы. Между тем в отношении «профессий» также существует значительное разнообразие мнений. Сформированный англосаксонской традицией концепт «профессий» называют противоречивым, недостаточно адекватным для объяснения опыта других стран¹. Данный концепт относительно дистанцирован от политических ценностей и оценок, но назвать его индифферентным в политическом плане нельзя. Это одна из причин, по которым он подвергается критике и попыткам пересмотра. Так же, как и интеллигентам и интеллектуалам, «профессиям» приписываются и предписываются социальные функции, общественная миссия, код поведения. Вследствие этого неизбежны дискуссии, неоднозначность и противоречивость оценок.

Шведский социолог М. Ларсон призывает рассматривать концепт профессий «скорее как комплексную программу исследования, нежели как готовую, пригодную к употреблению и бесконфликтную концепцию»².

«Грамотные люди», *men of letters*, «образованный класс» (в русской интерпретации — «образованные»), «мыслящее сословие» — все эти определения ставят во главу угла грамотность, знание, образование, составляющие отличительные характеристики данного сообщества от других. Каждая эпоха привносит свои элементы в данную характеристику, которую в российской научной литературе и публицистике обычно называют статистической: «люди, профессионально занятые сложными видами умственной деятельности». Между тем в этом определении дается не сугубо формальная характеристика. Были в истории этапы, когда простая грамотность отно-

¹ *Sciulli D.* Paris Visual Academie as First Prototype Profession. Rethinking the Sociology of Professions // *Theory, Culture, Society*. Vol. 24. N. 1. January 2007. P. 35, 37, 52.

² *Larson M.S.* In the matter of experts and professionals, or how impossible it is to leave nothing unsaid // *The Formation of Professions. Knowledge, State and Strategy* / Ed. by M. Burrage and R. Torstendahl. L., 1990. P. 26, 44.

силась к сложным видам умственной деятельности. По мере того как распространяются грамотность, образование, знания, граница между этим сообществом и другими меняется. Однако и в современных попытках как-то определить эту категорию акцент делается на умственной деятельности. «Мыслящее сословие» — так предлагает назвать новую категорию интеллектуальной элиты А. Неклесса¹. Речь не идет о том, что все остальные — не мыслят! Речь о другом — о значимости, приоритетах, отличительных характеристиках.

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КЛАССА

Английский юрист Генри Томсон одним из первых обратил внимание, что слово «профессия», распространенное в Германии и Франции, особое значение получает в английском языке². При сравнительной характеристике «профессий» различных стран английский опыт, как правило, берется за образец и сопоставляется с немецким, шведским, французским и пр. Однако еще в XIX веке Томсон отмечал, что намного легче перечислить профессии, чем дать им определение. Собственное определение «профессии» он назвал условным: «Профессия — это призвание. Человек в профессии за вознаграждение занимается интеллектуальным трудом в общественных службах и использует интеллектуальные знания и опыт»³. Годом позже (в 1858-м) автор статьи в «Эдинбург Ревью» рассуждал: «В профессии теперь включают более широкий смысл, чем раньше. Профессии (и все вместе, и каждая по отдельности) имеют как общие, так и частные, как универсальные, так и специальные аспекты». Различие между профессиями и биз-

¹ Неклесса А. Новый интеллектуальный класс.
Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2005/03/15/neklessa/print/>

² Thomson H. The Choice of a Profession. A Concise Account and Comparative Review of the English Professions. L., 1857. P. 1–2.

³ Thomson H. The Choice of a Profession. A Concise Account and Comparative Review of the English Professions. L., 1857. P. 3.

несом он видел, в частности в том, что в университетских кругах профессия считается более престижным и значительным занятием, чем бизнес¹.

Исследователи профессионального класса занимаются анализом различных аспектов формирования профессий, профессионального статуса, процесса профессионализации. Социологи считают атрибутами профессий как особого социального феномена автономию на рынке услуг, требование образования и сертификации, экономический успех, саморегулирование, независимость от государства, комплекс профессиональной этики и высокий социальный престиж².

В анализе профессионального класса существует потребность проведения сравнительно-исторического и социокультурного анализа, в развитии теории профессий, чтобы помочь пониманию общества в целом³. Историки, в свою очередь, указывают, что современные социологические определения профессий во многом не подходят к XIX веку, в частности потому, что они включают требование высшего образования. Т. Гурвич, например, настаивает на необходимости соблюдать осторожность в использовании социологических подходов для исторического исследования. «Социологи от Парсонса до Фрейдсона и Ларсон, от Миллерсона до Джонсона вовлечены в затянутую дискуссию о дефиниции “профессии” и признаках профессионального статуса. Превыше всего они ставят теорию профессий. Слишком часто эти теории слабо применимы к историческим исследованиям», — сетует он⁴.

При всех сложностях междисциплинарных исследований и интердисциплинарного диалога исследователь-

¹ Edinburgh Review. 1858. № 217. P. 93.

² The Formation of Professions. Knowledge, State and Strategy / Ed. by M. Burrage and R. Torstendahl. L., 1990.

³ Burrage M. Introduction: the professions in sociology and history // Professions in theory and history. Rethinking the study of the professions / Ed. by Burrage M., Torstendahl R. L., 1990. P. 19.

⁴ Gourvich T. The Rise of the Professions // Later Victorian Britain. 1867–1900 / Ed. by T.R. Gourvish and Alan O'Day. L.: MacMillan Education, 1988. P. 15–16.

ское поле «профессионального класса» основательно освоено. Рассуждая о становлении «профессий» исследователи упоминают о таких его вехах, как развитие письменной культуры и становление монастырей в качестве ее центров, роль клириков, священников в развитии и распространении учености и культуры. «В первые столетия после падения Римской империи церковь оставалась единственной хранительницей учености, — пишет английский историк А. Мортон. — Ее монастыри были очагами культуры и знаний, невысоких по качеству, но выделявшихся среди окружавшего их невежества»¹. Старейшие английские университеты с начала своего основания использовались церковью, которая нуждалась в образованных священниках.

Важной вехой стало формирование в Англии ученых корпораций юристов и врачей. Своего рода эталоном для всех профессий послужили Судебные Инны, созданная еще в XIV веке корпорация юристов. Если в период Реставрации Карл II изменил хартии таких корпораций, как коллегия врачей и общество аптекарей, то это никоим образом не отразилось на Иннах. Билль о правах укрепил и обезопасил автономию корпоративных органов, их самоуправление. Можно сказать, что именно в этот период были заложены основы того феномена, который позднее стали именовать «профессиями». Основные принципы профессиональной организации, контроль Иннов за доступом в профессию и за деятельностью ее членов стали примером для подражания со стороны других профессий. По сути, всю последующую историю профессий можно рассматривать как борьбу за распространение этих принципов на весь «образованный класс» (в профессиональном плане). «Славная революция» 1688 года в Англии была своеобразной точкой отсчета в становлении профессий. М. Барридж утверждает: «"Славная революция" была огромным благом для всех профессий, так как она помогла создать политическую и культурную ситуа-

¹ Мортон А.Л. История Англии. М: Иностранная литература, 1950. С. 112.

цию, крайне благоприятную для самоуправления и поддерживающую его»¹. С этого времени установились особые отношения английского профессионального класса с государством, характеризовавшиеся с одной стороны, автономией профессий, а другой — их идеологической и политической нейтральностью и лояльностью к правящему классу.

Вплоть до второй половины XIX в. в этой стране доминировали аристократические ценности. Влияние аристократической системы ценностей выражалось в том, что приобретение классического образования ставилось выше собственно профессиональных знаний. Такой подход к образованию и к профессии вообще объясняет очень многое в поведении, устремлениях, жизненных целях и системе приоритетов представителей профессий в XVIII веке. Большинство из них воспринимало свою профессию не как дело жизни, не как определенную цель, а лишь как «средство для достижения цели — вести джентльменский образ жизни и войти в социальную элиту»². В работах У. Ридера, Д. Дамэна, Г. Томсона, М. Барриджа и многих других исследователей феномена «профессий» дана детальная характеристика процесса их становления в качестве отдельной группы, особого сообщества, отличающегося как от высших классов (аристократии, буржуа), так и от низов (рабочих, служащих и т.п.)

С эпохи Просвещения, которую часто называют эпохой здравого смысла, становится популярным призыв жить своим умом и непопулярным тип джентльмена-бездельника, для которого «жизнь — это бесконечный поток удовольствий», а «думать — самое утомительное занятие на свете». Эпоха промышленной революции вызвала рост такой категории, как квалифицирован-

¹ *Burrage M.* Revolution and the Collective Action of the French, American and English Legal Professions // Law and Social Inquiry. Journal of the American Bar Foundation. Vol. 13, 1988. P. 264.

² *Reader W.* The Professional Men. The Rise of the Professional Classes in the XIX Century's England. L. Weidenfeld & Nicolson, 1966. P. 18.

ные техники и инженеры, получившие наименование «новых профессий». Промышленная революция способствовала появлению и умножению таких профессий, в среде которых рождались и умножались новые критерии и взгляд на профессию. XIX век повсеместно формировал потребность общества в относительно массовой категории людей, которые бы занимались умственной деятельностью и оказывали соответствующие услуги разным категориям населения. Если в 1851 году в Британии (по подсчетам известного экономиста Г. Раута) было 276 тыс. профессионалов, то в 1881 году — уже 464 тыс., а в 1911 году — 796 тыс.¹

Языковые нововведения отразили формирование относительно массовой категории людей, которые профессионально занимались умственным трудом, как правило, не являясь наемными работниками и оставаясь людьми «свободных профессий» (*liberal professions*), отличались по образу жизни и системе ценностей как от высших, так и от низших классов. В разных странах внутри данной категории была своя референтная группа: в англосаксонских странах — юристы и врачи, во Франции, равно, как и в России, — писатели, литераторы. Однако повсеместно, где происходило численное увеличение данной группы, оно сопровождалось становлением таких профессиональных институтов, как профессиональная периодика, формирование профессиональных ассоциаций, выработка профессиональной этики. Эти институты имели разную ценность в разных странах. Как справедливо отмечал Н.Г. Чернышевский, «в странах, где умственная и общественная жизнь достигла высокого развития, существует, если можно так выразиться, разделение труда между разными отраслями умственной деятельности»². Разделение труда способствовало тому, чтобы развивать и позиционировать профессиональные качества.

¹ Routh G. *Occupations of the People of Great Britain. 1801–1981*. L.: Macmillan, 1987. P. 69.

² Чернышевский Н.Г. Эстетика и литературная критика. М.—Л.: Изд. худож. литературы, 1951. С. 338.

В профессиональном плане качествами, необходимыми специалисту, стали считаться специальное образование, квалификация, компетентность, оцениваемые как клиентами, так и коллегами по профессии. В социальном отношении интеллигентные профессии в массе своей от поляризации предшествующего периода перешли к новому этапу, когда и по уровню доходов, и по образу жизни, и по внешнему виду они все больше становились представителями среднего класса, отличавшегося как от высших классов, так и от рабочей массы. Каким бы скромным ни был уровень доходов священника или учителя, его все же нельзя было назвать бедным по сравнению с рабочим человеком, среди которого он жил.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Однако эти изменения не были бы очевидными, если бы не становление и распространение «профессиональной идеологии», то есть совокупности правил, ценностей и принципов, которыми должен руководствоваться профессиональный класс. Профессиональная идеология была сопряжена с принципами профессиональной этики: приоритетом интересов клиента, компетентностью и заинтересованностью специалиста, пониманием общих интересов профессионального сообщества, исключаящим как демпинг, так и любое негативное высказывание о коллегах.

Профессиональная идеология использовалась «профессиональным классом» для определения специфики его статуса и миссии. Идеал общественной службы и общественного доверия должен был возвысить профессионалов над другими классами. Г. Томпсон, которого вполне можно причислить к идеологам профессионализма, декларировал: «Важность профессии и профессионального класса вряд ли может быть переоценена. Именно профессии представляют собой авангард великого английского среднего класса, устанавливая характер его независимости, определяют моральные стандарты и направляют его ум». Это заявление чрезвычайно

важно, потому что свидетельствует о стремлении профессионалов идентифицировать себя уже не с высшим, но со средним классом. Томсон утверждал также, что в плане социального престижа профессии обладают превосходством над бизнесом: «Если они занимают место в обществе, то лишь благодаря своей деятельности, а не по причине рождения, наследства, богатства, их превосходство обусловлено призванием, вот почему простой священник стоит выше купца... Профессии также помогают в формировании характера, приобретении знаний, они находятся в постоянном движении, в соответствии с внутренними и внешними, политическими и экономическими позициями нации»¹.

М. Арнольд описывал соотношение между профессионалами и бизнесменами следующим образом: на первом плане, по его мнению, стояли профессионалы, обладавшие прекрасными качествами и организаторскими способностями, а на втором — бизнесмены, которые таких качеств не имели². «Профессиональный класс» обвинял буржуазию в эгоизме и неумении заботиться об общественном благе, противопоставляя этим недостаткам достоинства профессий, чьи этические принципы заключались, как их сформулировал респектабельный журнал медиков «Ланцет», в преданности работе, изучении профессии, внимании и уважении к пациентам, с одной стороны и к своему профессиональному долгу — с другой. Резюмируя подобные настроения, Г. Перкин писал: «Профессионалы считали себя стоящими над экономическими битвами как привилегированные наблюдатели, доброжелательные и нейтральные, твердо верящие, что их работа необходима и будет вознаграждена, независимо от того, какая сторона выиграет»³. Разумеется, не следует идеализировать ситуацию и значение профессиональной идеологии в практике профессий как

¹ Thomson H. The Choice of a Profession. L., 1857. P. 16, 68, 27.

² Perkin H. The Rise of Professional Society. England since 1880. L.: Routledge, 1989. P. 117.

³ Ibidem.

в Британии, так и в других странах. Однако она играла роль своеобразного социального семафора, декларируя принципы деятельности «профессионального класса» и его отличие от других социальных групп и категорий.

В поздневикторианском обществе «образованный класс» превращается в социальный феномен. Самовоспроизводство этого слоя, профессионализация его социальных источников знаменовали важный момент в его развитии. «Профессиональный класс» викторианской Англии становится частью среднего класса и даже его авангардом. Немаловажным фактором его формирования стало то, что эталоном «образованного класса» Англии явилась юридическая профессия с ее респектабельностью, высоким статусом, устойчивостью. Автономия и профессиональное самоуправление давали профессиям определенную нишу в обществе и укрепляли их уверенность в собственной значимости.

Профессиональный класс характеризовался особыми формами и методами коллективных действий: созданием профессиональных ассоциаций, развитием профессиональной периодической печати, борьбой за право на самоорганизацию внутри профессий (контроль над уровнем образования, определение профессиональных стандартов). В отличие от профсоюзов с их акцентом на защите материальных прав своих членов, профессиональные ассоциации ставили своей целью заботу о поддержании высоких профессиональных стандартов и кодекса поведения, корпоративного духа, способствуя консолидации профессионального сообщества.

1860—1870-е годы представляли собой уникальную ситуацию, когда реформаторское движение, тяга к переменам и проведение существенных реформ захватили большую часть Европы и Америки, а также некоторые азиатские страны. Причем это произошло без воздействия того мощного катализатора, каким обычно является война. Во всяком случае, в XX веке только после Первой и Второй мировых войн можно обнаружить такие серьезные перемены и преобразования. Именно

на шестидесятые-семидесятые годы XIX столетия пришлись гражданская война и Реконструкция в США, либеральные реформы Наполеона III и две революции (4 сентября 1870 и 18 марта 1871 года) во Франции, борьба за объединение Германии и создание Германской империи, объединение Италии, отмена крепостного права и либеральные реформы в России, революция Мэйдзи в Японии и многие другие события.

Для развития «профессионального класса» особое значение имели такие внутренние, но схожие для разных стран процессы, как административные реформы и реформы университетов, введение экзаменов при поступлении на государственную службу, борьба за фабричное законодательство (введение фабричной инспекции), движение за всеобщее начальное образование.

Представление об уникальности русской интеллигенции в обыденном сознании и в социальных науках в значительной степени основывается на мнении, что «образованный класс» Запада не брал на себя забот обо всем обществе, не занимался проблемами его переустройства, не обременял своего существования ненужными идеалами и мечтаниями. Прагматичные англосаксонские «профессии», казалось бы, представляют собой полную противоположность феномену интеллигенции. Как и любой стереотип, такое суждение грешит изрядной долей схематизма и упрощения. Отграничивая себя от эгоистичных высших классов, профессионалы выстраивали отношения с низшими классами (беднотой, рабочими) как на сугубо профессиональной почве (фабричные и социальные инспекторы, врачи, учителя начальных школ), так и в общественной сфере.

Английские, а позже и англосаксонские профессии создали не только свою этику и организационную структуру, но и сформировали особые отношения с властью, добившись определенной автономии от государства, права самостоятельно решать проблемы профессионального самоуправления, и демонстрируя некоторую отстраненность от партийно-идеологических дебатов и

борьбы. Отсюда и создалось впечатление о представителе профессий как высокостатусном, хорошо зарабатывающем и равнодушном к общественным проблемам специалисте. Идеологи профессионализма как системы ценностей утверждали, что профессиональное решение проблем в конкретных областях (здравоохранение, образование, социальное обеспечение) в итоге приносит обществу больше пользы, чем увлеченность абстрактными идеалами. За образованными профессионалами признавался высокий общественный статус (так, в Италии получивший специальное гуманитарное, юридическое, техническое или экономическое образование специалист в официальных документах добавлял к имени и фамилии соответствующую приставку, маркирующую его п.и. — доктор (Dottore), адвокат (Avvocato), инженер (Ingegnere), бухгалтер (Ragioniere).

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КЛАССА

Проблема социального неравенства, на почве которого возвращена вся классическая литература, широко обсуждалась в публицистике, печати, в ходе общественных дискуссий. М. Арнольд писал: «Наше неравенство насаждает цинизм в высших слоях общества, пошлость в средних и дикость в низших»¹. Традиционным лекарством против этого зла считалась филантропическая, благотворительная деятельность. В 1880-е годы традиционные методы социальной деятельности профессионального класса и, вообще, средних слоев по отношению к рабочей массе были усилены и дополнены новыми.

Участие в благотворительных акциях настолько высоко оценивалось в качестве проявления социальной активности, что людям, которые хотели поступить в Гражданскую службу, задавали вопрос, участвовали ли они в деятельности такого рода. В 1869 году было создано Общество благотворительности для борьбы с бедностью,

¹ Падни Д. Льюис Кэрролл и его мир. М.: Радуга, 1982. С. 84.

а затем и местные его отделения, в одном из которых, кстати, начинала свою социальную деятельность Беатриса Поттер (в замужестве — Вебб), которая работала в трущобах Сохо. Беатриса вспоминала, что «мир политики в 1870—1880-х годах был тесно связан с миром филантропии». Благотворительное общество в то время казалось Беатрисе достойной и продуманной попыткой применить научный метод наблюдения и эксперимента, анализа и проверки для решения проблемы бедности с помощью персональной службы и денежной помощи, оказываемой состоятельными гражданами своим нуждающимся собратьям¹.

Склонность к социальному действию, активизация социального поведения выразились на рубеже веков в своеобразном «хождении в народ» британских и американских интеллектуалов, которые основывали «сеттльменты» (поселения) в рабочих кварталах. Самые известные из них — Тойнби-Холл в Британии и Холл-Хауз в США. В них были организованы библиотеки, читались публичные лекции, действовала система консультаций для рабочих и членов их семей.

Движение сеттльментов знаменовало собой новую страницу в истории образованного класса, оно отражало общее стремление к большей социальной активности, вызревание чувства социальной ответственности. В разных странах это чувство находило свое выражение.

Движение сеттльментов было специфическим «хождением в народ», правда, в отличие от русских народников во время англосаксонских «хождений» не было никакой революционной пропаганды: цель участников этих акций заключалась в том, чтобы беднота стала более образованной, культурной, цивилизованной, вела более достойный образ жизни, в частности более трезвый.

В конце XIX века повсеместно развернулось просветительское движение, заключавшееся в чтении публичных лекций, создании новых воскресных и вечерних

¹ Webb B. My Apprenticeship. L., 1926. P. 206.

школ для бедных. В этой форме деятельности находила отражение просветительская функция образованного класса. Популярностью пользовалось и распространенное в эти годы движение за университетское образование, создание народных университетов особенно активно проходило во Франции.

«Многих людей не удовлетворяет обычная благотворительность и законы о бедных, они слышат “мучительный крик” бедноты. Они осознают, что современный прогресс имеет свою оборотную сторону, — писал английский общественный деятель священник С. Барнетт. — Другим мотивом деятельности является желание иметь точную информацию об условиях жизни людей, их мыслях и надеждах. Современное поколение, вдохнувшее научный дух, не может довольствоваться слухами и сантиментами, оно требует фактов и цифр — критических исследований причин бедноты и собственных знаний о бедных»¹.

В ходе исследований причин бедности в развитых странах было установлено, что к числу самых распространенных условий обнищания людей относятся болезни, увечья и потеря кормильца, пьянство и многодетность. Врачи, работавшие среди бедных, учителя, обучавшие их детей, фабричные инспекторы, священники, миссионеры добавляли свой опыт, каплю за каплей, в чашу, которой суждено было перевесить фритредерские традиции. Конкретные заботы и прагматичные мотивы могли заслонять для них абстрактные, теоретические вопросы. Для каждого в отдельности важнее было построить школу или открыть больницу, нежели преобразовывать общество. И все же без их опыта подобное преобразование было бы невозможно. Любопытные параллели в связи с этим опытом возникают относительно русской интеллигенции. «Вряд ли можно найти более органичное выражение активности интеллигенции, чем создание школ, — считает исследователь гражданского

¹ *Barnett S. University settlements // The Nineteenth Century. 1895. Vol. 226. P. 1070.*

общества в период «великих реформ» в России XIX века Э. Кимбелл. — Оно точно так же, как литературная, публицистическая, издательская деятельность, давало выход самым естественным профессиональным интересам пробуждающейся интеллигенции»¹.

В английской интеллектуальной среде упор делался на моральные, религиозные, этические аспекты проблемы бедности, вырабатываясь, по выражению Б. Вебб, «новый фермент мышления и чувств», «новое сознание стыда»². Арнольд Тойнби обращался к массе своих сограждан: «Мы, средний класс, давали вам вместо справедливости — благотворительность, вместо симпатии — нереальные советы, но мы меняемся. Если вы сможете доверять нам, многие из нас посвятят свою жизнь служению вам. Вы должны простить нас. Но независимо от этого, мы будем служить вам, мы посвятим наши жизни служению вам, и мы не можем сделать меньшего»³.

Многие другие стремились донести до своих соотечественников это чувство — стыда за общество, которое не может обеспечить достойной жизни своим гражданам. Б. Вебб указывала, что «социальный стыд» не был идентичен чувству личного греха или вины⁴. И все же именно эти люди обусловили модернизацию английского общества, в частности формирование и распространение новых социальных идеалов.

В британской историографии существует миф, что между интеллектуалами и профессионалами лежит глубокая пропасть в силу различия их функций, мировоззрения, места в обществе. Но в 1880—1890-е годы британские интеллектуалы активно включились в пропаганду идей профессионализма, доказывая ценность профессионального образования и квалификации. «Они хотели

¹ Кимбелл Э. Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху великих реформ. 1859—1863 // Великие реформы в России. 1856—1874 / под ред. Л. Г. Захаровой и Б. Эклофа. СПб., 1992. С. 267.

² Webb B. My Apprenticeship. P. 179.

³ Goldman L. Dons and Workers. Oxford, 1995.

⁴ Webb B. My Apprenticeship.

изменить мир так, чтобы дать больший размах эксперти и профессиональному администратору в противовес медлительному политику и эгоистичному промышленнику» — объясняет мотивы деятельности социалистов Сиднея и Беатрисы Вебб и их сторонников Р. Харрисон¹. Таким образом сливались воедино идеи профессионализма и социального переустройства, а интеллектуалы и профессионалы действовали как сообщества, чьи ценности и социальная активность были направлены на решение наиболее острых проблем общества.

Англия Домби и сына, наступление «торгашеских» тенденций, распространение духа Мамоны, алчности и погони за успехом вызывали критику со стороны профессионального сообщества. Д. Стерлинг критически отмечал: «Даже писатели и художники за редким исключением позволяют сделать основным критерием истинности их творчества банковский счет»².

Возникает вопрос: чем же обусловлена живучесть стереотипа, будто профессиональный класс Запада, в особенности Британии, — это категория сугубо прагматичных, озабоченных узкопрактическими вопросами, аполитичных специалистов? Действительно, профессиональные группы были ориентированы на укрепление своих позиций на рынке труда, они использовали профессиональную идеологию и этику как один из важных инструментов своей борьбы, они избегали декларировать широкие социальные и, тем более, политические цели. Профессии дорожили своей автономией от государства (правом на обучение и выдачу сертификатов и лицензий), развитием профессиональных ассоциаций, созданных — в отличие от профсоюзов — для борьбы за поддержание профессиональных стандартов, а не за материальные интересы. Партийные и политические предпочтения их были различны, ни одно из политических

¹ *Harrison R. Sidney and Beatrice Webb // Socialism and the Intelligentsia. 1880-1914. Ed. By C. Levy. L.: Routledge, 1987. P. 42.*

² *Duman D. The Creation and Diffusion of Professional Ideology in the XIX Century's England // The Sociological Review. 1979. № 1. V. 27. P. 126.*

направлений не претендовало на монополию в данной среде. «Образованный класс», в особенности профессии, на протяжении всего XX века активно участвовал в становлении и развитии социального государства.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КЛАССА И ЕГО АНАЛИЗ

Профессиональный класс в послевоенный период стал важным актором социального государства, одним из результатов которого явилось резкое возрастание численности среднего класса в целом. При этом темпы роста интеллигентных профессий были значительно выше, чем у других категорий занятых, что было стимулировано образовательным бумом 1960-х. Численность студентов увеличилась за десятилетие в несколько раз. С развитием НТР особые позиции заняли технические профессии. Гарольд Перкин, автор ряда исследований профессионального класса, высказывал предположение, что рост этой категории может обусловить ключевые тренды современного социального развития. Он назвал рост профессионального класса и становление профессионального общества третьей (после неолита и промышленной) революцией в истории человечества. Однако ему не удалось стать, как не без иронии заметил Майкл Томпсон, «Марксом профессионального класса»¹.

По мере того как концепт профессионального класса и требования профессиональной этики распространялись в Европе и США, нарастали проблемы социального и политического характера, ставившие под сомнение профессионализацию как рост профессионального класса. Массовизация профессий приводила к снижению уровня доходов и стабильности. Неоконсервативные правительства Тэтчер и Рейгана сделали своими миссиями социальное государство и неокорпоративизм,

¹ *Tompson M. Review of "The Third Revolution. Professional Elites in the Modern World". Harold Perkin. London, Routledge, 1996.*

Режим доступа: URL: <https://www.history.ac.uk/reviews/review/29>

элементом которого считались и профессиональные ассоциации. Курс на менеджеризацию социальной сферы подрывал позиции профессионального класса как средоточия профессионализма и компетентности. Правда, профессиональный класс не намерен был уступать своих позиций. В Британии развернулось противостояние между Тэтчер и профессиональными ассоциациями, особенно Юридическим обществом, которое Тэтчер хотела поставить под контроль государственного органа — Управления юридической помощи. Этого ей сделать не удалось, как не удалось получить от ученого совета Оксфордского университета ученую степень по экономике, на которую вправе претендовать любой премьер-министр. Это противостояние носило характер «холодной войны», временами перераставшей в «горячую», как во время «войны адвокатов», сумевших отстоять свой статус и независимость.

Майкл Барридж считает, что профессии смогли сохранить свою специфику и природу¹. Гарольд Перкин отметил бифуркацию профессионального идеала². Р. Мэрфи ставил вопрос о тенденциях к бюрократизации или пролетаризации профессий.

При всей противоречивости оценок и суждений, 1990-е годы ознаменованы ростом интереса к профессиональному классу как феномену. Этот интерес оказался распространен и на Россию.

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Коллективная монография американских исследователей под редакцией профессора Харли Д. Балзера «Исчезнувший средний класс. Профессии в русской истории» вышла в свет в 1996 году³, была отрецензирована в

¹ *Burrage M.* Mrs. Thatcher against Deep Structures. University of California at Berkeley. Working Paper. 1992. № 11. P. 46–47.

² *Perkin H.* The Rise of Professional Society. L., 1989.

³ *Russian Missing Middle Class. The Professions in Russian History.* Ed by Harley D. Balzer. Armonk, N.Y. 1996.

журнале «Вопросы истории» и признана «оригинальным и важным трудом, содержащим новаторскую постановку известных дискуссионных вопросов и аргументированные подходы к их конкретному решению и теоретическому осмыслению»¹. Однако на характер дискуссий об интеллигенции, к сожалению, эта работа влияния не оказала. Между тем она заслуживает всяческого внимания, в особенности концептуальная часть, написанная Кендалом Бейлзом, — «Раздумья о профессиях в России», в которых он проводит сравнительный социокультурный анализ российской интеллигенции и профессионального класса, делая упор на значимости профессионального идеала и профессиональной этики в духе Перкина и с многочисленными ссылками на него.

На взгляд Бейлза, подход Перкина позволяет обеспечить контекст для понимания профессий и профессионализации в дореволюционной (позднеимперской, как он пишет) России. Российский средний класс был преимущественно профессиональным, а не предпринимательским; их идеалы отличались существенным образом; история и значение профессионального класса долгое время недооценивались. Между тем это особенно важно для понимания социальных изменений². Американские исследователи хорошо знакомы с работами советских историков и вступают с ними в корректную полемику по поводу радикализации профессий, считая, что лишь часть профессионального класса была подвержена радикальным настроениям. Общим же настроем было служение обществу. Особенно авторов книги удивляет то обстоятельство, что проблематика профессионального класса занимает столь мало места и внимания российских ученых, изучающих интеллигенцию. Это выглядит

¹ Ульянова Г.Н. Рец. на книгу: «Исчезнувший средний класс. Профессиональные группы в российской истории» / Под ред. Харли Д. Балзера. Армонк: изд-во М.Е. Шарп, 1996. XXI + 330 стр. // Вопросы истории. — 1999. — № 2. С. 171.

² Bailes K.E. Reflections on Russian Professions // Russian Missing Middle Class. The Professions in Russian History. Ed by Harley D. Balzer. Armonk, N.Y. 1996. P. 41—42.

контрастом не только по отношению к британским и немецким исследованиям, но и к центральноевропейским.

С одной стороны, мне крайне досадно, что эта книга не попала мне в свое время и я смогла прочесть ее только недавно. С другой стороны, вдохновляет то, что мое представление о профессиональном измерении российской интеллигенции в значительной мере совпадает с позицией американских коллег.

Общепринято, что в России возникновение основных профессиональных групп связано с реформами 1860—1870-х годов. В дореформенную эпоху медицина была придатком управленческого аппарата, ситуацию изменила Земская реформа. Юридическими делами вплоть до Судебной реформы 1864 года занимались служащие невысокого ранга без соответствующего профессионального образования и организации. После реформы начинается институционализация юридической профессии.

Институционализация интеллигенции как совокупности профессиональных групп сопровождалась становлением и ростом профессиональной периодики. Журналы «Образование», «Врач», «Земская медицина», «Право» ставили серьезные социальные и профессиональные проблемы. Одним из первых требований земских врачей было требование запрета самостоятельной практики фельдшерам, поскольку их малограмотность и слабая компетентность подрывали авторитет медицины. Это тесно перекликается с теми требованиями, с которыми выступали врачи в Западной Европе, правда, на полвека раньше.

В России численность лиц свободных профессий увеличилась в четыре раза с 1860 по 1900 г. — с 20 до 85 тысяч¹. Темпы роста сохранились и даже возросли в начале XX в. Обзор российской прессы последней трети XIX — начала XX вв. показывает, что интеллигенция не чуждалась обсуждения профессиональных вопросов,

¹ Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М.: Наука, 1971. С. 70.

была в курсе схожих проблем западного «образованного класса». Подобно тому как в борьбе за свободу слова и конституцию она апеллировала к западному парламентаризму, в профессиональном плане интеллигенты брали за образец англосаксонские профессиональные ассоциации, добившиеся автономии, контроля над доступом в профессию и за уровнем профессионального образования и квалификации. Это проходило в то время, когда во всей России власти стремились «обуздать» так называемый «третий элемент» (так охарактеризовал один из губернаторов земских служащих — врачей, учителей, агрономов), отстранить их от решения государственных вопросов, оставив это право прерогативой первых двух элементов — администрации и дворянства.

Земские врачи также вели упорную работу с земцами — членами земских управ, которые первоначально стремились руководить медициной без привлечения врачей и консультаций с ними. Земские врачи боролись за участие врачей в руководстве земской медициной столь же упорно, как и за создание стационарных врачебных участков, против «фельдшеризма» и разъездной системы. Разъездная система, при которой врачу отводился для объезда район с радиусом до ста километров, сводила до минимума возможность оказания квалифицированной медицинской помощи. «Он только едет, едет, едет, как Вечный жид, изображая собой *perpetuum mobile*», — писал о земском враче при разъездной системе известный пермский врач И.И. Моллесон¹.

В юридической профессии с начала 1870-х годов стал требоваться сертификат об образовании, правда, в каждом суде была своя сертификационная система. Ю. Хаски пишет: «В период с 1864 по 1917 год, несмотря на постоянные попытки правительства держать под контролем развитие адвокатской профессиональной деятельности как неформального института русского общества, приносящие поверенные преуспели в создании и укреплении

¹ Селезнева Т.В. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. Пермь, 1955. С. 32.

своих институтов по всей стране»¹. Советы присяжных поверенных осуществляли прием новых членов, разбор дисциплинарных нарушений, они обладали элементами самоуправления. Перепись 1897 года насчитывала в России 8,9 тысячи нотариусов, присяжных и частных поверенных, 12,5 тысячи инженеров, 3,5 тысячи агрономов, 17 тысяч врачей².

Присяжные поверенные как профессиональная категория адвокатов формировались в организационном плане по английскому образцу, хотя система оплаты строилась по образцу немецкому. Условия вступления в ассоциацию присяжных поверенных включали университетский курс политических наук и опыт работы в судебном ведомстве. Присяжные поверенные постепенно, но неуклонно вытесняли из сферы профессиональных услуг частных поверенных. Круг профессиональных интересов адвокатов был весьма широк. Адвокаты блокировали принятие государственных проектов, ограничивавших автономию советов присяжных поверенных, они выступали против того, чтобы их деятельность регламентировалась судебными палатами и окружными судами. Присяжные поверенные хорошо понимали свою социальную роль и имели четкие политические взгляды, как правило, либеральные (что было свойственно, кстати, и большинству земских врачей). Присяжные поверенные были ревностными защитниками своих институциональных интересов.

И представители других интеллигентных профессий добивались удовлетворения своих профессиональных требований, росло число образовательных учреждений, утверждались принципы профессионализма.

Просветительская деятельность интеллигенции, героический труд десятков тысяч сельских учителей и учительниц, работа земских врачей и т.п. относились к практической плоскости взаимоотношений с народом.

¹ Хаски Ю. Российская адвокатура и советское государство. М.: ИГП РАН, 1993. С. 20.

² Лейкина-Свиурская В.Р. Указ. соч. С. 90, 130, 140.

В России развивалась сеть воскресных школ и рабочих курсов для взрослых, создавались народные университеты, проводились социальные исследования, разрабатывались социальные проекты. В этом плане российская интеллигенция выполняла по отношению к народу, низшим классам те же функции, что и западные профессионалы: просвещения, практической помощи, анализа положения и доведения его до сведения власть имущих и всех образованных людей.

«ЗАБУДЬТЕ О КОМПЕТЕНТНОСТИ!»

Принципы профессионализма и компетентности подверглись после революции не меньшим нападкам, чем недостаточная революционность интеллигенции. Сами термины «компетенция», «профессионализм» вызывали раздражение, досаду, негодование советских лидеров. Шквал критики обрушился на Л. Красина, рискнувшего призвать власти дать больше влияния в управлении производством и хозяйством компетентным людям. Зиновьев возмущался: «Мы просим некоторых наших товарищей, которые слишком часто суются к нам со словами “не компетентны”, чтобы они забыли эти слова». Е. Преображенский обвинял: «Стремясь к обеспечению профессионализма в ведении дел страны, Красин бросает вызов новому руководству партии»¹.

И это понятно, если учесть, что согласно материалам партийных конференций и съездов, в начале 1920-х годов в партийных рядах насчитывалось всего лишь 5 % людей с высшим образованием. 85 % членов партии писали в анкетах, что имеют начальное, домашнее или тюремное образование². В первую очередь замена профессиональных специалистов профессиональными революционерами проходила в творческих профессиях. Т. Коржихина блестяще характеризует этот процесс в монографии «Извольте быть благонадежны». В преподавании общественных

¹ Емельянов Ю.В. Заметки о Бухарине. Революция. История. Личность. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 161–162.

² Емельянов Ю.В. Указ. соч. С. 156.

наук радикальный переворот произошел после закрытия в 1922 году большинства кафедр общественных наук. Место высланных за пределы России ученых заняли люди, многие из которых могли быть прообразом «братишки-профессора» из известного фельетона Ардова.

Декрет о суде от 24.11.1917, упразднивший старую судебную систему, разрешил выполнять адвокатские функции любому «обладающему правами, неопороченному гражданину». Положение «О народном суде» призывало правозащитников «помогать суду наиболее полно выяснять обстоятельства, касающиеся подзащитного», то есть стремилось изменить функции адвоката — от защиты клиента к оказанию помощи суду.

М.А. Рейснер заявлял: «Надо готовить нашу собственную интеллигенцию из среды рабочих и крестьян, и мы должны принять все меры, чтобы это идеологическое условие отнюдь не приняло психологического облика буржуазной интеллигенции и не образовало среди нас все более мощной группы мелкой буржуазии»¹. «Штамповка» новой интеллигенции требовала определенного времени. По этим причинам советская власть прежде всего ставила на различные посты в управлении интеллигентными профессиями лояльных и преданных людей.

Окончание Гражданской войны, стабилизация политической ситуации, необходимость легитимации нового политического режима изменили правовую политику советской власти. Одним из результатов стало восстановление института защитников в суде согласно законам 1922 года. Несмотря на все усилия властей внедрить коммунистов в коллегии защитников, вплоть до 1930-х годов этого сделать не удавалось. Коммунисты-члены коллегий в силу своей профессиональной некомпетентности не могли контролировать принятие тех или иных решений. Кроме того, и клиенты в трудных случаях предпочитали обращаться к частным адвокатам, а не в юридические консультации.

¹ Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссий. 1923–25 гг. Новосибирск, 1991.

«КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ» ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Ю. Хаски предлагает использовать термин «коллективизация» не только в отношении правительственной политики в области сельского хозяйства, но и в отношении адвокатской профессии. В таком случае можно говорить, что и в других интеллигентных профессиях проводилась «коллективизация» как политика ликвидации профессиональных ассоциаций и замены их псевдокорпорациями; установления доминирующего положения членов партии, а также партийной идеологии и партийных принципов в профессиях. Процесс этот проходил неравномерно, начавшись, как мы уже говорили, в творческих союзах и закончившись трансформацией адвокатских коллегий.

К концу десятилетия удельный вес дореволюционных специалистов среди интеллигенции составлял чуть более трети. Сталин мог позволить себе быть снисходительным по отношению к интеллигентам: «Интеллигенты с достойным, не интеллигентским происхождением, с безупречными анкетами не должны считаться людьми второго сорта. Неправильно думать, что образование — вредная и опасная штука... Старая теория об интеллигенции остается совершенно верной по отношению к старой же интеллигенции, а не ко всем окончившим советские вузы. К новой интеллигенции надо относиться уважительно и дружески»¹.

Т. Коржихина, исследовавшая судьбу самой уязвимой части интеллигенции — творческой, причем в самые тяжелые годы сталинской диктатуры, делает такой вывод: «Культурно-демократические традиции были подавлены не окончательно. Сохранилась преемственность с предшествующей культурой. Погибла не вся интеллигенция. Все это позволяло литературе и искусству выжить, хотя и стало творчеством одиночек, разобщенных между собой»².

¹ Сталин И.В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М., Издательство «Писатель», 1997.

² Коржихина Т. Извольте быть благонадежны! М., 1998. С. 372.

Американский историк Ю. Хаски считает, что юристы, прежде всего адвокаты, в силу специфики своей профессиональной деятельности, оказались менее подчинены жесткому и тотальному контролю, смогли сохранить некоторую долю самостоятельности, что объясняет высокую активность адвокатов в общественно-политической жизни современного российского общества. Адвокаты не только были последней большой группой интеллигенции, которая интегрировалась в новый порядок, но интеграция эта была менее полной, чем в других профессиональных группах. Это объясняется преобладанием дореволюционных специалистов среди адвокатов почти до конца 1930-х годов, сохранением отношений материальной зависимости между адвокатом и клиентом, что обеспечивало адвокатуру значительную финансовую независимость от государства, а также тем, что государство занималось преимущественно трансформацией других групп специалистов, которых оно расценивало как более необходимых для социалистического строительства.

В самом деле, если бы не сохранение этой доли самостоятельности, было бы немыслимо диссидентское движение в Советском Союзе. Именно о них, адвокатах, отстаивавших эту самостоятельность и защищавших клиента в условиях авторитарной системы, сказаны Ю. Кимом эти слова:

«Откуда ж берется охота,
Азарт, неподдельная страсть:
Машинам — доказывать что-то,
Властям — корректировать власть...»
(Ким Ю. Адвокатский вальс)

Мне кажется не случайным также, что последним из сталинских процессов стало «дело врачей». Как бы ни хотелось властям, они не могли полностью подчинить медицинскую профессию, поставить ее под такой же контроль, как, например, педагогическую. Значение профессионализма и опыта врача, особые отношения между пациентом и врачом, который для страдающего больного становится выше Бога и начальства, и многие другие

нюансы профессиональной медицинской деятельности были неподвластны никому. Поэтому в отношении властей к медицинским работникам прослеживается двойственное отношение: с одной стороны, декларируется важность профессии, ее значимость, с другой — власть стремится контролировать и руководить медиками, насколько это возможно. Впрочем, Ю. Шрейдер считает, что такую политику власти проводили по отношению ко всей интеллигенции: с одной стороны, стремясь ее поднять и подчинить, а с другой — подкормить и приручить. Это, по его мнению, объясняет течение культурного процесса — замедленного, но неуклонного¹.

При оценке тенденций развития интеллигенции, в особенности в ее социально-профессиональном измерении, следует различать тенденции универсальные, общечеловеческие, и те, которые были обусловлены принципами, целями и стилем партийного руководства. К первым, безусловно, относятся «массовизация» интеллигенции (увеличение ее численности) и как следствие этого процесса, а также образовательного бума — утрата образовательного превосходства и социальной элитарности. Во всем мире в послевоенные десятилетия наблюдалась аналогичная картина. В то же время своеобразный комплекс неполноценности поддерживался у интеллигенции посредством разнообразных методов. «Промежуточное» положение интеллигенции (прослойка) объясняло ее второстепенный статус практически во всем: худшее обеспечение путевками и другими соцстраховскими льготами, отсутствие территориальных надбавок вплоть до 1984 года (для работников производственной сферы они были введены в 1946-м), меньшая заработная плата, квоты на вступление в партию и т.п. и т.д.

Теперь уже интеллигентные профессии настаивали на включении их представителей в партийные и советские органы, поскольку это давало единственную возможность решать конкретные проблемы. Как следствие

¹ Новый мир. — 1996. — № 4.

массового характера профессий в общественном мнении появляется негативный стереотип некомпетентного и невнимательного врача, не слишком квалифицированного инженера, грубого педагога, алчного и хитрого адвоката. Профессиональные конфликты разрешались не коллегиально, а начальством. Профессиональные ассоциации находились под контролем партийных и государственных органов, исключая неугодных и нелояльных. В 1960-е годы наиболее яркий пример — исключение из Союза писателей Б. Пастернака («как поленом по лицу — голосованием», — написал Галич). В 1980-е — исключение из коллегии адвокатов известного правозащитника Ю. Шмидта.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ?

И все же диффамация профессиональных ценностей, происходившая в советской интеллигенции в 1950—1970-е годы, не носила тотального и фатального характера. Профессиональные принципы продолжали сохранять свое значение в силу специфики самой профессиональной деятельности. Существовали и формальные процедуры, поддерживавшие значимость этих принципов: регулярные аттестации, присвоение категорий, определенную роль играло и соцсоревнование. Я солидарна с Б. Дубиным в его суждении, что обращение к профессиональным ценностям и стандартам является оптимальным способом нормализации статуса интеллигенции и ее объективной самоидентификации в современной России.

В постперестроечные годы предпринимаются активные попытки институционализации профессиональных интересов, возрождения традиционных для интеллигентных профессий принципов и ценностей, пересмотра отношений между профессиями и государственными органами. Современные социологи относят интеллигенцию как социально-профессиональную группу к одному из компонентов российского среднего класса, обладающую в отличие от других групп этого класса особой

системой ценностных ориентаций, в которой значимое место занимают ценности образования, личной профессиональной квалификации и уважения¹.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Социальный и материальный статус интеллектуального труда снизился во второй половине XX века в связи массовизацией высшего образования и ростом количества специалистов, возрастанием конкуренции на рынке труда, кризисом социального государства. Изменились формы борьбы за свои права, включившие и отработанные профсоюзами методы демонстраций и забастовок, однако ключевые основания профессиональной идентичности остались.

Профессиональная идентичность в широком понимании распространяется на разные категории профессий, но из англосаксонского образца в данное понятие вошли ценности профессионализма, компетентности, образования, репутации, что определяет значимость п.и. в структуре идентичности индивида. Профессиональная идентичность в широком значении чаще всего исследуется в плане формирования профессионального выбора и становления карьеры. Однако вопрос профессиональной идентичности в структуре социальной идентичности следует поставить шире: как правило, профессиональная идентичность как понятие относится к представителям профессий умственного труда, «интеллектуальным профессиям».

Профессиональная идентичность отражает укорененность человека в обществе, помогая ему в социализации и обретении личной идентичности. Отсутствие профессиональной идентичности обедняет человеческую личность. Как уже было отмечено, биографы политиков-радикалов и маргиналов говорят об отсутствии у своих

¹ Андреев А.Л. Социальное ядро нации. Средние слои в современном российском обществе // Общественные науки и современность. — 2003. — № 3. С. 83.

персонажей профессионального интереса, компетентности, профессиональной идентичности¹. Антисистемные политики и политические силы, борясь против системы, считают необходимым поставить под сомнение все, что способствует ее стабильности, включая профессиональную квалификацию и профессиональную идентичность. Это было свойственно и радикальной части интеллигенции дореволюционной России, в то время как основная масса врачей, юристов, учителей, инженеров ориентировалась на стандарты европейских профессий и стремилась добиться соответствующего статуса.

В общественных науках и общественном мнении широко распространено суждение, что профессионал с его узкоспециализированным мышлением и прагматизмом противостоит интеллигенту и интеллектуалу как категориям, для которых основной миссией является производство креативных идей и критическое осмысление реальности. Такое противопоставление уместно как аналитический инструментарий, но в реальности достаточно условно как в связи с тем, что значительная часть интеллектуалов и интеллигентов по социологическим критериям относится к категориям профессионалов, так и по причине широкого вовлечения профессий в активную социальную деятельность — просветительство, благотворительность, новые социальные движения и гражданские инициативы. Специфика профессиональной деятельности той или иной категории интеллектуального труда требует определенного пространства свободы — от государства, нанимателя, потребителей профессиональных услуг. Таким образом, профессиональная идентичность оказывается связана с идентичностью гражданской. Профессионалы, как правило, в большей степени дорожат такими гражданскими правами и свободами, как свобода слова, печати, ассоциаций и др., нежели другие категории населения. Профессиональная идентичность поддерживает и членство в профессиональных

¹ Фест И. Адольф Гитлер. Пермь: Алетейя, 1993. Т. 1; См. также: Н. Бердяев о Ленине.

ассоциациях, которые создаются представителями конкретных профессиональных категорий как площадки для обмена идеями и опытом и для лоббирования общих интересов, в том числе интересов профессии в политической сфере.

Падение уровня и значимости профессионализма в обществе происходит в переломные периоды истории: в условиях «первоначального накопления капитала» и наступления рыночных «ценностей», в авторитарных обществах, во время отката к авторитаризму, в кризисные времена. В таких ситуациях наблюдается либо резкое «полевение» профессионалов и вовлечение их в политическую борьбу, либо уход от активной деятельности (поколение «дворников и сторожей» периода «застоя» в СССР). Депрофессионализация как тренд считается одним из элементов дефицита демократии.

Профессиональная идентичность сегодня сталкивается с новыми вызовами в связи с моделью «обучения в течение всей жизни» (lifelong education), согласно которой в современном мире человек не может получить знания и навыки «на всю оставшуюся жизнь», а должен быть готов учиться и менять профессию неоднократно на протяжении жизни. Впрочем, креативный класс, который ярко живописал Р. Флорида, очень похож на интеллигентные профессии именно креативностью и чувствительностью к пространству свободы¹.

Подобно другим социальным революциям, «третья революция» в интерпретации Гарольда Перкина также не смогла привести к победе профессионального класса и его идеала. Препятствиями на этом пути стали, по его мнению, бюрократизация, наступление капитала, глобализация, безудержная деятельность транснациональных корпораций, стихийные и целенаправленные силы мирового рынка. Особое его негодование вызывает деятельность режимов Тэтчер — Мэйджера и Рейгана — Буша.

¹ Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее. М., Классика XXI, 2007.

Представляется, что Майкл Томпсон прав, считая «Третью революцию» не только исследованием, но и политическим памфлетом, автор которого выражает протест против неolibеральной модели глобализации. Такие протестные чувства и настроения становятся все более распространенными в интеллектуальной среде Запада в последние годы. Интеллектуалы ставят вопрос глобально: об альтернативах капитализму и определении альтернативных путей и сценариев.

Глава четвертая

ГДЕ МЫ? ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ВЕКТОРОВ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Не стремясь объять необъятное, автор берет на себя смелость пунктиром очертить роль интеллектуалов в процессе поисков политической идентичности в глобализационном контексте, их взаимодействие с другими акторами конструирования идентичностей, особое внимание уделяя борьбе по поводу определения политических и гражданских позиций в условиях современного кризиса (2009—2012).

АНАЛИТИКИ И ИНТЕРПРЕТАТОРЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Начнем с того, что сам глобализационный контекст и природа глобализации являются как предметом исследования, так и объектом борьбы интеллектуалов за смыслы и идентичности. Деятельность интеллектуалов в рамках Римского и Будапештского клубов, публикации Д. Шел-

ла «Судьба Земли» и «Уничтожение», А. Сахарова «Тревога и надежда», Иммануила Валлерстайна «Современная Мир-Система», У. Бека «Общество риска» и многие другие, адресованные широкому читателю, были призваны определить новую систему координат и программу действий. Различия взглядов между гиперглобалистами, трансформистами и скептиками проявлялись в публичной и академической дискуссии. «Кризисная трансформация идентичности становится в современную эпоху одним из ключевых факторов социальных перемен, характеризующих процессы глобализации», — считает В.В. Лапкин, возлагая значительную ответственность за эту трансформацию на элиты, как национальные, так и транснациональные¹.

Когда в России конца 1990-х стало популярным проводить международные конференции по проблемам глобализации, глобальных процессов, глобального мира, обнаружилось одно существенное расхождение между российскими и зарубежными докладчиками: первые трактовали глобализацию как объективный процесс, обусловленный мощными трендами мирового развития, участники дискуссий из дальнего зарубежья (и западного, и незападного) предпочитали обсуждать целенаправленный, субъективный, идеологически и политически нацеленный характер глобализации.

Это было связано с различиями в политической практике, политическом опыте и в опыте академической дискуссии. Однако политический контекст был определяющим. Сама проблематика глобализации, использование понятия «глобализация» актуализировались после окончания «холодной войны». По мере нарастания трудностей демократического транзита и усиления его неопределенности на смену либеральной эйфории «конца истории» шли другие концепты, объяснительные схемы и рецепты. В мировой практике происходила экспансия

¹ Лапкин В.В. Политические изменения в глобальном мире и динамика идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2. Рукопись

неолиберальной модели глобализации, верифицированные с эпохи тэтчеризма и рейганомики принципы и стратегии. Широко известен вклад в анализ глобализма как феномена таких консервативных мыслителей, как С. Хантингтон, Н. Глейзер, И. Кристол, Г. Киссинджер. Господствующая экономическая культура мирового рынка, дух предпринимательства, моральный импульс, вера в магическую силу рынка и уверенность в слабости либерализма создавали необходимую основу мироощущения, позволяли определить стратегии — политические, экономические, интеллектуальные. Создаваемая консерваторами картина мира дихотомна: есть культура мирового рынка и противостоящая ей корпоративная машина социального государства; силы добра и зла; противостоящие (грозящие столкновением) цивилизации.

Анализируя тезис Хантингтона о столкновении цивилизаций, В. Малахов объясняет причины его популярности: «Тайна успеха Хантингтона в том, что он называет врага. Он перечисляет врагов по именам. Они враждебны потому, что чужды. Фукуяма, утверждая победу Запада над не-Западом, лишил Запад его Другого. Тем самым он лишил Запад “идентичности”. Хантингтон, указывая на угрозу Западу со стороны не-Запада, возвращает ему Другого (Чужого), а значит, возвращает Западу идентичность. Отныне ее можно предельно четко очертить. И закрепить на политической карте»¹. Он характеризует эту позицию как хорошо продуманную, стройную систему убеждений, построенную на основе специфического способа мышления. Главным в нем выступает фигура Чужого, конструируемого и демонстрируемого.

В книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» и сам Хантингтон вводит раздел «В поисках врага», который начинается с цитирования фразы Георгия Арбатова, в 1987 году предостерегавшего американцев: «Мы осуществляем нечто действительно ужасное

¹ Малахов В. «Война культур» или интеллектуалы на границах // Октябрь. — 1997. — № 7. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/1997/7/malahov-pr.html>

для вас — мы отбираем у вас врага»¹. «На протяжении сорока лет Америка была лидером свободного мира и возглавляла борьбу против «империи зла». С гибелью этой империи возник вакуум идентичности. Как выразился Джон Апдайк: «Теперь, когда “холодная война” окончена, какой смысл быть американцем?»²

«Когда 11 сентября 2011 года Усама Бен Ладен атаковал Нью-Йорк и Вашингтон и погубил несколько тысяч человек, он, сам того не зная, заполнил вакуум, образовавшийся с исчезновением, благодаря Горбачеву, главного врага Америки, а во-вторых, подчеркнул идентичность американцев как христианской нации», — заявил Хантингтон³. Другой консервативный интеллектуал Ли Харрис выпустил две книги с выразительными названиями — «Цивилизация и ее враги. Грядущая стадия истории» (2004) и «Самоубийство разума. Радикальный ислам — угроза Просвещению» (2007). Он говорил о том, что нового врага нельзя понять рационально, поскольку он обладает трайбалистской природой и замыслом разрушить западный мир. Ли Харрис крайне скептически оценил способности либеральной элиты противостоять новому врагу⁴.

Как известно, Хантингтон тоже винил либералов и либеральных интеллектуалов за эрозию идентичности, проявившуюся в популярности у элиты доктрин мультикультурализма и разнообразия, в повышении внимания к субнациональным общностям в ущерб национальной, в денационализации американской элиты, в расколе между ее космополитизмом и патриотизмом широкой публики⁵. Уильям Кристал ввел понятие «контринтеллектуалы» для обозначения неприкаянной и пессимистичной общественности, настроенной антипатриотически.

¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: Транзит-книга, 2004. С. 405.

² Там же. С. 406.

³ Там же. С. 558.

⁴ Harris L. *Civilisation and its enemies: the next stage of history*. N.Y.: Free Press, 2004; Harris L. *The Suicide of Reason. Radical Islam's Threat to the Enlightenment*. New York. Basic Books. 2007.

⁵ Там же. С. 218.

Неоконсерваторы считали необходимым для Америки сохранять роль лидера свободного мира, придерживаться принципа прогрессивного интервенционализма, использовать силу для распространения либеральной демократии и государственного строительства.

В неолиберальной модели глобализации упор делается на форсированную гомогенизацию механизмов хозяйственного регулирования стран, входящих в мировое хозяйство; основное регулирующее развитие осуществляется с помощью рыночного механизма; главные усилия направлены на сокращение хозяйственной роли государства, на либерализацию и дерегулирование. Американский журнал *Foreign Office* писал: «Сейчас и на обозримое будущее единственная мировая цивилизация, достойная такого названия, — это господствующая экономическая культура мирового рынка». После 11 сентября появился новый взгляд на глобализацию как на противостояние глобальной демократии и глобального террора. И этот смысл глобализации уже сам по себе подчинен логике консерватизма. «Сегодня США через посредство НАТО настойчиво работают над строительством новой Европы, за которую наши отцы и деды сражались в двух мировых войнах — Европы единой, свободной и мирной, — заявила Кондолиза Райс. — Граждане по обе стороны Атлантики верят в то, что все люди имеют право на фундаментальные свободы... Мы считаем, что открытые экономические и торговые системы являются необходимой стартовой точкой для строительства процветающего общества и удовлетворения потребностей человека... Эти наши верования — в свободу для людей и в свободу для коммерции через границы — издавна характеризуют партнерские отношения Америки с Европой. Что изменилось сегодня, так это то, что с нами соглашается очень значительная часть остального мира. Действительно, эти принципы являются признаками глобализации»¹.

¹ International Herald Tribune. 13.06.2001.

Даже те, кто не соглашался с заявленными принципами, фиксировали, что соглашающихся больше. «Сейчас много говорится о том, что глобализация должна привести к созданию символического мирового правительства. Но почему в Европе и особенно во Франции активно обсуждается идея, согласно которой этот теневой кабинет глобализации находится в Америке? — восклицал эксперт по экономике OFCE (Французской обсерватории экономической конъюнктуры) Этуа Лоран. — Почему европейцы говорят, что они сопротивляются “либеральной глобализации”, которую им пытается навязать иностранная сверхдержава?»¹ По его мнению, это связано с тем, что именно на Буша многие на планете «возлагают ответственность за негативные последствия глобализации товаров, капиталов и террора»².

Неолиберальная модель глобализации спровоцировала движение антиглобалистов, а позже — альтерглобалистов, поиски альтернативных моделей, прежде всего, обращение к опыту Европейского Союза и европейской интеграции как целенаправленного процесса, определяемого с учетом интересов разных государств и при их консенсусе с обществом. Европейская интеграция до недавнего времени воспринималась как модель глобализации, создаваемая совместными усилиями политиков и сообществ, апробируемая и верифицируемая, достигаемая в результате компромисса между разными силами.

СТРАТЕГИЯ И АКТОРЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

«На сегодняшний день проект Евросоюза остается наиболее “продвинутым” образцом интеграционной модели, имеющей, безусловно, общемировое значение, — отмечает В.В. Лапкин. — Как и любая модель надцивилизационной интеграции он предполагает в качестве своего фундаментального принципа универсализм и

¹ *Laurent E. George W. Bush, president de la mondialisation // <http://www.inosmi.ru/print/206535.html>*

² Там же.

потенциально ориентирован на глобальное пространство самореализации, рассматривая в качестве объектов интеграции в конечном счете любые культурно-цивилизационные сообщества современного мира»¹. Эта модель складывалась на протяжении длительного времени и многоакторных усилий.

Как известно, европейская идентичность оказалась в повестке дня в кругах политической элиты еще в 1970-е гг. Так в декабре 1973 г. девять министров иностранных дел стран-членов Европейского сообщества (к тому периоду к шестерке стран-участниц присоединились Великобритания, Ирландия и Дания) подписали Декларацию европейской идентичности². В этой декларации утверждается, что, несмотря на вражду и конфликты в прошлом, сегодня европейские страны имеют общие цели и интересы, именно поэтому они смогли объединиться в единую организацию, фундаментальными принципами которой являются демократия, закон и права человека.

В 1974 г. на саммите ЕЭС в Париже обсуждался большой пакет инициатив по реформированию структур организации. Бельгийский премьер-министр Л. Тиндеманс в своем докладе высказал следующую идею: население Европы не хочет видеть структуры единой европейской организации забюрократизированными и технократическими, поэтому необходимо максимально приближать функционирование организации к повседневной жизни граждан (посредством использования средств коммуникации, распространения культурных продуктов, формирования европейских образовательных стандартов). Таким образом граждане будут приобщаться к общеевропейской политической и культурной жизни. «Дальнейшее развитие европейского проекта невозможно без

¹ Лапкин В.В. Политические изменения в глобальном мире и динамика идентичности.

² Document on the European Identity published by the Nine Foreign Ministers (Copenhagen , 14 December 1973).
Режим доступа : <http://www.ena.lu/>

поддержки людей» — сказал Л. Тиндеманс¹. Однако на том этапе его идеи поддержки не получили.

С 1980-х гг. в центре внимания политических деятелей стран-участниц Европейского сообщества оказались проблемы социального и политико-культурного контекста европейской интеграции². 26 июня 1984 г. на саммите в Фонтенбло главы государств и правительств десяти стран-членов организации объявили о том, что они хотят усилить европейскую идентичность граждан своих государств. В итоге была организована рабочая группа, целью которой являлась разработка мер, способных усилить единую европейскую идентичность и сформировать внутреннее пространство Европы без границ³. Проект, в рамках которого развивалась деятельность по реализации этих мер, получил название «Народная Европа» (A People's Europe).

Был предпринят комплекс разнонаправленных мер, имеющих целью усиление европейской составляющей в идентичности населения ЕЭС. Важными институциональными вехами и маркерами стали взаимное признание государствами-членами ЕЭС дипломов о высшем и профессиональном образовании (1985); установление соответствия профессиональных стандартов в европейских государствах, участвующих в интеграции, в области ряда профессий и сфер⁴; введение единого для граждан стран-членов ЕЭС паспорта; принятие в 1986 г. единых символов Европейского сообщества — флага и гимна⁵. Как отмечает А. Тэвдой-Бурмули, появление европейского паспорта, введение европейского гимна, флага — это политические акции, обладающие символическим смыс-

¹ *Tindemans L.* Report on European Union (29 December 1975).

Режим доступа: <http://www.ena.lu/>.

² *Зидентон Л.* Демократия в Европе. М.: Логос, 2001. С. 42–43.

³ *Shore C.* European Union and the Politics of Culture.

Режим доступа: <http://www.brugesgroup.com/mediacentre/?article=13>

⁴ *Обердорфф А.* Политическое становление Европы // Европейская интеграция: современное состояние и перспективы. Минск: ЕГУ, 2001. С. 21.

⁵ A People's Europe. Режим доступа: <http://www.ena.lu/>

лом. Их цель, с одной стороны, подтвердить возникновение еще одного уровня идентичности — европейской; а с другой — стимулировать ее развитие¹.

Официальная политика Европейского Союза в 1990-е — начале 2000-х годов включала кодификацию европейской культуры посредством символов и церемоний, их массивификацию и ритуализацию. Значительный акцент был сделан на развитии единого образовательного пространства. В 2000 гг. Европейская Комиссия объединила все образовательные программы в общий проект Lifelong Learning Programme (2007–2013). 2001 г. был объявлен «Европейским годом языков», успешное осуществление которого увенчалось учреждением Европейского дня языков, который отмечается каждый год 26 сентября².

В рамках политики ЕС в области культуры и образования разработана программа, специально нацеленная на развитие единой европейской идентичности — «Европа для граждан» (Europe for Citizens). Программа предусматривает реализацию нескольких действий: налаживание сотрудничества между муниципалитетами разных европейских стран; поддержку гражданских инициатив и организаций гражданского общества различных уровней, налаживание между ними сотрудничества; проведение специальных мероприятий (концертов, общеевропейских празднований, конференций), направленных на развитие европейского гражданства; сохранение памяти о прошлом Европы (в том числе и темных сторонах ее истории) и распространение знаний о современном этапе развития Европы³.

Акцент на культурной и образовательной составляющей особенно важен с учетом значимости культуры для европейцев. Опросы общественного мнения фиксируют, что для 77 % европейцев культура важна как таковая,

¹ <http://www.intellectuals.ru/cgi-bin/proekt/index.cgi?action=articul&statya=viewstat&id=147613&versia=1>

² Языковое разнообразие.

Режим доступа: <http://www.rus-eu-culture.ru/591/596/>

³ Europe for Citizens Programme 2007–2013. Programme guide.

Режим доступа: http://eacea.ec.europa.eu/citizenship/programme/documents/EACEA_2008_0185_EN.pdf

что они интересуются культурными событиями в своей стране и в соседних государствах. 67 % опрошенных соглашаются с наличием единой европейской культуры, отличной от культур остальных континентов, а 76 % поддерживают точку зрения, что европейская культура не едина, а разнообразна, но в этом разнообразии она неразделима, целостна и поэтому отлична от всех прочих. Важность культурного сотрудничества в Европе признают 89 % граждан ЕС. Среди поддерживающих европейскую политику в области культуры граждан большинство составляют молодые люди, живущие в городах и имеющие высшее образование. Среди культурных ценностей единой Европы они назвали: мир, свободу мнения, социальную справедливость, терпимость, открытость, уважение к истории, культурное разнообразие¹.

В то же время главными акторами, конструирующими европейскую идентичность, оставались элита и еврократия. Институциональные рамки задавали учредительные договоры и акты Европейского Союза, а также программные документы, реализующие мероприятия в рамках направлений совместной политики государств-членов ЕС. В связи с этим конструирование европейской идентичности стало рассматриваться преимущественно как элитный проект².

Исследователи, публицисты, гражданские активисты настояли на том, чтобы в повестку публичной политики были поставлены вопросы демократического дефицита в ЕС, засилья еврократии, европейского гражданства и Европейской Конституции³. Интеллектуалы включились в

¹ Eurobarometer Survey on Cultural Values within Europe.
Режим доступа: http://ec.europa.eu/dgs/education_culture/publ/pdf/culture/barometer_en.pdf.

² *Saskia Buggert and Katrin Preller*. European identity as a multilevel construct. Paper. 2008

³ *Fossum J.E.* 2001. Identity Politics in the European Union. — *European Integration*, vol. 23, № 4; *Jacobs D., Mayer R.* European Identity: Construct, Fact and Fiction. — *A United Europe: the Quest for Multifaceted Identity*. Maastricht: Utrecht University, 1998; *Laffan Brigid*. 1996. The Politics of Identity and Political Order in Europe. L.: Blackwell, 1996.

дискуссию о европейской идентичности как многоплановом и многоуровневом феномене, не ограничиваясь исследованиями и дебатами, они стремились соответствовать статусу публичных интеллектуалов.

АНТИАМЕРИКАНСКИЙ ПРОТЕСТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ И АКТУАЛИЗАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

15 февраля 2003 г. во многих европейских странах прошли массовые акции протеста против вторжения в Ирак. Они стали толчком для организации акции интеллектуалов разных стран: публикации в один день, 31 мая 2003 г., в разных изданиях разных стран манифестов, обращений, статей известных интеллектуалов, размышлявших о европейской идентичности в контексте противопоставления Европы Другому, в качестве которого на тот момент выступали США.

Как писал Умберто Эко, Юрген Хабермас обратился к коллегам из разных стран с просьбой выразить их позицию в отношении Европы. На призыв откликнулись французский философ Жак Деррида, баскский философ и писатель Фернандо Саватер, итальянский философ и политик Джанни Ваттимо, швейцарский писатель и литературовед Альфред Мушг¹.

У. Эко определил намерения Хабермаса побудить к действиям правительства как стран-членов ЕС, так и Европы в целом. Он обратил внимание, что различия в подходе стран-членов ЕС ставят под сомнение вопрос о единстве Европы. Особенно важно то обстоятельство, что в эту кампанию включились интеллектуалы с разным бэкграундом: творческим, философским, профессиональным. Как отметил один из российских критиков, «немец Хабермас и француз Деррида — ведущие представители современной континентальной философии... поразили просвещенный мир публикацией совместной статьи под названием “После войны: возрождение Европы”, которая появилась 31 мая

¹ Эко Умберто. Сценарий для Европы // Полный назад! Горячие войны и популизм в СМИ. М.: ЭКСМО, 2007. С. 64.

по-немецки на страницах *Frankfurter Allgemeine Zeitung* и по-французски в газете *Liberation*. Слово “поразили” я употребил не случайно: дело в том, что до последнего времени эти светочи мысли, что называется, на дух друг друга не переносили и порой давали друг другу обидные клички: так, Хабермас как-то обозвал Деррида, к его большому неудовольствию, “иудействующим мистиком”¹.

В том же году Ф. Черутти опубликовал статью «Политическая идентичность европейцев?» Знак вопроса в заголовке был не случайным: автор полагал, что становление политических институтов Европейского Союза не сопровождалось должным образом формированием политик². Кроме того, в этом же году под редакцией Черутти вышел двухтомник «Душа Европы: о культурной и политической идентичности европейцев», целью которого было развернуть публичную дискуссию по проблеме идентичности европейцев. В рецензии на эту книгу Джон Эрик Фоссум отметил особую значимость для европейской идентичности проблематики войны, отношения к войне, учитывая европейский опыт тяжелых и кровопролитных конфликтов и войн.

В этом контексте понятно, что иракская война, в которую под влиянием США оказались втянутыми европейцы, вызвала бурную и неоднозначную реакцию. Любопытно, что в России большая часть этих статей была переведена и опубликована в 6 номере журнала «Отечественные записки», в разделе «США — Европа: Разлад». Между тем, сами по себе события иракской войны, как отмечало большинство авторов, лишь создали контекст, повод для разговора о том, что такое Европа, каковы ее основания, какой является и какой должна быть европейская идентичность.

В манифесте Хабермаса и Деррида заявили: «Только осознание общей политической судьбы и убедительные

¹ Цветков А. Жак-моралист или проводы постмодернизма // Режим доступа: <http://archive.svoboda.org/programs/ad/2003/ad.081203.asp>

² Cherutti F. A Political Identity of Europeans? // Режим доступа: <http://the.sagepub.com//sgi/content/abstract/72/1/26>

перспективы общего будущего могут удержать побежденные большинством голосов меньшинства от обструкции в отношении воли большинства. В принципе граждане одной нации должны рассматривать гражданку другой нации как “одну из нас”. Это пожелание наталкивает на вопрос, муссируемый многочисленными скептиками: существуют ли исторический опыт, традиции и достижения, которые способствуют осознанию европейскими гражданами совместно выстраданной и требующей совместного формирования политической судьбы?»¹ Размышляя о будущем, авторы писали: «Всем нам грезится образ Европы мирной, кооперативной, открытой другим культурам и способной к диалогу. Мы приветствуем такую Европу». Они высказали суждение, что «бушевавшие по всей Европе дискуссии должны были, разумеется, совпасть с общеевропейскими надеждами на стимулирующий процесс самопонимания», однако, на этом пути есть немало проблем, корнящихся в прошлом. Разводя политические традиции на естественные и сконструированные, Хабермас и Деррида предложили, чтобы при конструировании европейской идентичности были учтены социальные, политические и культурные факторы, в том числе корнящиеся в прошлом: «Различие между наследием, перенимаемым нами, и тем, которое мы хотим отвергнуть, требует столько же осторожности, сколько и решительности в интерпретации, с помощью коей мы его усваиваем. Исторический опыт предлагает себя лишь для осознанного усвоения, без которого он не сможет обрести силы, образующей идентичность»².

Как следует из уже приведенного суждения У. Эко, авторы статей не согласовывали между собой тексты, принципы и идеи. Тем более важно сравнить и соотнести их. Во всех статьях в той или иной степени представле-

¹ Хабермас Ю., Деррида Ж. Наше обновление после войны: второе рождение Европы // Отечественные записки. — 2003. — № 6.
Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/nashe-obnovlenie-posle-voyny-vtoroe-rozhdenie-evropy>

² Там же.

на эмоциональная реакция на действия США, носящие, по мнению авторов, антиевропейский характер. Джанни Ваттимо реагирует на высказывание Рамсфельда: «Невозможно абстрагироваться от недавнего опыта, когда англоамериканские войска вторглись в Ирак. Слышать, как министр обороны США Дональд Рамсфельд говорит, будто есть старая Европа, неспособная идти в ногу со временем, и она должна быть “вне игры”, а есть новая Европа, то есть именно те страны, которые готовы участвовать в коалиции усердных приспешников США... Это взбесило нас как носителей “первородства” — как представителей тех государств (ныне причисленных, по этой логике, именно к “старой” Европе), которые стояли у самых истоков объединенной Европы»¹. Умберто Эко глубоко уязвили упреки американских СМИ, что европейцы забыли об освободительной миссии США в Европе в 1944–1945 гг. И он категорически выступил против того, чтобы наклеивать ярлыки и всех оппонентов иракской войны относить к пособникам террористов. Озаглавив свою статью «Любить Америку и устраивать марши мира», Эко уделил значительное внимание позиции США в отношении войн вообще и Второй мировой войны в частности, напоминая читателю, что США выжидали и не спешили ввязываться в войну против фашизма.

Проблематика европейской идентичности плотно вписана Умберто Эко в контекст отношений европейцев и американцев. Он завершает свою статью призывом: «Можно любить американские традиции, американский народ, американскую культуру, относиться с уважением к стране, заслужившей регалии самой мощной на свете державы. Можно сочувствовать ее боли, ее трагедии 2001 года. Но не следует при этом воздерживаться от высказываний в том духе, что правительство этой страны ошибается. С нашей стороны это не предательство, а собственное мнение. Если его нельзя высказывать, зна-

¹ Ваттимо Дж. Европейским дом // Отечественные записки. — 2003. — № 6.

Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/evropeyskiy-dom>

чит, нарушается право людей и наций на собственное мнение. А это прямо противоположно урокам, которые мы получили в 1945 году, после фашистской диктатуры, от освободителей-американцев»¹.

Жан Бодрийяр в статье «Под маской войны» высказывает парадоксальное суждение, что «война эта только формально напоминает сплоченное выступление союзников для борьбы с общим врагом, она лишь притворяется событием, которое невозможно забыть»². Он оценивает эффекты войны в свойственной ему манере: «Речь идет не о том, чтобы предупредить преступление, установить царство Добра, вернуть мир на стезю разума. Речь идет даже не о ценах на нефть и не о геостратегических соображениях. Конечная цель состоит в том, чтобы установить на земле абсолютно безопасный порядок, а для этого раз и навсегда обезоружить все народы и окончательно отменить любые события»³.

Ваттимо ищет в противопоставлении американцам истоки европейской идентичности: «Мы, как сказал бы наш философ Бенедетто Кроче, “не вправе не признавать” себя европейцами, в частности и прежде всего поскольку в нас есть чуждость духу, который преобладает сегодня в американском обществе. И мы себе желаем, чтобы эта чуждость сделалась вдохновляющим принципом политики, способной придать Европе достоинство и вес, на который она заслуживает право в мировом масштабе»⁴.

Адольф Мушг назвал свою статью «Ядро Европы» и дал ей подзаголовок «Размышления об европейской идентичности». Он рассуждает о внутренних расколах в ЕС, спровоцированных иракской войной: «”Приданое”

¹ Эко У. Любить Америку и устраивать марши мира // Эко У. Полный назад! Горячие войны и популизм в СМИ. М., 2007. С. 63.

² Бодрийяр Ж. Под маской войны // Отечественные записки. — 2003. — № 6.
Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/pod-maskoy-voyny>

³ Там же.

⁴ Ваттимо Дж. Европейским дом // Отечественные записки. — 2003. — № 6.

в виде с трудом завоеванных и в итоге просто-напросто оккупированных национальных идентичностей, которое “новая Европа” приносит “старой”, плохо вяжется с историческими завоеваниями последней и активизирует консервативно-националистические зерна раскола, в том числе и в старой Европе¹.

Он предлагает свое видение и метафоры единой Европы: «Европа в своей организации должна быть такой же находчивой, как и сама жизнь... Все европейские органы — голова и конечности, “Брюссель” и старые национальные государства — превращаются в органы обработки разумной информации о самих себе. Такой Европе не нужно беспокоиться о своей идентичности уже потому, что эта идентичность мыслима только как продукт политической экологии, обращенной внутрь, и может отказываться от — всегда скверной — пропаганды идентичности. Европа вправе быть довольной фактическими свидетельствами своей мирной жизни — это тоже историческая новость первого порядка»².

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ-КОНСЕРВАТОРЫ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ

Оценивая мнения европейских коллег, американский консервативный философ Роберт Каган замечает: «Европейцы лучше отдают себе отчет в нарастании противоречий, возможно, потому, что больше их опасаются. Европейские интеллектуалы почти единодушно убеждены, что отныне они с американцами уже не принадлежат к одной и той же “стратегической культуре”»³. Каган рисует коллективный портрет европейцев: «Европейцы уверены, что их подход более тонок и искусен. Они стараются воздействовать на других с помощью ловких обходных маневров. Они спокойнее воспринимают неуда-

¹ Мушг А. Ядро Европы // Отечественные записки. — 2003. — № 6.

² Там же.

³ Каган Р. Сила и слабость // Отечественные записки. — 2003. — № 6.
Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/sila-i-slabost>

чи, проявляя терпение в тех случаях, когда решение сразу не находится. Они в принципе привыкли реагировать на возникающие проблемы мирно, выбирая путь дипломатии и сотрудничества, а не принуждения»¹. Но он объясняет различия между европейцами и американцами тем, что США стали сильной державой, а Европа слаба. Это нашло отражение и в названии статьи «Сила и слабость». «Когда великие европейские державы пребывали в расцвете своей мощи, они твердо верили в силу и военный успех. Теперь они смотрят на мир глазами слабого», — язвительно замечает Каган.

В ответ на бытующее среди европейцев сравнение США с шерифом, Каган предлагает сравнить Европу с хозяином салуна. Поскольку вооруженный бандит будет стрелять скорее в шерифа, чем в него, то хозяин салуна терпимей относится к исходящей от бандита угрозе. Характеризуя становление ЕС и его принципы, Каган иронизирует: «Распространение европейского чуда по всему миру стало теперь новой *mission civilisatrice* Европы. Подобно американцам, твердо убежденным, что они нашли рецепт человеческого счастья и готовы им поделиться с остальными, европейцы тоже обнаружили свое призвание: оно открылось им с обретением вечного мира». Его резюме по поводу главной причины расхождений между Европой и Соединенными Штатами таково: «Американская мощь и готовность эту мощь употребить — если понадобится, то в одностороннем порядке, — представляют серьезную, быть может, самую серьезную угрозу для той миссии, которую Европа отныне считает своей».

Позиция Кагана соответствует утверждению американской идентичности, но на базе противопоставления европейцам. Впрочем, в заключительной части статьи он смягчает акценты: «Оценивая свои расхождения с европейцами, американцы не должны упускать из виду главного: новая Европа — поистине благодатное чудо, которым должны радостно восторгаться по обе стороны

¹ Там же

Атлантики. Для европейцев это воплощение давней и несбыточной мечты об избавлении их континента от государственной вражды и кровавых междоусобиц, от военного соперничества и гонки вооружений».

Когда Ваттимо говорил о чуждости европейцев «духу, который преобладает сегодня в американском обществе», он имел в виду тот дух, который распространялся окружением американского президента.

Ко времени иракского кризиса в США сложилась относительно сплоченная команда, включившая таких лиц, как президент США Дж. Буш-младший, вице-президент Д. Чейни, министр обороны Д. Рамсфельд, его заместитель Пол Вулфовиц и группа интеллектуалов, получивших название неоконсервативных. П.Ю. Рахшмир указывает, что определение «неоконсерваторы» этой группе дал их жесткий критик, социалист по политическим взглядам Майкл Харрингтон, желая выразить свое презрение к ренегатам, бывшим левым, перебежавшим в противоположный стан¹.

Однако этот переход интеллектуалов на сторону политиков-консерваторов произошел постепенно. Уже администрация Рейгана активно привлекала таких интеллектуалов, как Уильям Кристол, Джин Киркпатрик, Ричард Перл, Майкл Горовитц, Пол Вулфовиц, несмотря на то, что Рейган не идентифицировал себя (и никто не идентифицировал его) с интеллектуалами, в отличие от нынешнего хозяина Белого Дома Барака Обамы. Во время предвыборной кампании 1980 г. был сформирован список из 500 фамилий профессоров, ученых, аналитиков и писателей, которые поддерживали Рейгана, после выборов их имена были занесены в компьютеризованную систему Фонда наследия, одного из самых влиятельных консервативных мозговых трестов, а многие из них получили предложения приступить к административной работе.

Очевидно, именно это имел в виду Эдвард Саид, когда со всей страстью негодовал по поводу превращения

¹ Рахшмир П.Ю. Американские консерваторы и имперская идея. Пермь, 2007. С. 12.

интеллектуала в простого профессионала, обслуживающего власть, подобно «функционеру или служащему, полностью подчиненному целям политики правительства или крупной корпорации»¹.

Теви Трой, автор книги, посвященной ролям интеллектуалов при власти «Американское президентство: философы, шуты, специалисты», отмечает, что Рейган извлек практическую пользу из роста консервативной интеллигенции (именно так в оригинале — *conservative intelligentsia*), той, которую журналист Теодор Уайт называл «отрядами интеллектуальных всадников, отсутствовавших в республиканской политике со времен Теодора Рузвельта»². Преемник Рейгана Джордж Буш-старший интеллектуалов не жаловал. «Наши люди не нуждаются в повестке. У них есть ипотека», — говорил он. Клинтон привечал левых интеллектуалов, стимулируя интеллектуальное и политическое противоборство. По мнению Троя, оно распространялось даже на далеких от политики интеллектуалов типа профессоров литературы или литературных критиков.

Союз политиков и консервативных интеллектуалов сформировался в значительной степени вследствие событий 11 сентября 2001 г. «Приступ патриотизма охватил всю Америку», — писал С. Хантингтон³. Новые задачи были поставлены перед интеллектуалами. В 1999 году Р. Рорти писал: «Во времена Дьюи американская интеллигенция всё ещё верила в то, что Америка является собой блистательный исторический пример, своего рода образец-эталон подражания для других народов (в смысле удачности социального эксперимента, полезности опыта), и потому проблемы адекватного самоотожествления перед интеллигенцией тогда не стояло»⁴. По-

¹ *Said E.* Op. cit. P. 86.

² *Troy T.* Bush, Obama and the Intellectuals // www.nationalaffairs.com/publications/detail/bush-obama-and-the-intellectuals.

³ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., Транзиткнига, 2004. С. 21.

⁴ Рорти Р. Указ. соч.

сле событий 2001 года ситуация изменилась. Публицист Тодд Гитлин во многих своих очерках поднимает проблему американских интеллектуалов, в особенности левых, после 11 сентября. Он указывает, что их антипатриотическая позиция вызвала рост антиинтеллектуальных настроений. По мнению журналиста, интеллектуалы должны ставить вопросы, прежде всего, перед властью, однако, не стоять при этом в стороне от насущных политических проблем, включая рост патриотизма¹. Гитлин озаглавил книгу своих очерков «Интеллектуалы и Флаг», имея в виду значимость политических символов после 11 сентября. Хантингтон в поиске ответа на вопрос «Кто мы?» также начинает с истории о флаге: на Чарльз-стрит, главной артерии бостонского района Бикон-хилл, «11 сентября 2001 года флаг над винным магазином развевался в гордом одиночестве. Две недели спустя в этом квартале было вывешено семнадцать флагов... Когда страна подверглась нападению, обитатели Чарльз-стрит внезапно вспомнили о своей национальной принадлежности и отождествили себя со своей страной»². С. Хантингтон определил задачи интеллектуалов в новом контексте — формирование и утверждение позитивной национальной идентичности американцев³.

Майкл Ледин, видный публицист-консерватор, сотрудник Американского института предпринимательства, писал в статье «Конец истории левых»: «Нет более драматического доказательства смерти левых, чем тот факт, что их главная мечта — глобальная демократическая революция — перешла в руки тех, кто называет себя консерваторами»⁴. Опубликованную 1 марта 2005 г. статью в *National Review* Ледин озаглавил «Свобода — наше главное оружие против тирании». Это «главное оружие» распространяется сейчас «повсюду на крыльях демократической революции». Он призывал действовать и за-

¹ *Gitlin T. The Intellectuals and the Flag. N.Y., 2006. P. 152.*

² *Хантингтон С. Указ. соч. С. 21.*

³ Там же.

⁴ <http://www.novopol.ru/print//1768.html>

вершал статью призывом: «Быстрее, пожалуйста! Самозванные эксперты совершают ошибку уже в нескольких поколениях. Сейчас — революционный момент. Так идите в нужном направлении»¹. Несколькими днями позже формула «глобальная демократическая революция» прозвучала в выступлении американского президента.

Патриотизм, национальный интерес, умение отделять друзей от врагов, защита демократии, прогрессивный интервенционализм, моральный язык добра и зла создали сплав неоконсервативной идеологии и менталитета. Интеллектуалы не просто вошли во власть, они срослись с ней, определяя ценности и приоритеты, лексику и риторику, стиль и язык. В новой ситуации отчетливо проявилось противопоставление не только западному миру, но и давнему сопернику — Европе. Антиевропейские высказывания заполнили страницы американских СМИ, Европу обвиняли в утрате жизненной силы, Патрик Бьюкенен назвал ее «живым трупом», ставился вопрос, заинтересованы ли США в объединенной Европе. Полемика ужесточилась после введения войск в Ирак и резкой антиамериканской реакции в Европе, прежде всего со стороны европейских интеллектуалов. Тем более что сами европейцы испытывали все большие затруднения с европейской идентичностью.

ДЕБАТЫ О ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В поиске оснований национальной идентичности интеллектуалы обращаются к поиску исторических событий, символов, мест памяти, объединяющих нацию и укрепляющих национальную идентичность. Одним из самых известных является проект под руководством Пьера Нора «Места памяти», ориентированный на конструирование новой французской идентичности. «Мы переходим от одной модели нации к другой», подчеркивал Нора в статье «Как писать историю Франции?» и характеризовал свой проект как «ответ императивным требованиям

¹ Там же.

момента, единственный, который соответствует сегодня состоянию науки и сознания»¹. По примеру Нора и в других европейских странах были проведены исследования о возникновении и переустройстве национальных идентичностей через образы памяти о прошлом.

В то же время другие исследователи упрекают интеллектуалов в том, что они бесконечно обращаются к истории, в результате Европа становится местом памяти и печали, а травма прошлого вытесняет триумфальное рождение демоса как созидającego мифа европейской демократии. Сами же интеллектуалы не могут определиться ни в том, чтобы выступать против политического порядка ЕС как супернационального образования, ни в том, чтобы поддержать возврат к национальному государству². Кроме того, неоднородна в качестве источника легитимации как история, так и современность: например, 8 мая 1945 года остается символом разного значения для разных стран. Если обращаться к современности, то гетерогенность интеллектуалов также очевидна: Юрген Хабермас, выражая обеспокоенность судьбой Европы, отмечает как одну из жгучих проблем Европы раскол Запада, сложившийся в годы Иракской войны³. Так или иначе, налицо приоритет проблемы соотношения национальной и европейской идентичности в публичной дискуссии и научных исследованиях в странах-членах ЕС. В качестве результата дебатов можно назвать суждение, что невозможна европейская идентичность, если на базовом уровне она не сопряжена с идентичностью национальной⁴. Б. Лаффан подчеркивает, что европейская идентичность возможна только на основе множествен-

¹ Нора П. Как писать историю Франции? // Франция — память. СПб., 1999. С. 92—93.

² Giesen B. *Triumph and Trauma*. Boulder: Paradigm Publishers, 2004.

³ Хабермас Ю. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас». — 2006. — № 3(47).
Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2-pr.html>

⁴ Dirk Jacobs, Robert Mayer. *European Identity: Construct, Fact and Fiction* // *A United Europe: the Quest for Multifaceted Identity*. Maastricht (Utrecht University).

ных идентичностей, причем она не является приоритетной в иерархии идентичностей¹.

Данные Евробарометра регулярно подтверждают настроенность общественного мнения против такой Европы, в которой есть угроза национальной идентичности и культурному разнообразию. Стала популярной трактовка известного лозунга «Единство в разнообразии» как лозунга, опирающегося на понимание Европы как семьи наций, основанной на культурных традициях и общих ценностях.

Его относят к коммунитаристской традиции, в то время как хабермасовский конституционный патриотизм, который предлагает модель продвижения Европы от этноса к демосу, тяготеет к тому, чтобы вынести культурные и религиозные основания идентичности в сферу приватной жизни. Противники такого подхода возражают, что солидарность и эмоциональные связи возникают в обществе, основанном на культурной общности, а не на абстрактных принципах.

Сточки зрения конструктивистского подхода ощущение единства может возникнуть в результате совместной политической, гражданской и культурной активности. Профессор Монтсеррат Гильберно считает, что европейская идентичность, в отличие от национальной, может быть создана на не-эмоциональной основе. Восприятие Европы интеллектуалами включает осознание сложной идентичности Европы, которая может быть понята только с учетом неопределенностей и противоречий. Так или иначе складывалось впечатление, что национальная и европейская идентичности перестали рассматриваться как игра с нулевой суммой. Однако участники референдумов по Европейской конституции в Нидерландах и Франции в 2005 г. отвергли проект Конституции. Одним из мотивов отрицательного голосования было возраставшее обеспокоенности граждан за судьбу национальной идентичности. Другим — рост еврократии. «Несмотря

¹ *Laffan, Brigid.* The Politics of Identity and Political Order in Europe. *Journal of Common Market Studies.* V. 34. № 1. 1996.

на то, что продолжающийся кризис Европейского Союза подается как экономический и финансовый, его корни именно в идеологически-политическом измерении: провал референдумов по конституции ЕС несколько лет назад дал ясный сигнал, что избиратели воспринимают ЕС как «технократический» экономический союз, у которого нет ни малейшего потенциала мобилизовать народ», — считает С. Жижек¹.

В 2006 году Хабермас рассуждал о будущем Европы и роли Интеллектуала. Он выделил три основные проблемы. Первая проблема — изменение всемирно-экономических условий, неспособность национального государства «в необходимом объеме удовлетворить привычные социально-политические притязания граждан и вообще спрос на коллективные блага и социальные услуги». В связи с этим он предостерегал: «Если не будет унификации налогообложения, если не будет гармонизации экономической и социальной политики в среднесрочной перспективе, то судьбу европейской модели общества будем решать не мы, а другие». Вторая проблема — «возврат к безоглядной гегемонистской политике силы, столкновение Запада с исламским миром». Третья проблема — «обнаружившийся во время войны в Ираке раскол Запада. Его причина — культурный конфликт, который расколол и саму американскую нацию на два почти равновеликих лагеря»².

Есть резон обратиться к участию политических партий в Европарламенте в конструировании европейской идентичности. Ж. Казазюс говорит о том, что гражданская Европа проявляется раз в пять лет — во время выборов в Европарламент³. Выборы организованы по системе

¹ *Славой Жижек. Казус Брейвика, или чего хочет Европа?* <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Kazus-Brejvika-ili-chego-hochet-Evropa>

² *Юрген Хабермас. Первым почуть важное. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас. — 2006. — № 3 (47).*
Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2-pr.html>

³ *Казазюс Ж. Европейская идентичность // Европейская интеграция: современное состояние и перспективы. Минск, 2001. С. 311.*

партийных списков. Избиратели голосуют не за конкретных политиков, а за партии, которые получают число мандатов, пропорциональное доле набранных голосов¹. Как известно, большинство партий стран-членов Европейского Союза являются членами панъевропейских политических объединений. Депутаты от национальных партий, проходя в Европарламент, автоматически присоединяются к соответствующей фракции². Их индивидуальные позиции в значительной мере обусловлены отношением фракций.

Из семи представленных в Европейском парламенте последнего созыва (после выборов 2009 года) политикопартийных групп лишь три включили в свои электоральные стратегии проблематику европейской идентичности. Две из них (Европейские консерваторы и Европа свободы и демократии) выступают против развития наднациональной идентичности европейских граждан³. Они считают, что европейская идентичность разрушает основы идентичности национальной, и последней грозит опасность быть погребенной под общеевропейскими идеями, символами и принципами⁴.

В противоположность им Европейская народная партия видит своей главной целью развитие европейской интеграции, базой для которой, по словам партийных лидеров, является прочная и развитая европейская идентичность. Соответственно европейская идентичность рассматривается ими как основа существования самого Евросоюза и как неотъемлемая составляющая сознания европейцев⁵. Социалисты подчеркивают важ-

¹ Выборы в Европарламент — проблемы избирательной практики Евросоюза.

Режим доступа: http://www.cikrf.ru/international/evroparl_160609.jsp.

² Political groups.

Режим доступа: <http://www.europarl.europa.eu/parliament/public/staticDisplay.do?id=45&pageRank=4&language=en>.

³ Europe of Freedom and Democracy: Group Political Platform.

Режим доступа: <http://www.efdggroup.eu/>.

⁴ European Election Manifesto. Режим доступа: <http://www.ecrgroup.eu/>

⁵ Our vision of Europe in 2020. Режим доступа: <http://www.epp.eu/>

ность сохранения и уважения идентичности каждой из стран Евросоюза, они настаивают на обеспечении свободы для самовыражения культур всех стран ЕС; в то же время дорожат общеевропейским культурным наследием и говорят о том, что в разнообразии европейских культур — сила Европейского Союза. И все же акцент эта фракция делает на социально-экономической составляющей, подчиняя ей все остальное¹. Альянс либералов и демократов сосредоточен на политической компоненте: для них быть европейцем — значит быть либералом².

Ю. Хабермас настаивает на том, что становление европейской идентичности должно происходить параллельно с процессами формирования европейской общественности. В трактовке Хабермаса, европейская общественность представляет собой коммуникации гражданских обществ стран-членов ЕС по политически и социально значимым темам. Однако демаркации обнаружились в самом Европейском Союзе между «старыми» и «новыми» демократиями сначала по поводу иракской войны, а затем по поводу Европейской Конституции. Если старые демократии выступили против политики США в Ираке, то новые ее безоговорочно поддержали.

«Тот факт, что Рамсфелд (Rumsfeld) в одночасье смог расколоть Европу на “старую” и “новую”, помог нам всем осознать, сколь сильно мы воспринимаем политическую современность через призму ограниченной и порой искаженной перспективы нашего собственного опыта и национально-исторических потрясений, — с горечью отмечал Хабермас, характеризуя состояние Европы как жалкое. — В Европе речь идет не о том или ином роде патриотизма, а об элементарном доверии, что нас или кого-то другого в случае конфликта не обманут. Этого принципиального доверия не будет до тех пор, пока мы не почувствуем себя членами одной и той же общности. Для одних НАТО заслуживает больше доверия, чем ЕС,

¹ The new social Europe. Режим доступа: <http://www.pes.org>

² European Liberals and Democrats: Past and Present.

Режим доступа: <http://www.alde.eu/en>

для других — лучше доверять европейскому государству всеобщего благоденствия, чем гегемонистскому либерализму, который в случае необходимости добивается свободных рынков и свободных выборов с помощью военной силы»¹.

И это деление особенно уязвляло еврооптимистов тем, что для всех стран новой демократии самой значимой темой первых посткоммунистических лет было «возвращение в Европу». Между тем «возвращение» имело в качестве одного из своих результатов формирование дифференциации на «коренных» (базовых, основных, создающих ядро) европейцев, периферийных европейцев, потенциальных европейцев и неевропейцев (Клаус Эдер)².

«СКРЫТАЯ» ЕВРОПА И ЕЕ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Применительно к восточноевропейским странам можно использовать понятие, предложенное автором книги «Скрытая Европа. Чему нас могут научить восточные европейцы» Фрэнсисом Тэпоном³. Автор объясняет свой выбор понятия двумя факторами. Первый: не только американцы, но и многие европейцы не так уж много знают о странах, соотносимых с Восточной Европой (или, по крайней мере, не являющихся Европой Западной); жители этих стран категорически отказываются считать себя восточными европейцами. Они предпочитают называться жителями Северной Европы, Центральной или Западной, но никак не Восточной. С понятием Восточной Европы связано слишком много негативных коннотаций. Вместо того чтобы вдаваться в долгие объяснения, Фрэнсис Тэпон

¹ Юрген Хабермас. Европа сегодня находится в жалком состоянии. (Die Welt, Германия).

Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20050504/219376.html>

² Eder K. 2005. *Collective Memory and European Identity: The Effects of Integration and Enlargement*. Burlington: Ashgate Publishing Company. 2005.

³ Tapon F. *Hidden Europe. What Eastern Europeans Can teach Us?* Wonderland, 2011.

приводит пример, как его знакомая эстонка объясняла американцам, откуда она: «Эстония рядом с Финляндией». — «А это где?» — «Рядом со Швецией». — «Ага, значит, ты — шведка!» Автор дополняет этот диалог одной лишь фразой: «Теперь понятно, почему никто из представителей балтийских народов не скажет, что их страна расположена рядом с Россией».

Логика Тэпона внешне проста: все, что восточнее Западной Европы, можно назвать Европой восточной. Он напоминает, что 40 % территории европейского континента приходится на Россию. Но есть и внутренняя логика: при всем разнообразии стран, лежащих восточнее Западной Европы, у них есть немало того, что делает их схожими и что отличает их от Запада.

Общее в восточных европейцах то, что все они жаждут идентичности¹. Большую роль в конструировании идентичности играет интерпретация истории, апелляция к великому прошлому. Школы и школьные учителя претендуют на авторитет и обладание истиной. «Если Вам в Венгрии уже 252 раза говорили о Трианоне, это не значит, что не найдется желающего спросить в 253-й раз: “Знаете ли Вы, что по Трианону Венгрия потеряла больше, чем какая-либо другая страна в мировой истории?”», — объясняет Тэпон. Данные Евробарометра подтверждают: для венгров более, чем для других европейцев, в европейской идентичности значима общность истории (33 %)². В то же время именно европейские страны — Франция и Великобритания и их лидеры — Клемансо и Ллойд-Джордж — несут ответственность за систему договоров после Первой мировой войны, включая Трианон. Войны 1990-х годов на Балканах создали свои мифы, травмы и болевые точки, то, что, по меткому выражению одного из балканистов, делает Балканы «Балканами». Именно в этом регионе политики нередко пытаются избежать

¹ Тэпон F. Op. cit. P. 711.

² Попова О.В. Европейская vs общегражданская идентичность: противостояние существует? (научная статья) // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2012. Вып. 1.

«балканской» идентификации, так, хорватский политик Тадман выступил с лозунгом «Тадман. Не Балканы!»

Интерпретация истории является результатом деятельности, прежде всего, интеллектуалов, которые воспроизводят мифы, стремясь продемонстрировать свое особое место в Европе и обосновать свои претензии. «Объективный балканец — это оксюморон!», — заявляет Тэпон, отмечая виктимизм балканских народов, доказывающих, что именно их народ более всего обижен историей и недругами. Правда, тут же добавляет, что виктимизм все же лучше, чем викторизм, убежденность в своем постоянном превосходстве, которым нередко страдают американцы. Характеризуя современную ситуацию в Восточной Европе, Юрген Хабермас отмечает: «Ожесточенный спор по вопросу насильственного переселения показывает, что в Европе снова идет состязание, кто же пострадал больше, и у европейцев есть проблема, заключающаяся в том, чтобы найти общий подход к истории»¹.

Посткоммунистические страны демонстрируют значительную неудовлетворенность социально-экономическими и политическими реформами. Самыми недовольными, по мнению американских экспертов, являются болгары. По данным исследовательского центра Пью (США), 76 % болгар недовольны имеющейся демократической системой, 63 % не верят в волшебную силу рынка сделать жизнь людей лучше и только 11 % считают, что простые люди в их стране выиграли от посткоммунистических реформ². И это при том, что коммунистический режим в Болгарии был одним из самых стабильных в Восточной Европе, а переход от этой системы к демократии произошел без особых потрясений³. В

¹ Юрген Хабермас. Европа сегодня находится в жалком состоянии. (Die Welt, Германия) <http://inosmi.ru/world/20050504/219376.html>

² Pew Global Attitudes Project. End of Communism Cheered But Now With More Reservations. Two Decades After the Wall's Fall. November 2, 2009. <http://pewresearch.org/pubs/1396/european-opinion-two-decades-after-berlin-wall-fall-communism>

³ Dimitrov Vasselin. Bulgaria. The Uneven Transition. Routledge, London, 2001

современном мире Болгария занимает 52 место по индексу демократии в годовом рейтинге авторитетного института The Economist Intelligen Unit. С этим показателем Болгария входит в категорию с проблемной демократией. Многие восточноевропейские страны попадают в категорию проблемной демократии по таким критериям, как честное и свободное проведение выборов, безопасность граждан, свобода слова, политическая культура и др¹. По данным Пью центра, Болгария, Чешская республика и Словакия обладают наименьшим энтузиазмом по отношению к свободному рынку. Распространены суждения, что от перемен выиграл политический и бизнес-класс, а не простые люди². Граждане недоверчиво относятся к политическим партиям и, вообще, мало доверяют кому-то, кроме близких друзей и родственников.

Существует тесная связь между адаптированностью людей к новым условиям и отношением к рынку как механизму: особенно четко это видно на примере Болгарии: среди тех, кто считает свою жизнь улучшившейся, 60 % поддерживают рынок, 35 % — нет. Среди тех, чья жизнь ухудшилась, только 32 % поддерживают реформы, в то время как 55 % — нет³. Данные исследования к 20-летию падения Берлинской стены выглядят шокирующими, они горячо обсуждались на последнем форуме в Давосе. На форуме видный венгерский экономист Ласло Ленжил сравнил разочарование, которое постигло восточноевропейцев сейчас, с теми чувствами, которые они испытывали по отношению к социализму в 1970—1980-е годы⁴.

¹ <http://www.blackseanews.net/read/30185>

² Pew Global Attitudes Project. End of Communism Cheered But Now With More Reservations. Two Decades After the Wall's Fall. November 2, 2009. <http://pewresearch.org/pubs/1396/european-opinion-two-decades-after-berlin-wall-fall-communism>

³ Pew Global Attitudes Project. Eastern Europe: A Crisis of Confidence in Capitalism?

⁴ <http://pewresearch.org/pubs/1142/eastern-europe-crisis-capitalism-poll>
The Challenge at Davos: A Crisis of Global Politics, Not Just the Economy By Ishaan Tharoor | ishaantharoor | January 24, 2012 | <http://globalspin.blogs.time.com/2012/01/24/the-challenge-at-davos-a-crisis-of-global-politics-not-just-the-economy/>

Проведя кросс-культурный анализ стран Восточной Европы на протяжении нескольких лет, Тэпон решается обозначить общее негативное в восточных европейцах по сравнению с Западом. Это неверие людей, что они могут быть оценены по заслугам. Коррупция. Восточные европейцы меньше склонны доверять чужакам, тратить время и деньги на волонтерство, быть терпимыми к меньшинствам и к мигрантам, они менее оптимистичны, счастливы и мотивированы на успех, больше склонны верить в теории заговора. Большинство опрошенных не исключают вероятности все более часто вспыхивающих конфликтов между представителями разных социальных и этнических групп¹. Кстати, меньшую толерантность, чем в Турции, проявили граждане Сербии и Хорватии (Белград, Сплит) по отношению к гей-парадам, которые в 2011 г. проходили параллельно. В Стамбуле они прошли мирно, в то время как в Сербии и Хорватии полиция не смогла защитить участников шествия, которые подверглись жестокому нападению со стороны тысячи воинствующих христианских фундаменталистов.

Упадок новой эры инклюзивной субнациональной демократии², неудовлетворенность граждан демократией в своей стране сочетались у восточноевропейцев с надеждами на европейскую демократию, обеспечивая колебание общественных настроений между пессимизмом и оптимизмом³. «Возвращение в Европу» было воодушевляющим и вполне успешным лозунгом посткоммунистического переходного периода, который объединил людей в их надежде на свободу и который представлял капитализм в качестве мечты, а не кошмара, — замечает Алина Мунгиу-Пеппиди. — Сторонники Европы утверждают, что если мы сможем доказать существова-

¹ <http://www.blackseanews.net/read/30187>

² The Oxford Handbook of Local and Regional Democracy in Europe/ Ed. by John Lowghlin, Frank Hendriks, Anders Lindstrom. Oxford University Press, 2011

³ Plamen K. Georgiev. The Bulgarian Political Culture. V&R unipress in Gottingham. 2007. P. 133—134.

ние общеевропейской идентичности, то солидарность с остальными появится самым естественным образом, как и поддержка европейской политики и более жесткой интеграции»¹. По данным Евробарометра, за год — с апреля 2009-го по апрель 2010-го — уменьшилась доля считающих себя европейцами в Эстонии на 19 % (с 73 до 54 %), в Словении — на 16 % (с 74 до 58 %). Демократические ценности как основание европейской идентичности оказались важны только для 34 % литовцев и 31 % чехов². Кризис уменьшил уровень оптимизма и надежды на спасительность вхождения в Европу.

«Европа поступила не слишком-то вежливо, попав в кризис вскоре после того, как мы с ней воссоединились, — с определенной горечью пожаловался мне один мой друг — дипломат из Восточной Европы, — пишет румынский журналист, рассматривая возможность Евросоюза «расколоться на успешных тружеников, неуверенных слабаков и отстающих увальней... В 1996 году лорд Ральф Дарендорф написал следующие пророческие слова: “Невидимая рука рынка сделает уязвимыми даже самые утонченные планы”. Именно так и случилось»³.

КРИЗИС КАК «КУРС К НУЛЕВОЙ ОТМЕТКЕ КАПИТАЛИЗМА»

Кризис уже в 2009 году оценивался как завершение эры американского глобального лидерства (Джон Грей), крах мировой капиталистической системы (Имманиул Уоллерстайн), конец неолиберализма (Фрэнсис Фукуяма), начало новым временам и возрождение левой общественно-политической альтернативы капитализму (Юрген Хабермас), упадок Американской империи (Дэвид Харви). Дмитрий Тимофеев резюмировал состояние

¹ Кризис и три Европы. (Romania Libera, Румыния).

Режим доступа: <http://inosmi.ru/europe/20111115/177708336.html>

² Попова О.В. Европейская vs общегражданская идентичность: противостояние существует? (научная статья) // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2012. Вып. 1.

³ Кризис и три Европы. (Romania Libera, Румыния) <http://inosmi.ru/europe/20111115/177708336.html>

растерянности западных интеллектуалов перед глубиной и масштабностью кризиса¹. Наряду с надеждами на возможность решить проблемы в социал-демократическом или кейнсианском духе, он обнаружил активизацию интеллектуалов, видящих альтернативу в коммунизме (при условии его переосмысления), таких, как С. Жижек, А. Бадью, Ж. Рансьер, М. Хардт, А. Негри, Д. Ваттимо.

Характеризуя широкий разброс мнений западных интеллектуалов о причинах и последствиях нынешнего мирового кризиса, исследователь делает вывод: «Нынешний кризис будет иметь своим следствием не только крах господствующих неолиберальных идеологических моделей, но и неизбежно повлечёт за собой пересмотр целого ряда представлений — о незаменимости рынка как механизма координации действий и распределения ресурсов, о спасительной роли частной инициативы для общества, о пользе минимального государства, о безальтернативности западной модели модернизации и рационального капитализма, о неизбежности однополярного мира под властью единственной сверхдержавы и т.д., — которые в прошедшие десятилетия приобрели в западной интеллектуальной среде статус почти что непререкаемых догм». Завершается этот анализ словами: «Интеллектуальный климат эпохи меняется с калейдоскопической быстротой, открывая новые возможности и перспективы, так что вслед за классиком современной российской поэзии можно сказать: “Пусть сильнее грянет кризис!”; ведь именно в моменты глубокого кризиса интеллектуалы получают уникальный шанс «первым почуять важное»².

В кризисных ситуациях, когда традиционные авторитеты утрачивают свои позиции и теряют доверие, интеллектуалы становятся теми, к кому растерянное общество обращается с вопросами «Где мы?», «Кто мы?» и «Что делать?».

¹ Тимофеев Д. О тех, кто «первым почуял важное». Мировой кризис глазами западных интеллектуалов.

Режим доступа: <http://www.iarex.ru/articles19021.html>

² Там же.

Словенский философ Славой Жижек снискал репутацию убедительного критика капитализма задолго до кризиса. Его последняя книга называется «Живя в эпоху конца света»¹. Жижек поясняет, что имеет в виду не Апокалипсис, а кризис мирового капитализма: «мы держим курс к нулевой отметке капитализма. Величайшая утопия нашего времени — вера в то, что мы сможем бесконечно долго сохранять эту систему парочкой косметических изменений»². На его взгляд, применительно к Европе «сегодняшний кризис — это кризис технократической брюссельской модели Европы. Спасти Европу могут только новые левые». Если книга написана чрезвычайно сложным языком (читатели сетуют, что она нечитабельна, что ее невозможно прочесть до конца), то в ответах на вопросы журналистов он четок и лаконичен: «Коммунизм для меня не ответ, а проблема, все еще неразрешимая проблема, как нам найти форму организации для общественного блага, для commons. Что касается решения этой проблемы, тут я настроен весьма скромно, даже пессимистически»³.

В обращенных к широкой публике текстах газетных выступлений Жижек ярок, прост и убедителен: «Европейские лидеры приняли стратегию защиты, при которой игнорируется тот факт, что огромный дефицит государственного бюджета большей частью обязан своим наличием десяткам миллиардов, потраченным на спасение банков; что предоставленный Афинам кредит пойдет, в первую очередь, на погашение долга французским и немецким банкам; что помощь, которую Европа оказала Греции, служит исключительно поддержке частного банковского сектора. С другой стороны, аргументация недовольных в очередной раз выдает нищету современного левого движения — полное отсутствие

¹ *Zizek S. Living in the End Times. L., Verso, 2011.*

² *Жижек С. В кризис выигрывает авторитарный капитализм.*
Режим доступа: <http://rus.ruvr.ru/2011/08/29/55311658.html>

³ Там же.

внятной программы и принципиальный отказ признать утрату социальных завоеваний»¹.

Давнишний критик капитализма и провозвестник его конца Иммануил Валлерстайн на этот раз убежден: «Заканчивается эпоха капитализма как уникальной мир-системы. Лет через сорок-пятьдесят он станет частью нашей пройденной истории. Вы спросите, что именно я имею в виду под капитализмом? Капитализм — это система, в которой предпочтение отдаётся бесконечному накоплению капитала. Это определённая историческая система, сложившаяся в XVI веке, на данный момент она доминирует. Некоторое время данная система была, по-своему, весьма успешной, но в ней есть встроенные ограничения или противоречия, которые, в конечном счете, и предопределили ее крах». Однако выводы его созвучны сомнениям Жижека: «Мы наблюдаем закат капитализма, но мы еще не знаем, что придет ему на смену»².

Корреспондент французской газеты *Agora Vox* Калёб Ирри утверждает: «Кризис, через который сегодня проходит весь мир, отныне неправильно называть лишь “финансовым кризисом”: все зашло гораздо дальше. Речь идет о системном кризисе, то есть кризисе, который подрывает устои всей системы, а именно капитализма. Дело в том, что капитализм — это не перманентная или универсальная система, а идеология. Это вера в то, что сумма интересов отдельных лиц отвечает всеобщим интересам. Сегодня перед всеми встает очень важный вопрос, ответить на который в одиночку новая “Европейская империя” будет не в состоянии. Звучит он следующим образом: стоит ли и дальше терпеть капитализм или же лучше от него отказаться?»³ Из этого вопроса логично вытекает и другой: что дальше? «Ответы на этот вопрос касаются

¹ *Славой Жижек*. Чтобы спастись из ловушки.
<http://m-introduction.livejournal.com/20960.html>

² <http://www.rodion.org/society-101021105659>

³ *Ирри К.* Мир переживает не экономический, а идеологический кризис.
Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/europe/20111108/177295968.html>

скорее не экономики, а философии. Нам нужно построить новую идеологию и решить другие проблемы, касающиеся жизни в обществе человеческих существ: так ужли необходимы деньги, что такое демократия, в чем заключаются истинные потребности людей и т.д.?»

Волна антикапиталистических настроений, буржуазофобии захлестнула Европу. Журналистские расследования, репортажи с разоблачениями крупных бизнесменов, промышленников, коррумпированных банкиров, топ-менеджеров, информация о коррупционных скандалах заполнили средства массовой информации. Это напоминает времена макрейкеров, разоблачавших подноготную «плохих трестов». Антикапиталистическая риторика созвучна с эпохой Великой депрессии, когда недавние небожители, Капитаны Большого Бизнеса, вдруг превратились в общественном мнении в безответственных и эгоистичных предпринимателей, разоряющих страну.

Информационные сообщения и репортажи о Давосе-2012 подаются под заголовками «Капитализм вышел из моды», «Кризис глобальной политики. Не только экономики», «Угроза потерять доверие будущих поколений», «До шага в пропасть — миллиметр». «Давос-2012 резко сменил тональность и запомнился наблюдателям мрачными прогнозами, туманными перспективами и крайне пессимистичными заявлениями, — пишет Алина Евстигнеева. — Так, сквозь немецкий рационализм канцлера Ангелы Меркель просочилась довольно грустная констатация того, что мир не верит в способность Европы преодолеть внутренние проблемы. Президент Швейцарии Эвелин Видмер-Шлумпф, в свою очередь, высказала неуверенность в том, что еврозона сможет справиться с брошенным ей вызовом. Чиновников поддержали и бизнесмены: всемирно известный предприниматель Дэвид Рубинштейн не постеснялся заявить, что партия Европы практически сыграна»¹.

¹ *Евстигнеева Алина.* Давос-2012: До шага в пропасть — миллиметр. Режим доступа: <http://top.rbc.ru/economics/30/01/2012/635313.shtml>

Стало популярно вспоминать и цитировать Маркса. Особенно в связи с проблемой крайнего социального неравенства и социальной несправедливости. Как пояснил председатель форума профессор Клаус Шваб, «капитализм в своем нынешнем виде уже не соответствует миру вокруг нас». В самый разгар форума агентство Fitch понизило рейтинги сразу пяти стран Евросоюза (Бельгии, Испании, Италии, Кипра и Словении), что резко обострило и без того немалый интерес к проблемам Европейского Союза. Призыв канцлера ФРГ Ангелы Меркель перейти к жесткой бюджетной экономии и перестать тратить в еврозоне средства фонда финансовой стабильности, был встречен критически. Надо сказать, что политики стремятся избежать обсуждения общего состояния системы, порядка, кризиса и сосредоточивают внимание на финансовых и технических проблемах. Их взоры обращены в последнее время туда, где признаки кризиса незаметны, — на Китай. Почти сразу после окончания форума в Давосе Ангела Меркель отправилась с официальным визитом в Китай, где Председатель КНР Ху Цзиньтао заверил канцлера в том, что Китай окажет Евросоюзу всяческую помощь в деле преодоления кризиса в зоне евро. В ходе переговоров с Меркель в Пекине в пятницу, 3 февраля, китайский руководитель также выразил уверенность Китая в стабильности европейской валюты¹. В связи со стабильностью ситуации в Китае аналитики высказывают предположение, что стабилизация ситуации на Западе возможна на путях «авторитарного капитализма».

НЕВОЗМОЖНОЕ СЛУЧАЕТСЯ?

Интеллектуалы не только ставят проблему глобально, но и считают нужным определиться самим со стратегией, идеями и программой действий. «Находящиеся в отчаянном положении левые должны принять грозный вызов и объяснить, что экономический кризис — это преимущественно кризис политический, в нем нет ни-

¹ <http://www.dw-world.de/dw/article/0,15715867,00.html?maca=russ-rss-ru-news-4383-xml-mrss>

чего естественного, что существующая система является результатом серии, по существу, политических решений; при этом не следует упускать из виду, что эта система, пока мы находимся в ее рамках, подчиняется псевдоестественной логике, пренебрежение которой чревато экономической катастрофой, — призывает Жижек. — Не следует тешить себя обманчивыми надеждами, что все еще не преодоленный кризис будет иметь лишь ограниченные последствия, что европейскому капитализму удастся обеспечить должный уровень жизни большинству населения»¹. Он обращает внимание на то обстоятельство, что в условиях современного кризиса общественность сталкивается со «зрелым и взвешенным стратегическим вмешательством органов государственной власти и финансовых институтов, которые стремятся разрешить кризис сообразно своим собственным критериям и выгоде!» Соответственно, по его логике, интеллектуалам нужно продумывать контрнаступление.

Иммануил Валлерстайн ставит перед интеллектуалами три отдельные, но взаимосвязанные задачи: «Первую можно сформулировать так: попытка разобраться в том, что же на самом деле происходит в мире. Вторую можно назвать задачей морального выбора — если Вы понимаете, какие перед Вами альтернативы, то что Вы выберете и почему? Наконец, третья задача — задача политическая. Допустим, я сделал моральный выбор и хочу, чтобы мир двигался в определённом направлении. Дальше я себя спрашиваю: что конкретно я могу сделать для этого?»²

Жижек опасается, что левые интеллектуалы подрастеряли свой радикальный пыл, привыкли к мягкому и защищенному существованию, беспокоятся за свою карьеру, погрязли в тихих интеллектуальных штудиях. Его не зря сравнивают с метателем ножей: «С крахом государства благосостояния в передовых индустриальных экономиках радикальные интеллектуалы могли

¹ *Славой Жижек. Чтобы спастись из ловушки.*

Режим доступа: <http://m-introduction.livejournal.com/20960.html>

² <http://www.rodon.org/society-101021105659>

бы найти свой момент истины — они хотели настоящих перемен, они их дождались... Сегодня господствующая идеология силится нас убедить в невозможности радикальных перемен, невозможности упразднения капитализма, невозможности создания демократии, которая бы не сводилась к играм коррумпированных парламентариев, скрывающим социальные антагонизмы. Вот почему Жак Лакан, желая преодолеть идеологические барьеры, заменил формулу “все возможно” более умеренным заявлением “невозможное случается”¹. Во многих своих последних публикациях Жижек неустанно повторяет эту мысль: «Невозможное случается!»

Если для Валлерстайна одна из задач интеллектуалов — попытаться повлиять на процесс, определяя, что может прийти на смену капитализму², то 82-летний Юрген Хабермас продолжает бороться за ту Европу сограждан, которая ему так дорога и которую стремятся разрушить современные еврократы. В своей последней книге «О конституции Европы» он описывает, «как изменились основы нашей демократии под влиянием кризиса, а также безумия, охватившего рынки». Хабермас говорит о том, что власть выскользнула из рук народа и переместилась к образованиям с сомнительной демократической легитимностью — таким, как Европейский Совет. В действительности он считает, что «технократы уже давно совершили тихий государственный переворот»³. Г. Дитц сравнивает позицию Хабермаса и гражданских активистов, участников движения «Захвати Уолл-стрит»: «Активисты движения Оссиру отказываются ясно сформулировать даже какое-нибудь одно свое требование, тогда как Хабермас точно объясняет, почему он рассматривает Европу как проект для цивилизации, которому нельзя позволить провалиться, а также почему “глобальное

¹ *Славой Жижек*. Чтобы спастись из ловушки.
<http://m-introduction.livejournal.com/20960.html>

² <http://www.rodon.org/society-101021105659>

³ Миссия философа: спасти Евросоюз. (Der Spiegel, Германия)
<http://inosmi.ru/europe/20111128/178621730.html>

сообщество” не только возможно, но и необходимо для того, чтобы примирить демократию с капитализмом». «Где-то после 2008 года, — говорит Хабермас за стаканом белого вина уже после дискуссии, — я понял, что процесс экспансии, интеграции и демократизации автоматически не способен продвигаться вперед, он не может это делать сам по себе; я понял, что он обратим и что впервые в истории Евросоюза мы действительно являемся свидетелями демонтажа демократии. Я не думал раньше, что это будет возможно. Мы находимся на распутье». Он считает, что у государства нет прав, «только люди имеют права», и затем он делает последний шаг, ставя народы Европы и граждан Европы в определенную позицию — с его точки зрения, именно они являются настоящими историческими актерами, а не государства и не правительства»¹.

«ЧЕЛОВЕК ПРОТЕСТУЮЩИЙ»: АМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ PRO ET CONTRA

Журнал Time посвятил традиционную обложку с человеком года-2011 анонимному протестующему. Выбор был сделан читателями, проголосовавшими на сайте издания. Большинство из них предпочло стихийные движения по всему миру одной конкретно взятой личности, как это было заведено. Акция «Захвати Уолл-стрит», организованная канадской глобальной сетью креативных работников и культурных фриков Adbusters и поддержанная Джорджем Соросом, заставила СМИ всего мира говорить о проблеме неравенства и несправедливом распределении доходов².

Профессор Нассим Талеб заявил на Давосе-2012: «Неудивительно, что доверие людей к политикам, предпринимателям и банкирам продолжается снижаться, находясь уже на критической отметке. Но конфликт этот имеет куда более глубокое основание, чем классо-

¹ Миссия философа: спасти Евросоюз. (Der Spiegel, Германия) <http://inosmi.ru/europe/20111128/178621730.html>

² Давос-2012: перезагрузка капитализма. <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/200168/>

вая вражда. В сущности, он происходит между конкуренцией и стабильностью, нравственностью и законом джунглей»¹. Фрэнсис Фукуяма ставит вопрос о plutократии в Америке, имея в виду, что богатые пользуются благами демократии даже в условиях кризиса: «изобретательные и предприимчивые финансисты получали баснословные прибыли, но в своем алчном стремлении создавать новые, более сложные финансовые инструменты и продукты они не созидали, а разрушали богатство в обществе»².

Отвечая на критику такого рода, в обращении к конгрессу США 24 января 2012 г. «О положении страны» Барак Обама выдвинул ряд предложений, в которых он попытался охватить целый комплекс проблем, связанных с восстановлением в американской экономике принципа равенства шансов, а также справедливости при распределении прибылей и дивидендов. В связи с этим президент предложил масштабную налоговую реформу, обеспечив льготы тем компаниям, которые создают рабочие места в США, и изменив схему налогообложения — на состояния свыше одного миллиона долларов налог должен составлять 30 %. «Мы создадим службу по борьбе с финансовыми преступлениями, в которую войдут высокопрофессиональные следователи, их задачей будет выявление крупных финансовых махинаций и защита инвестиций людей», — сообщил он. Президент потребовал от компаний, добывающих газ на общественных землях, сообщить, какие химикаты они используют при этом, чтобы определить ущерб, причиняемый экологии, и более эффективно с ним бороться. Он указал конгрессу на необходимость сделать работу парламента более эффективной и прекратить использовать жизненно важные законопроекты для межпартийной борьбы. По словам президента, необходимо также ограничить влияние денежных средств

¹ Давос-2012: перезагрузка капитализма. <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/200168/>

² *Fukuyama F.* Left Out // *The American Interest*. Winter (January/February) 2011. P. 22.

на политику. «Давайте сделаем так, чтобы люди, делающие пожертвования на выборы в конгресс, не могли бы быть лоббистами», — сказал Обама, обращаясь к парламентариям. По мнению президента, настало время для всеобъемлющей иммиграционной реформы. «Но если год выборов не позволяет конгрессу работать над всеобъемлющим планом, давайте, по крайней мере, договоримся прекратить выдворять ответственных молодых людей, которые хотят работать в наших лабораториях, начать новый бизнес или защищать эту страну», — призвал он¹.

Это выступление призвано ответить на претензии «человека протестующего». Обама включил предложения, учитывая большинство претензий в адрес существующей системы.

Однако в ответ на его речь республиканцы обвинили Обаму в том, что он стремится разделить нацию, вместо того чтобы объединять ее. «Самой печальной чертой президентства Обамы является его постоянное стремление разделить нас, отдав предпочтение некоторым из американцев в ущерб другим. Как и раньше, во времена национальной опасности, мы находимся все в одной лодке», — заявил сенатор Дэниэлс. «Это предвыборная речь, задача которой — сделать приятное либеральной части его электората», — считает глава сенатского меньшинства Митч Макконнелл. «Когда президент явно или завуалировано говорит о том, почему Вашингтон не работает, он также должен взять часть вины за это на себя. К тому же для послания он выбрал идеи, с которыми республиканцы в конгрессе не согласятся. Он не мог этого не знать», — упрекнула президента член палаты представителей от Нью-Йорка Нэн Хэйворт.

Протестное движение в США имеет разные формы. Массовые митинги противников либерального курса Б. Обамы начались весной 2009 г., их участники объединились в «Движение чаепития». Название должно было вызывать исторические ассоциации со знаменитым «Бостонским чаепитием» 1773 г.

¹ <http://ria.ru/politics/20120125/548301998.html>

Движение носит популистско-консервативный характер, выступает за сокращение государственного аппарата, сокращение налогов и снижение дефицита госбюджета. Оно включает людей, которые уверены, что Обама — «не их президент», что «Барак Обама — мусульманин», «радикальный социалист, склонный к тому, чтобы разрушить в Америке все ценное, страстно ими любимое»¹. Ли Харрис называет их «естественными либертарианцами». «И хотя современный популистский бунт, несомненно, связан с экономическим кризисом, но в гораздо большей мере он — результат глубоко и широко распространившегося культурного отчуждения, которое усугублялось в течение прошедшего десятилетия и разделило американцев на два враждебных лагеря. В этом проглядывают зловещие признаки вырождения в гражданскую войну». «По одну сторону культурного водораздела “высокообразованные мужчины и женщины, сливки американской меритократической системы, искренне убежденные в том, что они представляют прогресс и просвещение”, — характеризует П.Ю. Рахмиров систему взглядов Харриса. — По другую его сторону люди, которые противились тому, чтобы кто-либо управлял ими, и были “полностью убеждены, что они способны лучше справляться со своими собственными делами и контролировать собственные жизни”. Насколько серьезно воспринимает Харрис перспективу войны между этими двумя лагерями, свидетельствует название его книги»².

Первая категория — это те, о ком Хантингтон говорил, что они не нуждаются в национальной идентичности в силу своего космополитизма³. Вторые — те, кого Фрэнсис Фукуяма характеризует как правых популистов⁴.

¹ *Harris L. The Next American Civil War. The Populist Revolt against the Liberal Elite. New York. Palgrave Macmillan. 2010. P. 5.*

² *Рахмиров П.Ю. Интеллектуальная защита бунта против интеллектуалов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Выпуск 38. 2012.*

³ *Хантингтон С. Кто мы? С. 421.*

⁴ *Fukuyama F. Left Out // The American Interest. Winter (January/February) 2011. P. 24.*

О поляризации публичных интеллектуалов в Америке пишет Теви Трой, который считает, что благодаря новым средствам коммуникации идеи, озвученные одной стороной, сразу же становятся объектом критики противоположной стороны. Такое деление на либеральных («голубых кровей») и консервативных («красношеих»), на его взгляд, затрудняет решение стоящих перед страной проблем¹. Ли Харрис считает, что Движение чаепития стало результатом неудач администрации Обамы, а реальной альтернативой либеральному правлению может стать популистское движение, которое приведет к власти новую элиту². «Более всего консервативных популистов раздражает убежденность в том, что Америка теряет свою историческую уникальность, быстро становится все более и более похожей на европейские страны»³, — таков, по Харрису, один из главных побудительных мотивов современного популистского бунта. Европейские ценности оказываются для консерваторов ценностями отчужденных бюрократических элит. Европа выглядит слабым звеном и в связи с угрозой превращения в Еврабию и базу для исламистов.

«ПРОЕКТ ЕВРАБИЯ» И ДЕЛО БРЕЙВИКА КАК ПОЛЕ БИТВЫ ЗА ИДЕНТИЧНОСТЬ

Угроза утраты западной цивилизацией своей идентичности поднимается в целой серии публикаций о сумерках, закате и смерти Запада. В последние годы главным основанием мрачных прогнозов является перспектива «подавленной Европы», превращения Европы в Еврабию. Термин вошел в широкий обиход усилиями историка-медиевиста Жизель Литман, более известной под псевдонимом Бат Йеор, что в переводе означает «Дочь Нила». Как медиевист она исследовала «димми» (иногда по-русски это произносят как «зимми») — так арабы на-

¹ Troy T. Op. cit.

² Harris L. The Tea Party vs. the Intellectuals / Policy Review. June 1. 2010. № 161.

³ Harris L. The New American Civil War. P. 40.

зывали христиан и евреев в средневековых мусульманских империях.

Итальянская журналистка и писательница Орианна Фаллачи в книге «Сила благоразумия» (2004) предостерегает, что ислам ведет против Европы захватническую войну. Критики оценили эту книгу как полемическое и выразительное произведение. В первый же день было продано 50 тыс. экземпляров. «Фалаччи пишет, — заявляют ее приверженцы, — о том, чего добропорядочные граждане и интеллектуалы, церковь и политические партии не желают признавать: Европа — в смертельной опасности, она переполнена исламистами, и каждый день все более сдавливается безжалостными руками фанатичных сторонников Аллаха», — характеризует журналист «Шпигеля» позицию автора и ее сторонников в рецензии «Связанный Запад». «От Гибралтара до Нордкапа, от холмов Тосканы до степей Волгограда, — так начинает автор свою книгу, — в любом европейском городе давно уже обосновался “второй город”. Город, который постепенно поглощает внешний. Мусульманский, управляемый Кораном город»¹. Бывшая военная корреспондентка, писавшая репортажи о вьетнамской войне и положении в Ливане, бравшая интервью у Хомейни и Дэн Сяопина, Фаллачи обладает острым пером: «О свободе тоже не может быть и речи, если общество “препятствует тем, кто, как я, поняли, что угрожает немусульманам, сопротивляться тем, кто вторгается к нам и ставит нас на колени”». «Еврабия» — так звучит ключевое слово 278-страничного «крика души». Так называет Фаллачи, по ее мнению, большей частью уже исламизированную, превратившуюся в арабскую провинцию Европу. Люди Запада, — гласит ее послание, — должны, наконец, получить право и возможность защищаться, иначе они все пропадут»².

Бат Йеор издает в 2005 г. книгу «Еврабия: евро-арабская ось», в которой клеймит диммийюд как подчинение Европы арабскому владычеству, «дух сдачи

¹ <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1082923860>

² <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1082923860>

без боя», «отрицание своего собственного унижения посредством процесса интеграции ценностей, ведущего к нашему собственному уничтожению», и его носителей — немусульманских димми, которые «под протекторатом мусульман могли обрести эфемерную и призрачную безопасность посредством услуг, оказываемых мусульманским угнетателям, посредством раболепной покорности и лести»¹.

Создатели теории Еврабии утверждают, что правительства европейских государств продали Европу арабским странам в обмен на доступ к нефтяным запасам, что является величайшим предательством в истории цивилизации. Еврабия — это будущая Европа, так как мусульмане заполучат власть и контроль. Сторонником этой теории стали американский писатель и основатель движения «Стоп исламизации Америки» Роберт Спенсер, американский специалист по исламу и политический аналитик Даниэль Пипес. Бат Йеор одной из первых озвучила тезис, что Европа стала Еврабией, что мусульмане завоевали и подчинили себе Старый Свет, в первую очередь за счет высокой рождаемости. В странах ЕС насчитывается порядка 20 млн иммигрантов мусульманского вероисповедания, для которых именно конфессиональная принадлежность является ключевой идентификационной характеристикой.

По оценкам аналитиков, к кругу известных критиков ислама принадлежит Педер Йенсен, имя в Интернете — Фьордмен. Когда Юрий Каграманов ссылаясь на сайт Fjordman, регулярно возвращающийся к этой теме, где «допускается даже возможность того, что европейцам придется спастись в холодных северных широтах и труднодоступных горах — наподобие того, как испанцам в свое время удалось “зацепиться” за Кантабрийские горы, чтобы оттуда начать обратное завоевание Европы (Fjordman).

¹ Бат Йеор. Проект Еврабия.

Режим доступа: <http://www.jerusalem-korczak-home.com/np/arab/Bat.html>

Blogspot. com. 15. 11. 2005)»¹, он вряд ли мог предположить, какое паблисити получит Фьордмен в 2011 году после дела норвежца Андерса Брейвика, убившего более семидесяти и покалечившего более девяноста человек, вдохновленного наставлениями своего кумира. Писатель и блогер был вызван в полицию, прошел процедуру многочасовых допросов, у него был изъят компьютер, а сайт закрыт. При этом сам он не считал, что сделал что-то предосудительное.

Между тем Фьордмен в выступлениях на интернет-форумах заявлял, что насилие является естественным следствием, что «западные лидеры ведут демографическую и правовую войну против белого большинства в Европе», что необходимо «распустить Европейский Союз и остановить мультикультурализм, вторжение и заселение мусульман»².

«Мы должны сердиться на мусульман, но прежде всего мы должны сердиться на тех, кто лгал нам, кто разрешил мусульманам наводнить наши земли, кто заставляет нас жить с врагом. Они наш враг номер один. Мы никогда не должны забывать этого», — написал Фьордмен в книге «Пораженная Евразия»³. Таким образом, врагом номер один оказываются сторонники мультикультурализма и как либеральной доктрины, и как государственного курса, направленного на обеспечение культурного разнообразия. В ценностном плане мультикультурализм опирается на либеральные принципы признания права разных групп на собственную идентичность, толерантности к носителям иных идентичностей, в особенности инокультурных»⁴. В публичном дискурсе западных стран вопрос о возможных угрозах для европейской и нацио-

¹ Юрий Каграманов. Евразия: призрак или реальность? Дружба Народов — 2006. — № 5.

Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2006/5/kaga10-pr.html>

² <http://inosmi.ru/europe/20110810/173174454.html>

³ <http://inosmi.ru/europe/20110810/173174454.html>

⁴ Семененко И.С. Мультикультурализм // Политическая идентичность и политика идентичности. Том 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. М., РОССПЭН, 2012.

нальной идентичности со стороны закрытых инокультурных сообществ существует с начала 2000-х годов.

Как правая реакция на такие угрозы возникли так называемые партии прогресса, право-популистские партии, бывшие первоначально маргинальными, но в последнее десятилетие уверенно наращивающие численность и влияние. Современные правые считают, что европейская цивилизация находится в серьезной опасности в связи с арабским культурным вторжением, остановить которое можно только путем насилия. Европейские режимы, которые позволили “исламскую колонизацию” и выступают за мультикультурализм и многонациональное общество, они называют величайшими предателями, которые не могут быть устранены с помощью демократических средств.

«До сих пор в политическом пространстве европейских стран преобладали две основные партии, которые обращались ко всему электорату, — правоцентристские партии (христианские демократы, либерал-консерваторы, народные партии) и левоцентристские партии (социалисты, социал-демократы); более мелкие партии обращались к более узкой прослойке электората (экологи, коммунисты и пр.) Последние результаты выборов на Западе и на Востоке сигнализируют о постепенном складывании другой полярности. Существует одна господствующая центристская партия, которая выступает за глобальный капитализм как таковой, обычно она проводит либеральную культурную повестку (толерантность к идее аборт, правам гомосексуалистов, правам религиозных и национальных меньшинств и т.д.), — анализирует расклад политических сил Славой Жижек. — Противовесом этой партии является набирающая силу популистская партия, настроенная против иммигрантов, которой периферийно сочувствуют откровенно расистские неонацистские группы»¹.

¹ Славой Жижек. Казус Брейвика, или чего хочет Европа? <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Kazus-Brejvika-ili-chego-hochet-Evropa>

В сербских СМИ после дела Брейвика появился ряд статей: «Кто продал Европу арабам?», «Андерс Брейвик — европейское 11 сентября» и др.¹ Особое внимание сербов к фигуре Брейвика объясняется тем, что в его манифесте объемом в 1500 страниц он провозгласил себя антиисламским христианским фундаменталистом, и восхвалял борьбу сербов в войнах 90-х годов. Кроме того, Брейвик написал, что ему хотелось бы познакомиться с арестованным лидером боснийских сербов Радованом Караджичем, который «своими усилиями освободить Сербию от ислама навсегда запомнится как честный воин-крестоносец и европейский военный герой». Желько Цвиянович оценивает Брейвика как представителя норвежской элиты, который «представляет драматический и трагический финал серьезной тенденции в кризисной Европе. Поэтому его мотивы не следует искать только в его психологии, как и в случае террористов 11-го сентября 2001 года»².

Славой Жижек в статье «Казус Брейвика, или чего хочет Европа» выступил с яростным обвинением правых: «Их мантра заключается в осуждении его убийственно-го деяния, но с оговоркой о том, что “мы не должны забывать о том, что он проявлял законное беспокойство, связанное с подлинными проблемами. В некотором смысле Брейвик был прав в выборе цели. Он нападал не на иностранцев, а на тех, кто внутри его собственного сообщества были слишком терпимы к нашествию чужаков. Проблема не в чужаках, а в нашей европейской самобытности”»³. Он фиксирует изменение оснований национальной и культурной идентичностей в европейских странах: «От Франции до Германии, от Австрии

¹ <http://inosmi.ru/europe/20110810/173174454.html>; Источник: <http://www.standard.rs/vesti/49-kolumne/7961-eljko-cvijanovi-zato-je-anders-brejvik-evropski-0911-i-srpski-naravno-.html>

² Источник: <http://www.standard.rs/vesti/49-kolumne/7961-eljko-cvijanovi-zato-je-anders-brejvik-evropski-0911-i-srpski-naravno-.html>

³ *Славой Жижек. Казус Брейвика, или чего хочет Европа?*
Режим доступа: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Kazus-Brejvika-ili-chego-hochet-Evropa>

до Голландии под влиянием нового чувства гордости от своей национальной или культурной идентичности основные партии теперь находят возможным подчеркивать тот факт, что иммигранты — гости, которые должны подстраиваться под культурные ценности, диктуемые обществом, которое их принимает — “это наша страна, любите ее или уезжайте”¹.

Он критикует европейскую идентичность в ее правопопулистском варианте, напоминая, что «Европа — это не только империализм и колониализм, это еще и демократия, равенство и эмансипация»².

Другое дело, что официальная политика Евросоюза, как отмечают многие критики, игнорирует проблему разъедания Европы под воздействием исламизации и культурного плюрализма. С другой стороны, известный евромусульманин-либерал Бассам Тиби признает, что в его ставшей родной Европе дела обстоят хуже, чем в США, куда он переезжает. Он винит в этом не самих мусульман, которые, дескать, «не хотят цивилизованно интегрироваться», а европейскую политику и общество³. Жижек убежден, что «предполагаемые защитники Европы в лице враждебной по отношению к эмигрантам политики представляют сегодня большую опасность для европейского наследия. Они, а не бедные мусульмане, являются настоящими варварами за нашими воротами»⁴. «Не надо просто уважать других, предложите им общую борьбу, потому что сегодня у нас общие проблемы», — заявляет он.

¹ Жижек С. В кризис выигрывает авторитарный капитализм. <http://rus.ruvr.ru/2011/08/29/55311658.html>

² Там же.

³ Бассам Тиби. В Европе с мусульманами не обращаются, как с равными. 01 октября 2007.

Режим доступа: <http://www.islamnews.ru/news-7551.html>

⁴ Жижек С. В кризис выигрывает авторитарный капитализм. <http://rus.ruvr.ru/2011/08/29/55311658.html>

Это поле битвы за идентичность демонстрирует сложность и глубину охватившего мир кризиса. В кризисные периоды интеллектуалы оказываются в центре борьбы, предлагая диагноз обществу и варианты решения проблем. На протяжении XX века левые интеллектуалы преимущественно доминировали в этой борьбе. Именно по их рецептам шло переустройство общества после Первой мировой войны, они объединили усилия с реформаторски настроенными политиками после Второй мировой войны в создании и развитии социального государства, они выступили против конформизма и застоя в 1960-е с новыми идеями и энтузиазмом. Во все эти времена левые интеллектуалы могли предложить новое видение мира, новые горизонты. С крушением СССР и распадом коммунистической системы, разоблачениями тоталитаризма и разочарованием в социалистических идеалах инициатива перешла к правым интеллектуалам, консервативной интеллигенции, которая на протяжении четверти века в тандеме с правящим классом правила миром. Кризисные процессы последних лет и в особенности современный кризис подорвали эту монополию и веру в универсальность предлагаемой консерваторами модели национального и мирового устройства. Либеральные и левые интеллектуалы вновь стали публичными, востребованными, способными «первыми почуять важное».

В отличие от предыдущих ситуаций, сегодня готовых рецептов нет. Есть много «анти» — капитализма, радикализма, шовинизма, бюрократизма. Однако все эти «анти» не порождают мыслей о революции. Западные интеллектуалы живо откликнулись на революции в арабских странах. Практически все видные левые интеллектуалы опубликовали статьи в поддержку «арабской весны». Российское «Свободное марксистское издательство» опубликовало их под заголовком «Интеллектуалы и арабская революция»¹. «Свобода получила шанс» (Сла-

¹ Интеллектуалы и арабская революция. М., Свободное марксистское издательство. 2011.

вой Жижек), «сопротивление вмешательству Штатов» (Иммануил Валлерстайн), «восточный ветер сбивает западную спесь» (Алан Бадью), «арабы — пионеры новой демократии» (Майкл Хардт, Антонио Негри) — так интеллектуалы оценивали то, что происходит в арабских странах. Но, как отметил Валлерстайн, «ветер перемен таков, что его направление и скорость непостоянны, а потому непредсказуемы»¹. Насколько можно судить по высказываниям западных интеллектуалов, у себя они революционного ветра вызывать не хотят. Слишком быстро и жестоко проявилась обратная сторона арабских революций, связанная с насилием, кровью, жертвами. Одна из последних инициатив левых интеллектуалов — подписание коллективного письма против войны в Сирии. Умберто Эко иронично отметил в интервью: «Можно подумать, будто когда в Сирии узнают, что сам Бадью подписал это письмо, то война тут же прекратится!» Но свою подпись под письмом поставил.

В поле «за» — по-прежнему, демократические ценности, новая вера в возможность сообщества граждан и в то, что «невозможное случается». Славой Жижек точно уловил основную уязвимость современного сознания: убежденность в том, что все возможно в мире вещей, любые достижения, любой уровень потребления, удовлетворение любых запросов, а вот в мире мысли, духа, идей, общественного устройства человек готов смириться с тем, что ничего изменить нельзя. В этом контексте убеждение, что «невозможное случается» — совсем не малость.

¹ Там же. С. 33.

Глава пятая

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В БОРЬБЕ ЗА ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Когда наша кафедра получила поддержку проекта «Борьба за идентичность и новые институты коммуникации», одна столичная коллега, человек компетентный и уважаемый, сказала мне: «Для проекта использовать понятие “борьба” применительно к идентичности можно. Однако не следует использовать его в научном плане. И термин не научный, и состояния процессов идентификации и конкуренции за смыслы и содержание идентичности не отражает». Я с большим пиететом отношусь к этому человеку и некоторое время, действительно, избегала понятия «борьба» в исследовании идентичности. Но чем больше погружаешься в анализ процесса формирования и конструирования идентичностей, в особенности политических и гражданских, тем сильнее складывается впечатление именно борьбы, противостояния, временами — даже сражений и войн по поводу того, «кто мы, откуда и куда идем».

В конце концов, в профессиональном языке историков уже утвердились понятия «бои за историю», «войны памятников» и т.п. Интерпретация истории, «перезагрузка смыслов» является одним из важных элементов процессов идентификации. Впечатление борьбы за идентичность складывается в связи с тем, что на каждом этапе современной истории России, начиная с перестройки, существуют противоположные лагеря, которые дают антагонистические ответы на эти вопросы, имеют несовместимые представления об основаниях российской идентичности. Меняется состав участников, их партийная и политическая идентификация, появляются новые темы и сюжеты, но остается неизменной ситуация противостояния, неприятия позиции другой стороны. Это одна из причин устойчивости кризисного состояния российской идентичности.

Важную роль в борьбе за идентичность играет интеллигенция, независимо от того, принимают ли представители той или иной позиции такое самоназвание. Я исхожу из того, что в каждом лагере есть «честные мыслители, также «объединенные общей любовью и общей ненавистью, объединенные творческими исканиями и борьбой», как в свое время увещевал Павел Сакулин тех, кто отказывал «государственникам» в праве называться интеллигенцией. Конечно, в современном мире изменилось публичное пространство, выросла категория профессиональных пиарщиков и технологов, для которых конструирование политической идентичности не борьба, а хорошо оплачиваемая работа. Впрочем, подобные упреки представители противоположных лагерей в России бросают друг другу второе столетие.

Под российской идентичностью вслед за К.Г. Холодковским автор понимает «комплекс представлений, ценностей, установок, предпочтений, порождаемых самоотождествлением индивидов или их сообществ с Россией и россиянами»¹. Претензии интеллигенции на

¹ *Холодковский К.Г.* Российская политическая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичность. Том 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. М., РОССПЭН, 2012.

особую роль в определении этого комплекса связаны с системой ее ценностных ориентиров, которая включает такие базовые координаты, как Россия, Власть, Народ, Другой (как правило, Запад), Русская идея, Модерн¹. Однако, если набор координат остается неизменным, то их приоритетность меняется в зависимости от ситуации.

Поскольку каждый из этапов современного развития, едва успев закончиться, превращается в символический ресурс, а значит за его интерпретацию и оценки начинается новая схватка, основной акцент в характеристике борьбы будет сделан на оценках, данных в хронологических рамках каждого рассматриваемого периода². Говоря о процессах, свидетелем и участником которых автор являлся, вряд ли стоит уклоняться от того, чтобы говорить и о своем восприятии происходящего. Авторские реминисценции в таком случае представляют собой одну из разновидностей источников, которые могут быть оценены в сопоставлении с другими источниками.

Кстати, в исторической науке, прежде всего в культурной истории, произошел пересмотр статуса историка-исследователя, чей взгляд рассматривается как взгляд участника и сравнивается с прожектором, высвечивающим отдельные места. Такой автор сознательно «инструментализирует собственный внеаучный опыт», достигая «эффекта реальности», особенно тогда, когда автор представляет читателю плотную презентацию больших документальных фрагментов³.

¹ *Сабурова Т.А.* Русский интеллектуальный мир / миф. Омск: ОмГПУ, 2005; *Лотман Ю.М.* Интеллигенция и свобода: К анализу интеллигентского дискурса // *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб.: Искусство. 2002. С. 128–130; *Казанцев А.А.* Интеллигенция и структурные новации в политическом пространстве. Опыт сравнительного анализа // *Полис*. — 2007. — № 1. С. 71.

² Работы С.П. Перегудова и С. Козна, изданные в 2000-е годы, включают публикации их авторов за предыдущее десятилетие.

³ *Нарский И.В.* Возвращение автора: приглашение к «лирической историографии» или об одной тенденции в современном историописании // *История и историки в пространстве национальной и мировой культуры. Сборник статей.* Челябинск, 2011. С. 47, 49.

ЭЙФОРИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

«Перестройка, начавшаяся в СССР ровно двадцать лет назад, была воспринята большей частью тогдашнего общества как долгожданное событие. Исследования, проводившиеся в середине 80-х годов, показывали, что позитивное отношение к перестройке на ее раннем этапе было если и не единодушным, то преобладающим», — указывает Л.Г. Бызов со ссылкой на социологические исследования того времени¹. Сложился временный сложносоставной консенсус на основе антиноменклатурных настроений, жажды перемен, гласности и свободы.

«Мы являемся счастливыми свидетелями нового явления, которое следует приписать только нашему генсеку... Я имею в виду отмену цензуры и фактическую свободу слова, — писал в дневнике 28 февраля 1986 г. Лев Остерман. — Господи, какая лавина некогда секретной информации обрушилась на наши головы! Некоторые газеты и толстые журналы публикуют столь острые разоблачительные материалы, обнаруживают такие преступления прошлого и уродства настоящего, что если это продолжится еще пару лет, то люди избавятся от страха, воспитанного годами террора, а затем и от рефлекса безропотного подчинения партийному начальству. Начнут думать и говорить свободно, а на этой почве могут взойти (пока еще непонятно, как) ростки нового общественно-го устройства»². В газетах стали публиковать подборки писем, в которых критиковалась система спецраспределителей, партийной бюрократии. Декларировалась важность открытой критики и «ленинской правды».

Романы В.Д. Дудинцева «Белые одежды», А.Н. Рыбакова «Дети Арбата», Д. Гранина «Зубр» и их обсуждение становились общественным событием. Не меньшим достоянием перестройки было открытие запрещенной в

¹ Бызов Л.Г. Перестройка: 20 лет спустя. Когда окончится перестройка? (по материалам ИКСИ РАН и ВЦИОМ) // Золотой лев. № 61—62. Режим доступа: http://zlev.ru/61_31.htm

² Остерман Л.А. Интеллигенция и власть в России (1985—1996 гг.). М., Гуманитарный центр «Монолит», 2000. С. 15.

советское время литературы — Бунина, Булгакова, Набокова. Замечу, что и на уровне персонального сознания чтение этих романов было событием. Я хорошо помню, как за новыми публикациями выстраивалась очередь в библиотеке, как коллеги давали книгу буквально на ночь, как незнакомство с такой публикацией вызывало недоумение и даже возмущение: «Разве можно не читать то, что читает вся передовая общественность?!»

Во многих воспоминаниях отмечается в качестве мощного события перестройки показ фильма Т. Абуладзе «Покаяние», который был выпущен в 1984 г., но показан лишь в 1986 г. в Доме кино, а в широкий прокат допущен в январе 1987-го. Залы кинотеатров были полны, за билетами стояли огромные очереди, фильм вызвал волну обсуждения, далеко не безболезненного, и цепную реакцию в виде серии публикаций.

И.С. Семененко оценивает возвращение запрещенных в СССР произведений Б.Л. Пастернака, А.А. Ахматовой, А.И. Солженицына, В.С. Гроссмана, А.Н. Платонова как открытие доступа «к многомерному духовному миру отечественной поэзии и прозы, у людей появилась возможность свободно выбирать в этом мире близкое и созвучное собственным духовным запросам»; «на людей обрушился поток неизвестных и недоступных ранее материалов по отечественной истории и истории политической мысли»¹.

В декабре 1986 г. академик Сахаров обратился с просьбой разрешить ему вернуться из горьковской ссылки в Москву. В записке ЦК КПСС, подписанной Е. Лигачевым, В. Чебриковым и Г. Марчуком, говорилось: «Их квартира может вновь стать центром всякого рода пресс-конференций с участием иностранных журналистов, местом встреч антиобщественных элементов, выработки заявлений и требований негативного характера. Сам Сахаров вряд ли удержится от участия в делах по так называемой “защите прав человека”. Но и при наличии всего сказанного возвращение Сахарова обойдется в настоящее время

¹ Семененко И.С. Россия XX — начала XXI века. С. 406.

меньшими политическими издержками, нежели продолжение его изоляции в Горьком»¹. Решение было принято, Горбачев позвонил лично, чтобы сообщить Сахарову о разрешении вернуться. Это стало общественным событием, а сам Сахаров — неформальным лидером демократического движения. «Лауреат Нобелевской премии мира академик А. Сахаров, чья гражданская позиция, подкрепленная благородным мужеством начиная со второй половины 60-х годов, в конце концов, доказала, что на весах истории личное мнение, если оно продуманное и выстраданное, может перевесить любые безличные догмы, — писал Ю. Афанасьев. — Пришло время, чтобы голос Сахарова включился в открытые всенародные споры и раздумья»². В 1989–1990 гг. были восстановлены в гражданстве видные деятели культуры и искусства, которых советская власть вынудила покинуть страну — М. Ростропович, Г. Вишневская, В. Войнович, Л. Копелев, А. Солженицын.

Свобода выбора «близкого и созвучного собственным духовным запросам» казалась необыкновенным счастьем. Применительно к периоду перестройки часто используется слово «эйфория»; оно действительно отражает умонастроение и чувства людей. В университете воодушевление охватило многих коллег, может быть, особенно моего учителя — профессора Льва Ефимовича Кертмана, чуть ли не единственного в СССР беспартийного заведующего кафедрой истории (всеобщей истории Пермского государственного университета). Изгнанный из Киевского университета за «космополитизм», блестящий знаток английской истории и культуры, которому не было позволено никаких зарубежных поездок, он упивался новыми возможностями, воздухом свободы. Был горячим приверженцем Горбачева, как-то спросил меня: «Вы его любите?» — «Кого?», — ошарашенно спросила я. — «Горбачева!» Лев Ефимович умер 30 ноября 1987 года, работая над книгой по истории культуры стран

¹ http://www.yale.edu/annals/sakharov/sakharov_russian_txt/r191.txt

² Афанасьев Ю. Несколько слов от редактора // Иного недано — перестройка, гласность, демократия, социализм. М., Прогресс, 1988.

Западной Европы и Северной Америки. Умер ярким горбачевцем и сторонником перестройки.

Ю.С. Пивоваров, вспоминая о своем учителе и друге Н.Н. Разумовиче, пишет, что тот «в Горбачева влюбился сразу. Видел в нем трагическую личность, “назначенную” историей на разрушение коммунизма»¹. Думаю, что схожие чувства испытывали многие. О себе могу сказать, что, несмотря на странность мысли о возможности любить или влюбиться в Горбачева, настроения у меня были «перестроечные». Этому способствовали многие обстоятельства, как общие, так и личные. Мой отец, Александр Николаевич Киприянов, был журналистом, в начале 1970-х — редактором газеты «По ленинскому пути» в Коми-Пермяцком автономном округе, и проблемы цензуры и партийного контроля над прессой обсуждались в нашем доме по мере подготовки каждого номера газеты. С 1973 и до болезни, приведшей к инвалидности в начале 1980-х, отец работал корреспондентом ТАСС по Пермской области. В этом качестве он вошел в топ партийной элиты региона со всеми вытекающими последствиями в виде привилегий, статуса, атмосферы лицемерия, лживости и придворного духа, который столь блестяще показали Юрий Поляков в «Апофегее» и Эльдар Рязанов в «Забытой мелодии для флейты».

В студенческие годы я ненавидела зачеты по общественно-политической подготовке, когда комиссия из членов партийного и комсомольского бюро допытывалась, что общественно-политически-полезного ты сделал за семестр. А когда на пятом курсе Лев Ефимович предложил мне заняться наукой, он честно предупредил меня, что могут быть проблемы с аспирантурой, поскольку я не член партии и к тому же женщина. Он был прав: для того чтобы остаться в университете, мне пришлось выйти на должность лаборанта на пятом курсе, имея на носу диплом, а на руках — семимесячную дочь. Место в очной аспирантуре отдали партийному члену комитета комсомола, и канди-

¹ Пивоваров Ю.С. Русский Гамлет // Пивоваров Ю.С. Полная гибель всерьез. М., РОССПЭН, 2004. С. 308.

датскую диссертацию я дописывала в отпуске по уходу за вторым ребенком. В силу этих обстоятельств моя общественная активность в тот период ограничивалась чтением и обсуждением того, что происходило в стране.

Значительная масса интеллигенции в годы перестройки не только чувствовала и рефлексировала, но и активно действовала, причем в масштабах всей страны. Развернулось движение интеллигенции за демократическую альтернативу. Заседания клубов, общественные чтения проходили в вузах и на публичных площадках крупных городов. В регионах создавались клубы избирателей, филиалы Всесоюзного общества «Мемориал», целью которого было увековечить память жертв сталинских репрессий¹.

Перестройка сделала властителями дум экономистов и публицистов: статьи И.М. Клямкина, Н.П. Шмелева, Л.И. Абалкина, Г.Х. Попова, публикации «Московских новостей», «Огонька», «Аргументов и фактов» горячо обсуждались общественностью. Тиражи печатных изданий достигли беспрецедентного уровня («Аргументы и факты» — 30 млн экземпляров)². Многие деятели культуры выступали за разворачивание перестройки, но в то же время предупреждали о проблемах. Олег Табаков в интервью «Известиям» 18 августа 1987 г., говоря о необходимости восстановления демократии и законности, подчеркнул: «делом всеобщим, кровным делом каждого перестройка будет становиться по мере перемен в экономической сфере».

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СХВАТКИ

При Горбачеве был создан своеобразный «мозговой трест», куда вошли видные экономисты и политологи Т. Заславская, А. Аганбегян, Н. Петраков, Г. Шахназаров и др. Биограф Горбачева, Арчи Браун, пишет, что у Горбаче-

¹ См. В поисках истины. Интеллигенция провинции в эпоху общественных потрясений. Материалы научно-практической конференции. Пермь, 1999.

² Семенов И.С. Россия XX — начала XXI века. Культура и общество. С. 402–404.

ва не было конкретного института, который бы выполнял роль центра, не было программы действий, он искал ответы на вопросы в трудах Ленина¹. Горбачев пытался найти компромисс, предлагая определения «социалистического рынка», «социалистической конкуренции». Вспоминая то время в 1994 г., М.С. Горбачев сказал: «Моя задача была — продвигать политическую реформу, используя эти предпосылки, сориентировав их на демократическое гуманное общество. Тогда мы его обязательно называли социалистическим, мыслили в рамках социалистического выбора, потому что общество, в котором мы тогда жили, несло в себе какие-то элементы социализма»².

«Гласность, открытость, исчезновение зон, запретных для критики, эмоциональный накал в массовом сознании, особенно в молодежной среде, нередко проявляются и в постановке таких проблем, которые в той или иной мере “подсказаны” западными радиоголосами или теми из наших соотечественников, кто не тверд в своих понятиях о сути социализма», — так охарактеризовала ситуацию Нина Андреева, преподаватель технического ленинградского вуза, чье письмо «Не могу поступиться принципами» стало оцениваться как манифест неосталинизма либо как искренний призыв защитить социалистические идеалы³. В ответ на это письмо 5 апреля 1988 года в «Правде» был опубликован (без подписи) текст А.Н. Яковлева «Принципы перестройки: революционность мышления и действий». «Отказ от перестройки, даже ее отсрочка чреватые самыми серьезными издержками и для внутреннего развития нашего общества, и для международных позиций Советского государства, социализма в целом, — говорилось в передовице. — Разработана концепция, стратегия и тактика перестройки. Четко определены ее революционные принципы: больше демократии, больше

¹ *Перегудов С.П.* Политическая система России в мировом контексте. Институты и механизмы взаимодействия. М., РОССПЭН, 2011. С. 120.

² Интервью с М.С. Горбачевым. Май 1994 г.

Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2011/147/go6.html>

³ *Андреева Н.* Не могу поступиться принципами // Советская Россия. 14.03.1988.

социализма. Сегодня перестройка — социальная практика. Перестройка как образ мысли и действия все прочнее овладевает массами, все глубже входит в жизнь, определяя характер общественного сознания и практической работы»¹. Был отмечен вклад в перестройку интеллигенции: «В духовной жизни общества мощно и сильно зазвучал голос интеллигенции, всех трудящихся. Это — одно из первых свершившихся завоеваний перестройки. Демократизм невозможен без свободы мысли и слова, без открытого и широкого столкновения мнений, без “огляда” нашей жизни критическим взором. Наша интеллигенция немало сделала для подготовки общественного сознания к пониманию необходимости глубоких, кардинальных перемен. Она сама активно включилась в перестройку. Берет на вооружение лучшие традиции, созданные ее предшественниками, апеллирует к совести, нравственности, порядочности, отстаивает гуманистические принципы и социалистические нормы жизни»². Этот акцент на роли интеллигенции был сделан с учетом критических нападок, выраженных в письме Н. Андреевой.

В антиперестроечном манифесте дана характеристика двух течений — «альтернативных башен». Первое — леволиберальное, представители которого «утверждают, что мы, дескать, построили не тот социализм и что-де только сегодня “впервые в истории сложился союз политического руководства и прогрессивной интеллигенции”». Второе — «охранители и традиционалисты», которые стремятся «преодолеть социализм за счет движения вспять». «Традиционалисты» имеют несомненные заслуги в разоблачении коррупции, в справедливом решении экологических проблем, в борьбе против алкоголизма, в защите исторических памятников, в противоборстве с засильем массовой культуры, которую справедливо оценивают как психоз потребительства, но «не понимают исторического значения Октября»³.

¹ Принципы перестройки: революционность мышлений и действий // Правда. 05.04.1988.

² Там же.

³ Андреева Н. Указ. соч.

Это вызвало особую досаду «перестройщиков»: «Прежде всего, статья, хотел того автор или нет, направлена на искусственное противопоставление друг другу нескольких категорий советских людей. Причем именно в тот момент, когда единство созидательных усилий — при всех оттенках мнений — необходимо как никогда, когда такое единство — первейшая потребность перестройки, непереносимое условие просто нормальной жизни, работы, конструктивного обновления общества. В том-то и заключается принципиальная особенность перестройки, что она призвана объединить максимально возможное число единомышленников в борьбе против явлений, мешающих нашей жизни»¹. «Как нам быстрее возродить ленинскую сущность социализма, очистить его от наслоений и деформаций, освободиться от того, что сковывало общество и не давало в полной мере реализовать потенциал социализма?», — так ставил вопрос один из идеологов перестройки А.Н. Яковлев².

«Не могу поступиться принципами» был назван манифестом противников перестройки. Он был перепечатан многими газетами, особенно региональными, вызвал горячее обсуждение. Если позиция, выраженная в этом манифесте, была направлена против перестройки в целом, то многие критические выступления были акцентированы на экономических сюжетах и проблемах.

ДИСКУССИЯ О ПЫШНЫХ ПИРОГАХ

Отто Лацис, оппонируя статье Л. Попковой «Где пышнее пироги», писал: «Вы ведь сказали, что нельзя сочетать “план” с “рынком” (терминология, кстати, неточная, но прием для данного разговора Ваши слова, смысл их понятен). То есть по-вашему, можно построить такой механизм, и эффективность производства возрастет, и будут “пышнее пироги”, и Вы вроде бы не против такого механизма (хотя вроде бы и не за), но только это будет не социализм.

¹ Принципы перестройки: революционность мышлений и действий // Правда. 05.04.1988.

² Там же.

Ничего другого Вы не утверждаете. Дальше читатель сам додумается: капитализма мы во всяком случае не хотим, значит, придется отказаться от перестройки, а заодно и от “пирогов”? Так выходит?»¹. Лацис кое-в-чем соглашался с оппонентом, но пояснял: «Вы справедливо связываете вопрос об экономической реформе (и, добавлю от себя, обо всей перестройке) с вопросом о судьбах социализма. Тот социализм у нас получился, какой завещан Лениным, или не тот? Вы утверждаете, что тот, и ставите для убедительности восклицательный знак. Тот самый, и лучше, выходит, не сделать. А я считаю, пока еще не совсем тот, мы сделаем лучше»². В. Селюнин и Г. Попов ставили такую дилемму: «или немощное всевластие администраторов и неизбежный развал экономики — или перестройка с хорошими шансами на спасение»³. Л. Пияшева провела детальный анализ экономических проблем, поставленных в широко обсуждаемой статье «Где пышнее пироги?», делая выводы в пользу перестройки.

Эти дискуссии были в центре внимания общественности, статьи пересказывались и обсуждались, они создавали представления об иной экономической реальности, в которой действуют законы рынка, те самые законы, которые до того времени назывались «дикими», «стихийными», определявшими глубокое социальное неравенство западного мира. Подобно тому как в политике ставилась задача совместить демократию и социализм, в экономике предполагалось сочетать план и рынок. Постановления и законы о переходе предприятий на хозрасчет и финансирование, об индивидуальной трудовой деятельности, о совместных предприятиях, о кооперативном движении запускали рыночные механизмы. Появились первые миллионеры и первые нищие, а с 1992 г., после отмены ст. 209 Уголовного кодекса за бро-

¹ *Лацис О.* Зачем же под руку толкать? // Новый мир. — 1987. — № 7. Режим доступа: <http://www.agitclub.ru/gorby/glasnost/processlazis.htm>

² Там же.

³ Навстречу XIX Всесоюзной партконференции // Знамя. 1988. Июль. Режим доступа: <http://www.imckrp.newmail.ru/zhurn/zn88071.htm>

дажничество, — бомжи. Позже эти процессы получили название «дикого капитализма».

В те годы стала популярной частушка:

«Перестройка — мать родная.
Хозрасчет — отец родной.
На фиг мне родня такая?
Лучше буду сиротой!»

ИНОГО НЕ ДАНО?

В 1988 г. был издан сборник «Иного не дано» как наказ делегатам XIX партийной конференции. Ю. Афанасьев, редактор сборника, писал в обращении к читателю: «Эта книга, выпускаемая в свет накануне XIX Всесоюзной партконференции, послужит среди прочих усилий советских интеллектуалов делу революционного обновления нашей страны»¹. Авторы сборника А. Сахаров, М. Гефтер, Ю. Буртин, В. Селюнин, Т. Заславская, Л. Карпинский, Г. Попов, Г. Водолазов и др., по словам Г.Г. Водолазова, были «полны надежд и какого-то боевого азарта — скорей, скорей отодвинуть общество подальше от края пропасти — и на дорожку, где гласность, демократия, достойная жизнь»².

«Именно гласность должна создать в стране новый нравственный климат! Общепризнанно, что в этой сфере мы шагнули дальше всего. Все меньше запретных тем, мы начинаем видеть свое общество таким, какое оно было в прошлом и есть в настоящем. Люди должны знать правду и должны иметь возможность беспрепятственно выражать свои мысли. Развращающая ложь, умолчание и лицемерие должны уйти навсегда и бесповоротно из нашей жизни, — убеждал Сахаров. — Только внутренне свободный человек может быть инициативным, как это необходимо обществу»³. Он ставил вопрос о социальной справедливости, свободе,

¹ Афанасьев Ю. Несколько слов от редактора // Иного не дано. М., Прогресс, 1988.

² Водолазов Г.Г. Идеалы и идолы. Мораль и политика. История, теория, личные судьбы. М., Культурная революция. 2006. С. 519.

³ Сахаров А.Д. Необходимость перестройки // Иного не дано. <http://www.agitclub.ru/gorby/homosovet/saharov.htm>

отказе от имперских амбиций. Многие авторы, прежде всего М. Гефтер, настаивали на необходимости переосмысления пути и феномена Сталина. Сборник «Осмыслить культ Сталина» вышел в свет в 1989-м, включив работы таких авторов, как О. Лацис, Г. Лисичкин, Ю. Левада, В. Лапкин, В. Пантин, Л. Гозман, М. Гефтер и др. Сборник начинается словами: «Культ Сталина — одного из наиболее жестоких и своекорыстных диктаторов в истории человечества, и по сей день остается, пожалуй, наименее проясненной для общественного сознания и понятой им безмерной трагедией, которой отмечен XX век»¹. Книга приглашала читателя к дискуссии, призывала «осмыслить сталинистский феномен».

Авторы осознавали, насколько трудно перейти от оптимизма советской идентичности («Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек»), к пониманию «адской архитектоники той бесчеловечной машины тотального принуждения, нравственного обескровливания, интеллектуального опустошения и физического уничтожения народа»². Интерпретация прошлого становилась ареной борьбы, поскольку от нее зависела и трактовка настоящего, и сценарии будущего.

С. Туркин так объясняет, почему основной мишенью критики интеллектуалов стал сталинский период: «С одной стороны, власти явно были против того, чтобы “трогали” Ленина, поскольку сам Горбачев активно настаивал на том, что он реализует именно “ленинский стиль руководства”. С другой стороны, для большинства интеллектуалов Сталин на тот момент был намного более очевидной “мишенью”, чем Ленин: и вследствие масштаба осуществленных им политических репрессий, и потому, что именно он виделся основателем советского бюрократического режима, да и по привычке (так как большинство интеллектуалов тяготело к позиции “шестидесятников”）」³.

¹ Осмыслить культ Сталина. М., Прогресс. 1989. С. 5.

² Осмыслить культ Сталина. М., Прогресс, 1989. С. 6.

³ Сергей Туркин. «Вспоминание истории» в период перестройки: как процесс, и не только // Неприкосновенный запас». — 2006. — №3 (47). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/tu9-pr.html>

Представляется, что в характеристике позиции интеллектуалов следует учитывать, прежде всего, их гетерогенность и даже полярность. С. Кордонский предложил обращать внимание на то, что «интеллигенция делится на конфликтующие между собой группы, придерживающиеся разных авторских описаний одного исторического периода»¹. Чаще всего, она сама это осознавала. Так, Ю. Афанасьев в предисловии к книге «Иного не дано» специально отмечал: «Следует обратить внимание и на то, что авторы вообще выступают с разной степенью решительности и новизны — и это, безусловно, соответствует амплитуде настроений, существующей среди интеллигенции. Но, если быть честным, далеко не исчерпывает ее. Мы приглашали к участию в дискуссии — так уж получилось по понятным обстоятельствам — тех, кто действительно относятся к политике перестройки как к великому историческому шансу, которым мы все обязаны воспользоваться. За пределами книги остались, во-первых, противники перестройки. Мы хотели бы пригласить и их к участию в сборнике, но заранее были уверены, что они не откликнутся, не захотят откровенно изложить свои взгляды. Во-вторых, в книге не отражены мнения довольно многочисленных интеллигентов, кто смотрит на перестройку как на отрадную, но неизбежно недолгую оттепель, за которой опять придут холода. Итак, в книге не представлены негативные по отношению к перестройке мнения, как откровенно ретроградные, так и столь же откровенно скептические. Однако эти возражения, раздающиеся со стороны обеих флангов, ощутимы в ткани многих статей. Авторы ведут с ними полемику — такова реальная ситуация, в которой возник настоящий сборник»².

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

На основании проведенного в 1988 г. исследования социологи Л. Бызов и Н. Львов выделили в перестроечном «консен-

¹ Кордонский С. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.:ОГИ, 2006. С. 217.

² Афанасьев Ю. Несколько слов от редактора // Иного не дано. М., Прогресс, 1988.

сусе» «западников», «левых популистов», ориентированных на ценности обновленного социализма, «правых популистов», ориентированных на жесткий репрессивный порядок.

Многие западные исследователи анализировали влияние интеллигенции, интеллектуалов на российское общество в период перестройки. Так, К. О'Коннор в книге «Интеллектуалы и аппаратчики. Русский национализм и горбачевская революция»¹ зафиксировал новое разделение на западников и славянофилов на рубеже 1980—1990-х годов, считая раскол Союза писателей одним из важных моментов такого разделения.

О.Ю. Малинова характеризует сложившееся в период перестройки противостояние «новых западников» и «почвенников» по поводу ценностей, ориентаций, идей для новой России². Она замечает: из тезиса «наша дорога была дорогой в никуда» (выражение А. Ципко) делались разные выводы. «Западники» единодушно полагали, что нашей стране предстоит «нелегкое возвращение в цивилизацию... Их оппонентов, при всех их концептуальных расхождениях, объединяло убеждение в том, что Россия должна возвращаться на свой собственный особый путь, и ориентация на западные ценности и институты для нее вредна». О.Ю. Малинова предлагает объяснительную модель такого размежевания и постоянного воспроизводства идеологических схем: «В интеллектуальной среде, иссушенной и обедненной десятилетиями идеологической “нормализации”, просто не было ресурсов для выработки каких-то других, более сложных и многогранных конструкций». Исследователь предлагает рассматривать постсоветское «западничество» и «почвенничество» «не столько как продолжение вековой традиции, сколько как ее «мутацию» под влиянием советских практик.

«Интеллектуалы никогда не были политически едины, но примерно до 1988 года представители разных идеологи-

¹ O'Connor K. *Intellectuals and Apparatchiki. Russian Nationalism and the Gorbachev Revolution*. N.Y., Toronto, Oxford, 2006.

² Малинова О.Ю. *Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности*. М., РОССПЭН, 2009. С. 140.

ческих направлений достаточно часто, например, публиковались вместе. После этого — опять же вследствие ряда политических причин — интеллектуалы разбрелись по двум разным лагерям, — говорит С. Туркин. — Раскол был вызван, подчеркну, именно политическими причинами, когда выводы, сделанные в рамках тех или иных исторических исследований, становились элементом идеологической базы политических решений, которые принимала одна часть интеллектуалов и не принимала другая»¹.

Такой «не принимающей» ключевые идеи «новых западников» частью интеллектуалов стала группа писателей, сосредоточившихся вокруг журналов «Наш современник», «Москва» и «Молодая гвардия». В. Распутин, В. Астафьев, В. Белов, Ю. Бондарев и другие представители «почвенничества» периода перестройки считали опасным «левый радикализм», упрекали своих оппонентов, что те пренебрегают генетическим опытом страны и народа, плохо знают народ и не умеют с ним общаться. Сами они могли говорить на понятном языке, предлагая привычные метафоры для объяснения новых реалий. Анализируя судьбу демократии в России, В. Астафьев писал: «Ну не умеем мы, мы не научены иначе жить, и вся эта демократия русскому народу, что корове скаковое жеребячье седло. Он и сам, народ-то, словно телок, всю зиму, от самого рождения в хлеву проживавший на гнилой соломе, попав на весеннюю поляну, не может понять, что это такое, солнцем ослепленный, простором напуганный, не знает, то ль ему брыкаться и бодаться начинать, то ль спокойно пастись, щипать травку. Лежал всю зиму под теплым брюхом мамы-коровы, тянул ее усохшие сосцы аж до крови, и уютно ему в хлеву было, и безопасно, и тепло. А тут эвон че, на волю выгнали со слабыми-то ногами, без практики и желания жить на воле и самому кормиться»².

¹ Сергей Туркин. «Вспоминание истории» в период перестройки: как процесс, и не только // Неприкосновенный запас». — 2006. — № 3(47). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/tu9-pr.html>

² Астафьев В., Курбатов В. Крест бесконечный. Письма из глубины России. Иркутск, 2003. С. 397–398.

А. Проханов формулировал претензии оппонентам жестко: «Русским внушается комплекс неполноценности, их блокируют, устраивают судилища русской истории, русскому характеру, делают из них ответчиков за вселенскую катастрофу»¹. Проханов в 1990 г. создал газету «День», а после ее запрета возглавил газету «Завтра», где развивал эти оценки и суждения, став для одних «последним солдатом империи» (распадающегося Советского Союза), для других — человеком, чье имя неприлично называть в порядочном обществе в силу его националистических, ксенофобских, антисемитских взглядов. «Почвенников» рубежа 1980–1990-х объединяли опасения превращения России в марионетку Запада, его сырьевой придаток, они боялись разгула теневого капитала и стихийных рыночных сил. Исследователи считают, что «почвенники» так и не смогли предложить сколько-нибудь четкой политической программы и остались маргиналами². Характеризуя происходившие в России общественно-политические перемены, В. Курбатов писал В. Астафьеву 22 мая 1993 г.: «Виноваты мы тем, что позволили втянуть себя в это, что не были достаточно крепки душой, чтобы не поддаться общему безумию, не втянуться в нечистую воронку политики»³. «Мы» — означало «писатели», а шире — «интеллигенция».

«Все сколько-нибудь удачные реформы в России делались интеллигенцией, создававшей повестку, и властью, предоставлявшей полномочия, — пишет Д. Быков с позиций сегодняшнего дня. — Разумеется, на каком-то этапе интеллигенция с властью ссорится, и виновата в этом всегда власть, категорически не желающая понять, что интеллигент — хороший союзник и крайне опасный враг. Не сомневаюсь, что именно ссора с интеллигенци-

¹ Проханов А.А. Заметки консерватора // Наш современник. — 1990. — № 5. С. 86.

² Сазанов Д.С. Критика западного пути развития в журналах «почвеннической» направленности в эпоху «перестройки». Режим доступа: sisip.nkras.ru/issues/2011/3/sazonov.pdf

³ Астафьев В., Курбатов В. Крест бесконечный. Иркутск, 2003. С. 331.

ей погубила Хрущева, а во многих отношениях и Горбачева. Все лучшее, что происходило в России, все, чем она гордится до сих пор, было сделано интеллигенцией и властью если не совместно, то в состоянии кратковременной симфонии»¹.

«КАТАСТРОЙКА»

«С точки зрения той цели, которую ставил перед собой Горбачев, вовсе не хотевший отменять прежнюю социалистическую систему, а лишь ее модернизировать, он начал делать все абсолютно грамотно, — объясняет Л.И. Пияшева. — Он сразу же запустил в Союзе все политические свободы, он даровал народу политическую демократию, он ввел — и, в общем, без крови, если говорить в целом, в масштабе именно колоссального исторического процесса, — политические права и свободы — свободу слова, печати, митингов, собраний, демонстраций, многопартийность и т.д. [...] Это первое. Второе: поскольку Горбачев не ставил перед собой цели перехода от социалистической системы к капиталистической, он задал очень узкую систему координат для экономической реформы. В сущности, экономическую реформу он и не продумывал. Он исходил из того, что если государственным предприятиям дать большую экономическую свободу в рамках общественной собственности и при этом запустить еще и частный сектор, который у нас всегда подавлялся, то этого будет достаточно, чтобы экономическая жизнь тоже начала работать в нормальном режиме»².

Эти надежды не оправдались. «Народ разуверился во всем. Настроение гнусное. Магазины по-прежнему пустуют, особенно, промтоварные... Цены растут... Худые времена!», — это записи из дневника Льва Остермана, сделанные 23 февраля 1990 г.³ «Повысили цены на алкогольные напитки и ограничили их продажу. Опустили и без того

¹ Быков Д. Горби возвращается // Новая газета. 01.09.2010.

² Интервью с Л.И. Пияшевой. Апрель 1994.

Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2011/147/pi.html>

³ Остерман Л.А. Указ. соч. С. 99.

пустые магазины. Удлинились очереди. Подскочили цены на рынках. Дома, в очередях, в транспорте, на работе, на собраниях люди открыто поносили перестройку. Рассказывались бесчисленные анекдоты. Кто-то узнал, что слово “перестройка” на греческий язык переводится словом “катастрофа”. На этой основе возникло новое слово “катастройка”¹. Этот пассаж из романа Александра Зиновьева «Катастройка», опубликованный в 1989 году, достаточно точно отражает ситуацию конца 1980-х.

«Если в 1985–1986 гг. перестройка объединила вокруг себя практически все активные слои общества, стремившиеся к переменам, то спустя три-четыре года, разногласия между отдельными группами, каждая из которых видела “свой” путь перемен, становятся все более непримиримыми», — замечает Л. Бызов². Действительно, каким образом можно было примирить принципиально разные варианты российской идентичности? Россия — страна социализма, которому нужно придать «человеческое лицо», сделать гуманным? Россия — страна рыночного капитализма? Либеральная демократия? Социальная демократия? Страна «особого пути» развития? Каждый вариант идентификации предполагает свой сценарий развития.

И современники, и исследователи отмечают одинаковые тренды: «С 1989 г. идеи перестройки оказались приватизированы лишь радикальными прозападническими группами советской элиты и интеллигенции»³; «происходит стремительный переход этой части элиты на антикоммунистические, антисоциалистические позиции»⁴. В верхних эшелонах власти позиции усиливают сторонники рыночного пути, для них было важным распространение

¹ Зиновьев А. Катастройка.

Режим доступа: http://bookz.ru/dl2.php?id=21781&t=z&g=20&f=zinova06&a_id=2588

² Бызов Л. Указ. соч.

³ Бызов Л. Указ. соч.

⁴ Мишанова Е.В. Векторы эволюции идейно-политического спектра и идеологические предпочтения россиян // Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы. М., РОССПЭН, 2011. С. 68.

противопоставления Запада как «нормального», «цивилизованного общества» советскому как «ненормальному» и «тоталитарному». Зиновьев так охарактеризовал это противопоставление: «С началом горбачевской “перестройки” положение изменилось коренным образом. Оно изменилось не в том смысле, что вид страны и жизнь людей улучшились (они-то как раз ухудшились), а в том смысле, что взгляд высшего руководства на вид страны и жизнь людей ухудшился. Закончился первый период советской истории — период сокрытия недостатков. Начался новый период — период признания и обнажения недостатков. Причем недостатки стали обнажать не столько для своих граждан, которые об этих недостатках знали и без указаний начальства, сколько для Запада. Можно сказать, что началась оргия любования своими язвами и хвастовства ими перед Западом»¹. «Словотолчение о “терроризме”, “политическом раболепии народа”, “бескрылом социальном прозябании”, “нашем духовном рабстве”, “всеобщем страхе”, “засилии хамов у власти”» отмечала как элементы «обнажения недостатков» Нина Андреева.

Поляризация по вопросам приемлемости реформ происходила во всем обществе. Если в начале перестройки разлом был, в основном, поколенческим — между молодым поколением, принимавшим перестройку, и старшим — считавшим, что критика советского общества перечеркивает всю его жизнь, то по мере осуществления реформ и усиления антикоммунистического их настроения раскалывалась общность людей одного поколения и одной страны. Раскол проходил в семьях и в рабочих коллективах, где одни члены семьи принимали перестройку, а другие проклинали ее. На нашей кафедре одни «либералы» и «западники» становились ярыми сторонниками коммунистической идеи, другие — русофобами. После обсуждения учебных проблем на заседаниях кафедры начинались политические баталии. Чтобы смягчить обстановку, мы с мо-

¹ Зиновьев А. Катастрофка.

Режим доступа: http://bookz.ru/dl2.php?id=21781&t=z&g=20&f=zinova06&a_id=2588

лодыми коллегами инициировали на неформальной части мероприятий петь песни. На удивление, инициатива была поддержана, песни пели традиционные — 1940—1950-х годов. Когда через несколько лет я участвовала в семинаре в Хорватии, обнаружилось, что хорваты тоже поют песни военных лет, партизанские песни. Это оказалось тем многим, что продолжало объединять расколотую страну.

ХРУПКИЙ ЦВЕТOK ДЕМОКРАТИИ

С.П. Перегудов фиксирует резкую смену «в настроениях демократической интеллигенции, идейно-теоретическая гегемония которой в тот период была почти абсолютной. На место увлечения социал-демократией и, особенно, шведской ее моделью, очень быстро приходит еще более сильное, почти повальное увлечение неолиберальными идеями и теориями»¹. «В условиях краха советской системы неолиберальной идеологии удалось предстать в качестве самоочевидного, неидеологического обобщения универсального общечеловеческого опыта»².

Интеллигенция фиксировала наступление мира бездуховности, гибель духовной мощи России, агонию интеллигенции³. А. Солженицын в размышлениях «Как нам обустроить Россию» предупреждал: «Разумное и справедливое построение государственной жизни — задача высокой трудности, и может быть достигнуто только очень постепенно, рядом последовательных приближений и нащупываний. Эта задача не угасла и перед сегодняшними благополучными западными странами, надо и на них смотреть глазами не восторженными, а ясно открытыми, — но насколько ж она больней и острее у нас, когда мы начинаем с катастрофического провала страны и разученности людей»⁴.

¹ Перегудов С.П. Политическая система России... С. 124.

² Морозов В.Е. Россия и Другие. Идентичность и границы политического сообщества. М., Новое литературное обозрение. 2009. С. 540.

³ Васильев Б. И все же я уверен, что Россия привержена добру // Известия. 15.06.1990.

⁴ Солженицын А. Как нам обустроить Россию. Специальный выпуск. Брошюра к газете «Комсомольская правда» от 18 сентября 1990 г.

Начало 90-х отмечено «войной амбиций» между Горбачевым и Ельциным, трагедией в Вильнюсе, глубоко потрясшей интеллигенцию. Национальные проблемы становились самыми острыми, многие до сих пор считают, что убийства в Тбилиси, Баку и Вильнюсе — на совести Горбачева. Митинг Демократической России в поддержку Литвы против использования военной силы в гражданских конфликтах собрал на Манежной площади 300 тыс. человек. «Чертовски приятно находиться среди единомышленников и видеть интеллигентные, одухотворенные лица», — записывал Остерман 20 января 1991 г.¹ Над толпой лозунги «Реакция не пройдет», «Горбачева в отставку» и «Ельцин!»

Такие же лица были вокруг Белого дома в августе 1991 г., во время путча. Атмосфера, настроения, романтизм, надежды тех дней описаны во множестве воспоминаний, очерков, рассказов. Я слышала подобные рассказы от своих московских коллег и друзей, прежде всего от Юрия Антоновича Борко, профессора, доктора исторических наук, для которого, как и для многих других, этот эпизод в жизни стал одним из ключевых.

Слушая эти рассказы, я заражалась настроением своих собеседников, но всегда вспоминала и свои августовские впечатления. Мы жили летом с детьми в сельской местности и по справке из сельсовета имели право покупать две буханки хлеба через день. Хлеба в свободной продаже не было. Купить его можно было только в одном магазине на колхозной площади сразу после открытия, выстояв огромную очередь. В дни путча я испытывала раздражение, что люди в поселке активнее обсуждают перспективы урожая, чем события в Москве. Впрочем, победой над путчистами они были довольны. На площади перед магазином по советским традициям громко вешало радио. И где-то через неделю после путча, стоя в очередной раз в многочасовой очереди за двумя буханками по справке, я испытала ощущение какой-то неправды от громких реляций о победе демократии и понимание

¹ Остерман Л.А. Указ. соч. С. 136.

правды сельчан, беспокоящихся об урожае. Немецкие исследователи демократии любят сравнивать ее с хрупким цветком, который нуждается в постоянном и длительном уходе. Еще хорошо его выращивать на сытый желудок.

Верховный Совет СССР, начавший работу 26 августа 1991 г., начался с обсуждения того, чем депутаты занимались в дни путча. 22 августа 1991 г. Указом Президента РСФСР Б. Ельцина в качестве Государственного флага утверждено трехцветное полотнище, 23 августа — приостановлена деятельность КПСС, а 6 ноября прекращена. Многие коммунисты осенью 1991 г. напоминали, что они тоже были у Белого дома в дни путча, защищая демократию, объявившую их вне закона. Союзные республики объявляли о независимости, экономические связи рушились, бушевали национальные войны на Кавказе. Назначенный вице-премьером Е.Т. Гайдар охарактеризовал экономическую ситуацию «хуже плохой». Беловежские соглашения были восприняты в обществе с недоумением и тревогой.

Тем, кто не жил в это время, трудно представить ситуацию. В мирное время огромная страна переживала состояние, которое обычно бывает только в военные годы. Думаю, что большинство современных молодых людей не поймут невеселую шутку тех лет: «Хозяин спрашивает гостя: “Вам руки помыть с мылом или чай подать с сахаром?”» На тот момент и мыло, и сахар были предметами острого дефицита. Люди получали около 26 талонов на разные виды продукции. «Отovarить» талоны становилось труднейшей проблемой.

Лично для меня это время совпало с первой поездкой на Запад. Это была стажировка в Оксфорде в ноябре—декабре 1991 г. в рамках программы обмена между Пермским и Оксфордским университетами. Конечно, меня многое поразило в Оксфорде и в Британии в целом, которую до поездки я изучала по книгам и печатным СМИ. Шок и жгучее чувство стыда за свою страну я испытала не в супермаркете и не в ресторане, а в скромной квартирке британской пенсионерки, свекрови Мэри Макколи. Бывшая учительница была крайне недовольна правительством консерваторов,

которое выделило ей бесплатно небольшую квартирку в специально построенном доме для пенсионеров на окраине Манчестера. Квартирка — спальня и гостиная комната. Далеко от центра. Мебель типовая, предназначенная для пожилых людей. Ванна — низкая и с широкими краями, чтобы пожилой человек мог забраться в нее самостоятельно и без риска. Шнур с ручкой, висевший в центре квартиры, на чрезвычайный случай. Если пожилой человек чувствовал себя плохо, он не должен был вставать, чтобы не создавать риска ухудшения состояния. Его задача была доползти до этого шнура и дергать ручку. И на табло в социальной службе загорался огонек, после чего незамедлительно приезжала скорая помощь.

Пожилая леди спросила меня, есть ли у меня бабушка, как она топит дом, где берет воду. Ответы — «дровами», «в колонке на улице» привели ее в раздумье. После чего она спросила: «А у нее есть такая доска для стирки?» Я ответила, что у бабушки есть стиральная машина. Моя собеседница была счастлива и просила меня беречь бабушку. Я не стала объяснять даме, что полоскать белье после стирки нужно на ближайшей колонке и в любую погоду.

Прошло двадцать лет, и я не без горечи прочитала в книге Фрэнсиса Тэпона его впечатления о современной России, в которых существенное место отводится описанию поездки в Псковскую область и условиям жизни деревенских стариков. Он рассказывает, но уже американскому читателю, как 80-летние старики воду берут в колодце на улице, а печь топят дровами. Это одно из самых грустных мест в искрометной книге Тэпона. И горестно, что двадцать лет перестройки и реформ в обустройстве жизни на селе не так уж много изменили

После Оксфорда в декабре 1991 я возвращалась на Родину. Москва произвела шокирующее впечатление. Мой мудрый коллега Валентин Владимирович Песчанский предупреждал меня, что возвращаться из Европы в Россию — все равно, что переключать телевизор с цветного на черно-белый. В декабре 1991 мне казалось, что остался только черный цвет. Грязные улицы, черные лужи в пу-

стых магазинах, толпы людей в очередях, сжимающих в руках талоны и пытающихся их отоварить до конца года. Всеобщее ожесточение и озлобление.

Еще один штрих по поводу идентификации и имиджей. Наша оксфордская коллега была чрезвычайно строга с нами. Первую неделю она настолько занимала все наше время, что мы даже не могли рассмотреть Оксфорд. Только к концу стажировки она смягчилась и объяснила, что «хотела показать русским, как надо работать». Оказывается, она была раздражена тем, что во время ее визита в Пермский университет ее постоянно угощали всякими вкусными вещами, а преподаватели распивали с ней чай, вместо того чтобы вести занятия. Ей в голову не приходило, каких трудностей стоило преподавателям собрать в складчину понемножку масла, яиц, муки, чтобы испечь вкусности к чаю, и какое мастерство они проявляли, чтобы отрегулировать расписание и оказать уважение первому в истории университета зарубежному гостю (Пермь стала открытым для иностранцев городом только в период перестройки).

В это состояние «выживания» мое поколение оказалось погружено на долгое время. С другой стороны, когда нас начинают пугать кризисом, я говорю: «Мы переживали и не это». Мой американский коллега из Йельского университета недавно сказал по поводу нынешнего кризиса: «В России легче переживают кризисы. Русские к ним привыкли».

Как пели в перестроечные годы:

«Голь на выдумки хитра.
Сварим суп из топора.
Листиком прикроемся —
Вот и перестроимся».

Намного тяжелее оказывается состояние кризиса политического, нравственного, морального. Беловежские соглашения далеко не сразу были осознаны обществом как судьбоносные. Какое-то время казалось, что это всего лишь политические игры, которые не изменят судьбу страны.

«Мы все не выходим из политического театра. С головой погрузились в сумятицу споров... То, что с нами про-

исходит, тягостно», — обращался к читателям Даниил Гранин. «Те, кто думает, что, круша направо и налево все, что вчера ценили и уважали, они укрепляют демократию, заблуждаются. Своим цинизмом они убивают дух людей и вытаптывают почву, на которую в конце концов придут “наши”, жириновские, “Память” с их национал-патриотизмом... Чтобы выжить, надо сказать: “Хватит”. Хватит вгонять людей в панику, — призывал он. — Во что теперь верить? Не знаю. Знаю только, что есть простые ценности»¹. Статья называлась «Собраться с духом, чтобы выжить». «Выживание» стало ключевым словом в последующие годы.

«Заканчивалась советская эпоха в истории страны, — резюмирует И.С. Семененко. — За короткий по историческим меркам период, охвативший менее шести лет, было пересмотрено и во многом перечеркнуто наследие семидесятилетней истории советского периода»². Надо ли удивляться, насколько трудно складывалась новая идентичность — страны, общества, личности, и даже определение эпохи последующих — девяностых годов.

«ДЕВЯНОСТЫЕ» КАК СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Историзация политики, политизация истории

«Если первое десятилетие постсоветского времени отличалось новой политизацией истории, то на следующем этапе стали заметны приметы историзации политики», — точно характеризует эпоху Т. Филиппова³. Она рассматривает эти процессы на примере обновления в 2000-е годы стилистики власти и государства, историческом наполнении исследовательских оптик национального, государ-

¹ Гранин Д. Собраться с духом, чтобы выжить // Известия. 19.12.1991.

² Семененко И.С. Россия XX — начала XXI века. Культура и общество. С. 425.

³ Филиппова Т.А. «Российская нация» и ее история: перезагрузка смыслов // Национальные истории на постсоветском пространстве. П.—М., Библиотека либерального чтения. 2009. С. 84.

ственного и гражданского, фиксирует изменение научного «ландшафта» исторического знания в сторону большего спокойствия и сглаживания рельефов в отличие от конца 1980—1990-х, отмеченных серией скандальных разоблачений, острых публикаций, гневных инвектив на тему большевистского террора, сталинских репрессий¹.

Однако, если собственно научный «ландшафт» и стал спокойнее, то «рельеф» общественно-политических дискуссий, в особенности по отношению к предшествующему новому режиму десятилетия, напротив, становится «сейсмоопасным». Применительно к 1990-м годам в современной России сегодня используются определения «лихие», «тяжелые», «ужасные». «То, через что страна прошла в 90-е годы, сопоставимо с другими самыми значительными катаклизмами в истории нашей страны — со смутой XVII века, с наполеоновским нашествием, с гитлеровской агрессией и с гражданской войной. Потому что каждый раз стоял вопрос: быть или не быть самой стране, быть или не быть народу. А если сравнивать разрушения и ущерб, который был причинен народу, экономике в течение девяностых годов, то ясно надо подчеркнуть, что все это сопоставимо с потерями в Великой Отечественной войне», — сказал Патриарх Московский и всея Руси Кирилл на состоявшейся 8 февраля 2012 г. встрече Владимира Путина с представителями традиционных религий России². Патриарх поблагодарил Путина за вывод России из кризиса «тяжелых девяностых годов». Проблематика «лихих 90-х» в ходе президентских выборов 2012 г. поднималась в ряде фильмов о Путине с выразительными названиями «Спасти Россию», «Мост над бездной» и др.

«Символический ресурс 90-х использовался по-разному в разных ситуациях. В начале 2000-х годов, по выражению Г. Зверевой, потребовалось «создать маркер “другого времени”»³. Она цитирует статью профес-

¹ Там же. С. 91.

² http://newsru.com/religy/08feb2012/pa_pu.html

³ Зверева Г. 1990-е: запомнить... и забыть // Отечественные записки. — 2008. — № 5. С. 153.

сора В. Калашникова в Санкт-Петербургских новостях (2001), который призывал «преодолеть разрушительный антипатриотический пропагандистский багаж прошлого десятилетия»¹. Историк считает, что «перевести стрелки всех бедных и недовольных на 1990-е, обеспечив теперешнее согласие — это стратегия властей и пиарщиков, журналистов, официозной профессуры (А. Филиппов, Л. Поляков)»: «Отнюдь не профессионалы, а совсем другие, те, кто получают заказ говорить от имени государственной власти и писать “так, как нужно России”, обладают высшим правом на производство “правильного” исторического и социального знания, призванного стать нормативным для общественного сознания»². В другой своей статье Г. Зверева пишет, что роль «интеллектуалов “на содержании”» сводится к соучастию, которое включает в себя разные формы субординационного сотрудничества с властью»³.

Другие авторы сетуют, что «историк может быть совершенно “независим”, так как от него ничего не зависит». «В современной России научное сообщество отключено от политической элиты (с последующим впадением в нищету значительной части научных работников), — с горечью замечает А. Шубин. — Чтобы спастись от бедности, часть научного сообщества пытается сочетать собственно научную деятельность с коммерческой, по сути, публицистической. Но тут ученый проигрывает публицисту, так как последний — свой в системе СМИ и развлекательной литературы, а историк — чужак, носитель совершенно другого речевого жанра»⁴. И все же у интеллектуалов существует возможность разоблачать

¹ Зверева Г. 1990-е: запомнить... и забыть // Отечественные записки. — 2008. — № 5. С. 156.

² Там же. С. 167.

³ Зверева Г. Построить матрицу: дискурс российской власти в условиях сетевой культуры.

Режим доступа: <http://polit.ru/research/2007/04/11/zvereva.html>

⁴ Александр Шубин. Историческая наука в эпоху нео-Возрождения (штрихи к истории современной России) // Неприкосновенный запас. — 2006. — № 3 (47).

Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/sh20-pr.html>

миф, формировать альтернативную информационную сетевую среду, в которой будет формироваться альтернативный политический дискурс¹. «Важность роли интеллектуалов в процессе “вспоминания истории” определяется тем, что они не просто вспоминают историю — они дают оценку ее персонажам. Причем, прежде всего, нравственную оценку»².

Применительно к 90-м проблема заключается не только в стремлении власти и близкого к ней круга драматизировать 1990-е — в выступлениях М. Леонтьева, Л. Бызова, Г. Ильичева, а позже — в посланиях президента Путина, где зафиксирована «общественная травма» в 1990-е, «социальная болезнь», «выпадение» из разряда нормальных стран с тем, чтобы оценить 2000-е как возвращение в этот разряд³. «Девяностые» в силу переломного характера периода стали одновременно реальным историческим временем и символическим пространством. На его восприятии и оценке сказывается специфика личностных переживаний времени, способности адаптироваться тем или иным образом. Ключевое значение для интерпретации десятилетия имеет политическая конъюнктура. Готовя к изданию том «Намедни», посвященный 1990-м, в 2010 г. Леонид Парфенов писал: «Теперь уже дурной тон называть 90-е только «лихими». Определение вошло в середине «благословенных» 2000-х и прожило до кризисного 2008-го, неприлично похожего на кризисный 1998-й. После этого стали легко находиться другие параллели»⁴.

Между тем в выступлении В.В. Путина на съезде Единой России в ноябре 2011 г. применительно к 90-м

¹ Миллер А.И. Нация как рамка политической жизни // Наследие империй и будущее России. М., ООО «Новое литературное обозрение». 2008. С. 501.

² Сергей Туркин. «Вспоминание истории» в период перестройки: как процесс, и не только // Неприкосновенный запас». — 2006. — № 3(47). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/tu9-pr.html>

³ Зверева Г. 1990-е: запомнить... и забыть // Отечественные записки. — 2008. — № 5. С. 159–160.

⁴ Парфенов Л. Намедни. Наша эра. 1991–2000. М., КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2010. С. 6.

использованы выражения: «Такого вообще в истории не было — по сути, “убили” и промышленность, и сельское хозяйство, и социальную сферу. В самое сердце России вонзили нож гражданской войны, довели до крови на Северном Кавказе и тоже, по сути дела, поставили, подвели страну к катастрофе, к пропасти»¹. Как язвительно заметил один из оппонентов, «у единороссов нет ни одного аргумента в свою пользу, кроме того, что в 1990-е было хуже, чем сейчас»². В предвыборной статье о гражданском обществе Путин дал еще более жесткие определения 90-х: «В результате в 90-е годы под флагом воцарения демократии мы получили не современное государство, а подковерную борьбу кланов и множество полуфеодальных кормлений. Не новое качество жизни, а огромные социальные издержки. Не справедливое и свободное общество, а произвол самоназначенных “элит”, откровенно пренебрегавших интересами простых людей»³.

Парфенов признается, что при пролистывании сверстанного тома про 90-е становилось жутковато. Но задается вопросом: «Где были деятели 2000-х в 90-х? Таились, носа на улицу не показывали? Душили слезы, кусая подушку?... Всякому, кто тогда что-нибудь сделал, сделанное уберег и сам уцелел, впору медаль давать “Пережившему 90-е”»⁴. Вместе с тем он отмечает чрезвычайную плотность десятилетия, его «густоту», вместившую в себя множество разноплановых событий и процессов, густоту, в которой для каждого могут быть свои маркеры идентичности.

«КАКОВА НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЦЕЛЬ?»

Вступая на пост Президента Российской Федерации, Борис Ельцин говорил: «Великая Россия поднимается с колен! Мы обязательно превратим ее в процветающее,

¹ <http://www.premier.gov.ru/events/news/17248/>

² http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/11/111128_putin_speech_analysis.shtml

³ *Путин В.* Наше гражданское общество стало несравненно более зрелым, активным и ответственным // Коммерсант. 06.02.2012.

⁴ *Парфенов Л.* Указ. соч. С. 11.

демократическое, миролюбивое, правовое и суверенное государство. Уже началась многотрудная для всех нас работа. Перейдя через столько испытаний, ясно представляя свои цели, мы можем быть твердо уверены: Россия возродится!»¹ Он демонстрировал убежденность, что большая часть российского общества ощущала финал советского периода истории, а слово «советский» исчерпало свой ресурс. В «Записках президента» Ельцин говорил, что с крахом путча закончился XX век, поскольку рухнула последняя империя². «Советская империя окончательно отделилась от образа Родины. Россия — от СССР»³. Это помогало ему объяснить Беловежское соглашение: «Россия вступала на мирный, демократический, не имперский путь развития. Она выбирала новую глобальную стратегию»⁴.

Диаметрально противоположная оценка происходящего была выражена коммунистами и национал-патриотами: «разрушение единого отечества», «чудовищный обвал страны, кровавые войны, предательство, «насаждение русофобии и чувства вины русского народа», разделенный народ, угроза исчезновения русских как нации, «людоедские идеи Ельцина», направленные на искоренение патриотизма («патриотизм как последнее прибежище негодяев»). Современники фиксируют чувство растерянности, утраты идентичности: люди проснулись в другой стране, а миллионы бывших советских граждан — в чужих странах, не желавших признавать их «своими».

Ельцину пришлось объясняться по поводу соотечественников, россиян, и он пообещал в 1992 г., что 25 млн россиян не будут забыты Россией⁵. Однако проекты двойного гражданства не были успешными, попытки разработать концепцию соотечественников отражены в ряде документов, но

¹ <http://www.constitution.exposokol.ru/content/view/992/502/?lang=russian/>

² Ельцин Б. Записки президента. М., Огонек. 1994. С. 38.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же. С. 88.

⁵ Там же. С. 243.

официально до 2001 г. она не была принята, инструменты поддержки соотечественников не работали¹. По отношению к проблемам проживающих в новых независимых государствах людей, до недавнего времени бывших гражданами России, царил, по определению И.А. Зевелева, полный хаос.

Из экономических проблем одной из самых трудных для правительства Ельцина было обоснование шоковой терапии. Ее стали называть «шоком без терапии». Ельцин пытался объяснить: «Роль Гайдара заключалась в том, чтобы резко поднять парализованную экономику, заставить работать ее жизненные центры»². Работать правительству приходилось «в ужасающей моральной обстановке, когда удары сыпались один за другим, когда стоял непрерывный свист и гвалт в прессе и парламенте»³.

«Российские ученые, оценивая экономические и социальные последствия “реформ” 90-х гг., обычно прибегают к аналогиям. Один вспоминает разруху после Второй мировой войны, другой говорит о “геноциде”, третий сравнивает с разрушениями после “средней мощности ядерного удара”, — писал С. Коэн. — По моим наблюдениям, слова типа *крах, распад, трагедия* гораздо чаще приходят на ум большинству россиян, нежели слово *переход* (курсив Коэна. — Л.Ф.), если только оно не означает переход от состояния кризиса к состоянию катастрофы»⁴.

Стив Коэн считает губительным для России «официальное американское убеждение, подхваченное журналистами, учеными и пр., что Россия после 1991 г. есть страна, готовая, жаждущая и способная превратиться в подобие Америки. Результат — огромного масштаба человеческая трагедия и беспрецедентная в истории дестабилизация ядерной державы»⁵. В результате толпы американских «политических миссионеров» наводнили

¹ Там же С. 273–274.

² Ельцин Б. Записки президента. М., Огонек. 1994. С. 138.

³ Там же. С. 144.

⁴ Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М., АИРО-XX. 2001. С. 55.

⁵ Коэн С. Указ. соч. С. 13.

Россию в первой половине 1990-х, они одобрили расправу Ельцина с парламентом, считая допустимыми методы, неприемлемые на Западе¹.

По инерции перестроечной эпохи ее рупор Отто Лацис в статье «Чего нам бояться завтра?» пытался поставить ключевые вопросы: «Какова наша общественная цель, наша “национальная мечта”? Мне кажется, что построение капитализма годится на эту роль не больше, чем попытки реанимации “коммунистической перспективы”. Нам нужен свой эквивалент американской идеи Великого общества — общества, достойного человека, а не заранее предписанные “измы”»². «Меньше всего я хотел бы сейчас заниматься критикой начавшихся в 1992 году реформ и обвинять наших реформаторов в том, что они делали не то и не так. Жизнь заставила их искать способы соединения либерализма и демократии, частного интереса и интересов большинства, что проявилось не только в выпуске ваучеров, но и в попытках соединить либерализацию и приватизацию с государственной поддержкой неконкурентоспособных предприятий и с налогами, размеры которых не снились самым ярым социалистам», — говорил И. Клямкин³.

В дневниках Льва Остермана описывается и беспрецедентное повышение цен, и появление невиданных товаров на витринах магазинов. За период пребывания Ельцина у власти цены поднялись в среднем в сто раз. Одно дело — статистика, другое — личные впечатления. В середине 1990-х мне вдруг понадобилась сберкнижка, чтобы получить небольшой гонорар за публикацию. Я не обращалась в Сбербанк с 1991 года, поскольку откладывать какие-либо средства возможности не было. В 1991 на счете лежало 120 рублей, моя месячная зарплата на тот момент.

¹ Там же. С. 50–51.

² Известия. 24.02.1992.

³ Клямкин И. Новая демократия или новая диктатура? // Новый Мир». — 1995. — № 4.
Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/4/klyamk-pr.html

В 1995-м кассир долго вела пересчет, исписала несколько страниц, и в итоге получился 1 рубль 06 копеек, что было недостаточно для оплаты проезда в автобусе.

Я помню, как университет перестал получать средства на оплату коммунальных услуг, и в аудиториях зимой было так холодно, что студенты слушали лекции в пальто и перчатках. Мне же казалось неприличным читать лекции в пальто. Но экзамен в зимнюю сессию приходилось принимать в пальто, каждый час отлучаясь на пять минут, чтобы потопать застывшими в аудитории ногами. Любопытно, как какие-то штрихи нового времени перекликаются в разных источниках. Парфенов в «Намедни» говорит о вкладышах в жевательные резинки как о новинке; учитель Айзерман приводит цитаты из сочинений старшеклассников, которые делали бизнес на продаже этих вкладышей. Жевательную резинку и куклы Барби вспоминают как счастливые фрагменты детства блогеры на сайте «Любовь и ненависть к 90-м». Дети всегда чувствительней взрослых к переменам. Для меня камертоном изменившихся времен стал рассказ моего молодого коллеги Олега Подвинцева о том, как его дети-погодки оценивают ситуацию. От вопроса: «Это — дефицит?», дети перешли к вопросу «Папа, у тебя есть деньги?»

Немного жаль, что не пришло в голову вести дневник, как это делал Остерман. Его подход мне представляется близким, поскольку он сочетает анализ ключевых событий времени с вниманием к повседневным вещам.

Работая учителем в школе, Остерман считал, что прожить, в принципе, можно, и беспокоился больше о вещах нематериальных, в том числе об ответственности интеллигенции. «Разъяснительскую, популяризаторскую, “идеологическую работу” в масштабах всего государства должна бы, на мой взгляд, взять на себя либеральная интеллигенция, рассматривая эту работу как историческое на данный момент свое призвание», — писал он в сентябре 1992 г.¹

¹ Остерман Л. Интеллигенция и власть в России. С. 218.

ВОПРОС ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРИЗВАНИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Либеральная интеллигенция выступила с обращением к народу и властям «Нет ползучему перевороту», в котором говорилось: «У творческой и научной интеллигенции — свои надежды на реформы и, соответственно, свои счета с теми, кто готовит им провал». Вместе с тем обращалось внимание на губительные условия для литературы, науки и искусства в условиях перехода к рынку¹.

Тем не менее в первой половине 90-х возобновляется интеллигентский дискурс, активизируются дискуссии об интеллигенции как в толстых журналах, так и в повседневной жизни. «Российская интеллигентская традиция не умерла, — рассуждал Остерман летом 1993 г. — Я даже думаю, что интеллигентных людей в России теперь больше, чем было до революции. Даром ли сборники стихов Пастернака или Самойлова и книги Эйдельмана расходились колоссальными тиражами за несколько дней?! Просто в массе “образованных” эти люди не очень заметны — не толкаются, не шумят»². Однако его беспокоило изменение моральных критериев, всеобщее устремление к материальному благополучию, натиск западной поп-культуры, которые, по его словам, иссушивали почву для возрождения интеллигенции. Он старательно выписывал из прессы того времени статьи, в которых ставился вопрос об интеллигенции. А. Борщаговский в статье «Речь на похоронах интеллигенции» выражал схожие мысли: «Когда тебя угнетает бесстыдное и вульгарное торгашество..., может показаться, что дело полуголодной (и голодной тоже!) интеллигенции проиграно... Убежден, что интеллигенция выйдет из исторического испытания более здоровой и сильной»³.

На 1993–1994 годы приходится пик дискуссий в «Новом мире» об интеллигенции. Подавляющее число ста-

¹ Известия. 26.10.1992.

² Остерман Л. Указ. соч. С. 260.

³ Там же. С. 272.

тей в рубрике «Публицистика» было посвящено этой проблематике. Не меньше, чем обсуждению версий событий октября 1993 г., роспуска парламента с обстрелом Белого дома. И вновь обращение интеллигенции — письмо 42-х — с призывом распустить коммунистические и националистические партии, фронты и объединения, закрыть СМИ, призывающие к насилию и возбуждающие ненависть. С этого момента усилились нападки на Ельцина, обвинения его в претензиях на единоличную власть, в подрыве уважения к праву.

Дмитрий Быков в биографическом романе о Булате Окуджаве воспроизводит атмосферу времени как лет, обернувшихся последним и уже смертельным разочарованием для его героя: «Последние остатки дисциплины, державшие общество в рабочей форме, рушились. Разгуливались худшие инстинкты. Собственного стержня у страны не оказалось — на его месте давно была труха... Бушевала больная и расколотая страна, горели окраины»¹. Живописуя страдания своего героя с связи с организованной против него травлей за подписание воззвания 42-х, Быков утверждает: «Не было ошибки, которую не сделала бы в 1992–1993 годах российская власть, начавшая свое триумфальное шествие развалом СССР, который будет нам аукаться еще не одно столетие, и завершившая его воцарением рыцарей плаща и кинжала из так и не реформированного лубянского ведомства. Хуже этой власти были только ее оппоненты — именно потому их апелляции к закону и гуманности выглядят так гротескно: см., например, романы А. Проханова «Красно-коричневый» или Ю. Бондарева «Бермудский треугольник», посвященные событиям 1993 года. И, наконец, в заложниках у этой власти была вся творческая интеллигенция, которой за поддержку творящихся на руинах СССР безобразий была дарована всего-то нормальная возможность работать: свобода слова и передвижений по свету»².

¹ Быков Д. Булат Окуджава. М. С. 513–514.

² Там же. С. 517.

НОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ НОВАЯ ДИКТАТУРА?

Одним из самых распространенных сюжетов, поднимаемых интеллигенцией, был и остается вопрос о том, есть ли в России демократия. И.М. Клямкин ставил этот вопрос в серии публикаций 1994 г. как альтернативу: новая демократия или новая диктатура¹. Он связывал поиск ответа с проблемой собственности, приватизации и роли номенклатуры в этом процессе. Отмечал, что после событий 4 октября 1993 года прежнее деление на «демократов» и «недемократов» потеряло смысл. «Развитие российской демократии до сих пор представляло собой развитие... кризиса демократии, — не без эстетского кокетства заявлял он. — Сейчас можно говорить о третьем этапе становления демократии и — соответственно — о третьей волне кризиса. Первая была вызвана тем, что идея демократии пришла к нам необычным путем... суть кризиса первого этапа — в несовместимости коммунизма и демократии. Хронологически он охватывает период с весны 1989-го (время первых относительно свободных выборов) до августа 1991-го. Вторая волна кризиса — с августа 1991-го по октябрь 1993-го — связана с тем, что парламентаризм на данном этапе развивался в советской форме»². С 1993 г., на его взгляд, начинается новый этап кризиса, так как не работает Конституция, наблюдаются несогласованность исполнительной и законодательной властей, слабость судебно-правовой системы.

Одни авторы стремились обвинить Ельцина и его режим во всех бедах. Михаил Леонтьев писал в августе 1994: «Развал коммунистической империи оставил Россию без государства. Сегодня у нас практически отсутствуют институты и структуры, готовые выполнять единственную неотъемлемую функцию государственной власти — обеспечение легального правопорядка. Многочисленные

¹ Клямкин И. Новая демократия или новая диктатура? // Новый Мир». — 1995. — № 4.

http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/4/klyamk-pr.html

² Там же.

псевдогосударственные учреждения занимаются административной торговлей, уступив монополию на правосудие организованным бандитским группировкам. Вакуум реальной государственной власти является основным препятствием не только политического, но и экономического развития России»¹. Правда, он призывал перестать «неустанно ностальгировать и скорбеть по утраченной, сгнившей “великой империи”, оставив это “трудоемкое” и “плодотворное” занятие профессиональным публичным плакальщикам из стана коммуно-шовинистов. Формирование русского национального государства произойдет только в результате преодоления имперского наследия»². Писигин размышлял: «В один день с политической карты ушла в прошлое “страна героев, мечтателей и ученых”. Покончили с тоталитарным коммунистическим режимом. Настала пора строить новый порядок — цивилизованный, демократический. Но кто строители и что за материал? Материал — это мы, оставшийся от той несуществующей страны народ. А строители — это те из нас, кто взялся нами руководить, наши большие и малые начальники. Все они из того же несуществующего государства. И мы им, и они нам остались в наследство»³.

И. Клямкин считал, что «в российском обществе сейчас конкурентоспособны только две идеи — идея демократии и идея русского национализма. Пока первая распространена несравнимо шире: по нашим данным, около 50 процентов россиян считают, что России нужна демократия. Но примерно столько же полагают, что она терпит поражение»⁴. С. Залыгин признавался, что его угнетает отсутствие демократических лидеров: «Нам

¹ Леонтьев М. Государство и рынок // Новый мир. — 1994. — № 12. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/12/leon-pr.html

² Леонтьев М. Государство и рынок // Новый мир. — 1994. — № 12. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/12/leon-pr.html

³ Писигин В. Хроники безвременья // Новый Мир. — 1995. — № 7. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/7/pisigin.html

⁴ Клямкин И. Новая демократия или новая диктатура? // Новый Мир. — 1995. — № 4. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/4/klyamk-pr.html

даже некого полелеять в душе: вот кто бы мог стать демократическим президентом!»¹.

С началом чеченской войны Ельцина стали обвинять в геноциде чеченского народа. «Союз интеллектуалов с номенклатурой был абсолютно необходим для эпохи, именуемой “переходным периодом”. Если же чеченская авантюра сделала разрыв этого союза необратимым, то Россию ждут годы неосоветизма со всеми “прелестями”, присущими периодам исторических реставраций»². С. Ковалев призвал Совет Европы воздержаться от приема России в свой состав. Совет Европы призыву последовал. Чеченская война расколола интеллигенцию.

Остерман вспоминает, что разногласия по поводу оценки войны привели к разрыву его отношений с близким другом. Впрочем раскол произошел еще раньше, по поводу реформ. Бывшие «западники» стали яркими зюгановцами, предавая анафеме Ельцина и его правительство. И в Пермском университете ни одно заседание Ученого совета не обходилось в то время без проклятий в адрес Ельцина и его антинародной политики. Но, в целом, Остерман точно подметил, что интеллигенция «замкнула свои интересы кругом собственных проблем, поисками своего места в новой системе общественных отношений, размышлениями о будущем»³. Это вполне объясняет тот всплеск интереса к дискуссиям об интеллигенции, о которых уже шла речь, публикациям по этой проблематике. По мере того как ослабевала политическая идентификация, возрастала потребность в ее психологических компенсаторах.

Идентификационная неопределенность

С распадом СССР идентификационная неопределенность усиливается. В «Дневнике президента» Ельцин утверждал: «Мы живем в нормальной стране. Просто с

¹ Залыгин С. Моя демократия. Заметки по ходу жизни // Новый Мир». — 1996. — № 12.

http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/12/salyg.html

² Известия. 13.01.1995.

³ Остерман Л.А. Указ. соч. С. 364.

запутанной судьбой. С непростой наследственностью»¹. В качестве компенсатора Ельцин активно использует понятие «великая Россия», а в послании Федеральному собранию в 1996 г. характеризует Россию как «целый мир, самобытность которого сохранялась на протяжении всей российской истории»². В конструкте политической идентичности, создаваемом властью, широко используется интерпретация прошлого. О.Ю. Малинова насчитала в шести обращениях к Федеральному собранию Ельцина 46 ссылок на прошлое³. Л. Шевцова, один из самых резких критиков режима Ельцина, отмечает: «Революционность ельцинской риторики, используемый им на первых порах стиль народного трибуна помогли Ельцину создать видимость полного разрыва с прошлым, в то время как сам этот разрыв не был столь глубоким, как представлялось вначале — да и не мог быть»⁴.

В посланиях Ельцина 1990-е преподносятся как первый в истории страны период, когда есть свобода творчества, независимость, идея новой России, отличающейся от старых моделей⁵. «Нет сомнений в том, что, по крайней мере вначале, он искренне стремился к возрождению России в качестве цивилизованного члена западного сообщества и был готов поддержать далеко идущие шаги по реформированию плановой экономики, — пишет Шевцова. — Однако в политике он никогда не давал оснований считать себя демократом. Совершенно напротив — его идеалом была персоналистская модель правления, в

¹ Ельцин Б. Записки президента. М., Огонек. 1994. С. 6.

² Панов П.В. Конструирование образа России в официальном политическом дискурсе 1990–2000-х (по материалам ежегодных Посланий Президента РФ) // Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация / отв. редактор И.С. Семененко. М., ИМЭМО РАН, 2008. С. 115.

³ Малинова О.Ю. Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. Май — август 2011. С. 108.

⁴ Шевцова Л. От России Ельцина к России Путина. (Эволюция выборной монархии):

Режим доступа: <http://www.ieras.ru/journal/journal4.2000/3.htm>

⁵ Малинова О.Ю. Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. Май — август 2011. С. 111.

которой с самого начала просматривались отчетливые монархические черты, причем византийского характера. Ельцин никогда не понимал целесообразность и необходимость существования оппозиции, политического плюрализма, механизмов сдержек»¹.

Другие критики утверждали, что в стране построен номенклатурный капитализм². Ряд публикаций был посвящен 90-м как эпохе безвременья: «Мы сейчас переживаем именно такой период, нечто вроде “искривления пространства и времени”. Разумеется, по-разному, но то, что переживаем все, — точно. Все говорим друг другу (открыто и в сердцах): “Надо переждать это время”»³. В. Писигин живописует повседневные ужасы современной жизни: грабежи, насилие, убийства, разбой: «Безвременье коварно. Сегодня это расплзающаяся бацилла равнодушия, отчужденности и безысходности. Это разрушающий сердце и душу гнет не востребованности и никчемности, униженности и оскорбленности. От него — брезгливость к неудачникам, неустроенным, несостоявшимся, к аутсайдерам новой жизни и новых ценностей. От него же — патологическая любовь к успеху, рабское почитание сильного, готовность не задумываясь отдать душу “золотому тельцу”»⁴.

Л. Шевцова в серии публикаций о режиме Ельцина доказывала, что только при первом взгляде он выглядит революционером-терминатором, «который разрушил не только коммунизм, но и одновременно советское государство-империю». «Для формирования самого лидерства Ельцина исключительно важно было то, что он был не диссидентом, не интеллигентом, как, скажем, академик Андрей Сахаров, а бунтовщиком, вышедшим из старой системы и все еще сохранявшим, пусть на

¹ *Шевцова Л.* От России Ельцина к России Путина. (Эволюция выборной монархии).

Режим доступа: <http://www.ieras.ru/journal/journal4.2000/3.htm>

² *Водолазов Г.Г.* Указ. соч. С. 700.

³ *Писигин В.* Хроники безвременья // Новый Мир». — 1995. — № 7. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/7/pisigin.html

⁴ Там же.

уровне своего опыта и ощущений, связь с нею. Для одних сил в России Ельцин выглядел гарантией решительного разрыва с прошлым, для других — само номенклатурное прошлое Ельцина гарантировало, что радикальной чистки власти и революции, которая бы полностью смела старый правящий класс и прежние политические традиции, в стране не будет»¹.

«Неодушевленная страна»?

«Мыслящая и пишущая Россия раскололась в основном на два враждебных лагеря, пародирующих спор западников и славянофилов. С одной стороны, честный, но бездуховный рассудок космополитического либерализма; с другой — извращенная духовность, языческий культ ненависти, силы и насилия, — замечал Г. Померанц. — Оставшись без партийного руководства, современный русский человек не умеет выбирать и берет подряд все, что легче взять: секс-шопы, эротик-шоу и т.п. — или разгорается ненавистью ко всему западному». Он рассказывает: «Один из моих друзей, побывав в Америке, спросил: “Скажите, что у вас самое пошлое?” — “Зачем вам это? — ответили ему. — У нас есть много другого”. — “Знаю, — сказал мой друг. — Но мы будем усваивать самое пошлое”»². О духовном кризисе говорил Станислав Говорухин: «Страна четко работает в режиме колонии... Мы фактически отказались от своей культуры, искусства. Мы отказались от науки, от высокой технологии... Или такая деталь — английский язык практически стал вторым государственным языком, доллар — национальная валюта... Растет новое поколение, которому, откровенно говоря, до фени, что была такая великая духовная страна Россия»³.

¹ Шевцова Л. От России Ельцина к России Путина. (Эволюция выборной монархии). <http://www.ieras.ru/journal/journal4.2000/3.htm>

² Померанц Г. Разрушительные тенденции в русской культуре // Новый Мир. — 1995. — № 8.

Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/8/pomeran.html

³ Искусство кино. — 1994. — № 9.

Подводя итоги последних лет, Д. Дондурей писал в статье «Неодушевленная страна»: «Единственный по-настоящему плачевный итог последних лет: противники обновления России сумели убедить народ, что реформы, в сущности, провалились. Что все надежды, все тяготы были напрасны»¹. Он возлагал ответственность за такие настроения и на интеллигенцию. Культуролог А. Панарин писал: «Известная часть российской интеллигенции издавна связывала себя не столько с Россией, сколько с идеологией прогресса (в очередной его исторической версии). И если Россия в своем большинстве почему-то не отвечала этим ожиданиям, то общественный темперамент прогрессиста неизменно направлялся против нее... Так проявился своего рода “внутренний расизм” российских сторонников прогресса: те, кто идентифицирует себя с этой идеологией, третируют “презренную” национальную почвенность и готовы к ее безжалостной расчистке. “Новые русские” в значительной мере унаследовали это прогрессистское высокомерие в отношении “туземного населения”»².

А. Архангельский вспоминал в 1996 г.: «Конец 80-х был наэлектризован до предела. Энергия иных писательских споров грозила коротким замыканием; пересекать литературное пространство по центру приходилось, пригибая голову, — чтобы не попасть под обстрел. Спорщики были уверены, что отстаивают истину — на всех одну, поэтому противник должен быть вытеснен со своих — с наших! с общих! — позиций»³. В отличие от тех лет «первая половина 90-х как раз и прошла под знаком затишья. Критики-полемисты всех групп пережили мучительный кризис. Журналы в большинстве своем растерялись: что делать? кого печатать? о ком писать? Прошел слух о

¹ Известия. 20.06.1999.

² Панарин А. После юбилея // Новый мир. — 1995. — № 9.
Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/9/panarin.html

³ Архангельский А. Пепел остывших полемик // Новый Мир. — 1996. — № 1.
Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/1/arch-pr.html

смерти Великой Русской Литературы; на поминках, во утешение живым, договорились считать, что смысл происходящего как раз и заключен в расплзании по зимним квартирам; что так и должно быть впредь: у каждого направления свой “сегмент”, своя самодостаточная “ниша”, свой замкнутый “уровень”¹. А. Архангельский фиксировал, что самый трудный период, кажется, отступает и в общественной, и в литературной жизни: «Многие противоречия и сбои нового периода очевидны уже сейчас. Но происходит главное: ощущение полновесной жизни вновь возвращается в пределы русской словесности; ее реальность, разъятая на “пазлы”, готова сложиться в новую конфигурацию. А это значит, нам снова есть что обсуждать, над чем посмеиваться, над чем — и с кем — спорить. Что же до угасших полемик времен перестройки... Их пепел не пепел Клааса; он не стучит в мое сердце. Скорее уж это пепел из дачной печки; полностью перегоревший, распавшийся в прах, он хорошо удобрил взошедшие ныне посевы»².

У Ю. Каграманова складывалось другое впечатление о времени: «Эйфория “перестройки” внушила некоторую надежду, что вот теперь-то мы начнем набирать высоту, кое-что проведая о пути, действительно ведущем *ad astra*. Вышло скорее наоборот: наше общество “приземлилось” самым жестким образом, больно (для подавляющего большинства) стукнувшись о твердую почву, и теперь не без некоторого недоумения ощупывает само себя, с головы до ног, равно как и все близлежащее, открытое для тактильных контактов»³. Он характеризовал современное состояние сознания как сумеречное. На его взгляд, «общенациональная идеология должна строиться с учетом национального опыта, включая советский опыт, который долгое время еще будет так или

¹ Там же.

² Там же.

³ Каграманов Ю. «Жестоких опытов собирая поздний плод». Кое-что о роли знания в истории.

Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/10/kagar-pr.html

иначе сказываться, особенно на уровне коллективно-бессознательного». Правда, тут же оговаривался, что «советский опыт должен быть понят как негативный — я делаю ударение на том, чего у нас, по-моему, еще сильно не хватает. Советское прошлое сидит у нас “в печенках”, но не доведено до ума; мы устремились в неведомое будущее, оставив позади себя жуткую путаницу, которую еще долго придется распутывать. Добавлю, что советский опыт уникален в отношении той роли, какую сыграла в нем идеология, и поэтому даже с чисто познавательной точки зрения представляет огромный интерес»¹.

Появились рецепты, как лечить «национальную психологию» и больную идентичность². Надежда Лебедева предлагала соотечественникам три варианта: 1. Выход из неуважаемой группы и переход в уважаемую — переезд в другую страну. 2. Стать «новым русским» в позитивном смысле. 3. «Реконструировать прежнюю идентичность, которая давала чувство уверенности и самоуважения». Третий вариант, по ее словам, предполагал «путешествие в историю, как реальную, так и мифологическую, отвечающую запросам и уровню знаний и интеллекта данного человека»³. «Наше нынешнее отчуждение от страны, в которой мы живем, поистине удручающе. Мы чувствуем себя не любимыми ею и не любим ее. В основе нелюбви — страх, ибо антипод страха — не бесстрашие, а любовь. За преодоленным личным страхом стоит понимание, что “нет правых и виноватых”, прощение и любовь к тем, кого недавно так боялся и кто, оказывается, столь же сильно боится тебя самого»⁴. Н. Лебедева рекомендовала: «Вообще по возможности следует избегать как социально-политической хирургии, так и социально-политического конструирования: реальность в виде

¹ Там же.

² Лебедева Н. Как «лечить» национальную психологию? Режимдоступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/1/redpost02-pr.html

³ Там же.

⁴ Там же.

естественно возникших разнообразных общественных групп и движений гораздо больше скажет думающему человеку о состоянии общества — в ней сокрыты и диагноз, и методы лечения, и прогноз выздоровления». В то время как «стремление к упрощению реальности, сведение к набившей оскомину дихотомии: “черное — белое”, “свои — чужие” и т.д. — гораздо ближе в своей философской примитивности к идеологии экстремизма и, если хотите, фашизма». Автор призывал: «Страна нуждается в терапии любовью». Такие настроения не были единичными. Завершая свою книгу в 1999 г., Лев Остерман рекомендовал читателю попытаться «спокойно, по-крупному, осмыслить наше настоящее», «найти в нем основания для надежды на улучшения в относительно недалеком будущем»¹.

Несмотря на то, что в результате трансформаций и реформ интеллигенция в массе своей перешла в разряд «новых бедных», а в СМИ, и особенно, на телевидении ключевой фигурой становится шоумен, фигура публичного интеллектуала не исчезла. Она оказалась отодвинутой на задний план, но как показали недавние события, на время. Но и в 90-е интеллигенция не только обсуждала проблемы общества, альтернативы развития, утраченные и новые идентичности в своей среде, но и продолжала адресовать их заинтересованной публике. Например, ректор Литературного института С. Есин регулярно публиковал в «Труде» комментарии, размышления, аналитику в доступной читателю форме. Дефолт 1998-го и политика правительства были охарактеризованы им в такой манере: «Как это, оказывается, просто и надежно придумано нашим замечательным премьер-министром: платит неимущий! Как сам он умен, как занятен». Есин оценил и сделанную президентом ставку на молодежь: «Молодежь бестрепетна, когда дело касается чужих жизней... Пусть возмущаются старые, которые платили, платят и еще будут платить... Почему бы викторину не

¹ Остерман Л. Указ. соч. С. 377.

провести с одним-единственным вопросом: “А что еще отобрать?” ...Воистину, молодые хозяева жизни»¹.

С. Есин писал в дневнике от 19 ноября 1998 г.: «Как сумело наше время придать новый смысл знакомым словам! Я имею в виду разделение на патриотов и демократов. Разве патриоты не демократы, разве патриоты не либералы? Но демократами себя называют Чубайс и Гайдар, значит, мы не демократы»². На съезде «Духовного наследия», где выступали Г. Зюганов, А. Подберезкин, С. Говорухин, Е. Драпеко, его поразили слова одного священника, что кризис не в государстве, а в головах. Из речи Зюганова на II съезде Народно-патриотического союза России, в которой он услышал стилистические правки Проханова, Есин выписал выражения «бездарные реформы», «чикагские мальчишки», «русскоговорящие банкиры», «сирены свободного рынка», «либеральный погром», «всевластие уголовщины»³. Действительно, этих выражений достаточно, чтобы понять оценку докладчиком времени и себя, «Мы» и «Они».

Оценка режима Бориса Ельцина

Недовольство властью было всеобщим, а причины существенно отличались. Отвечая на вопрос, что же построено в России в 1990-е, Л. Шевцова писала в 2000 г.: «В России возник гибридный, смешанный режим, в котором можно увидеть и демократические, и авторитарные, и олигархические элементы и который условно можно определить при помощи метафоры “выборная монархия” либо “выборное единовластие”»⁴. Наличие такого единовластия сочеталось с другими чертами режима: «Было бы, однако, ошибкой в ельцинизме и ельцинской конструкции режима видеть лишь механическое повторение прошлого. В силу того что прежние

¹ Есин С.Н. На рубеже веков. Дневник ректора. М., 2004. С. 33.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 55.

⁴ Шевцова Л. От России Ельцина к России Путина. (Эволюция выборной монархии). <http://www.ieras.ru/journal/journal4.2000/3.htm>

средства легитимации власти — силовые, партийно-идеологические — оказались исчерпанными, этот режим не может существовать, не прибегая к демократической легитимации». На ее взгляд, демократическая легитимация представляла собой одновременно и средство выживания полумонархической власти, и «основной фактор, который постоянно раскачивает устои режима, придавая ему дополнительную неустойчивость и уязвимость». Такой анализ ставит ельцинский режим близко к модели делегативной демократии Гильермо О’Доннелла, в которой существует необходимость прохождения через процедуру выборов, постоянную неуверенность правящего класса и его стремление минимизировать роль демократических процедур.

В. Согрин высказывал мнение, что в России с 1992 г. произошел элитарно-термидорианский переворот. Свободное ценообразование, либерализация торговли, приватизация сопровождались концентрацией экономической власти в руках новой элиты: «Российский термидор не уничтожил либерально-демократическую революцию, а лишь создал реалии буржуазного общества, отличающегося от прекраснодушных представлений о нем»¹.

Ю.С. Пивоваров обращает внимание на то, что поздний ельцинизм избрал ориентацию на общественное согласие. «С общепринятой этической точки зрения это согласие было неприемлемым. С нормальной эстетической — безвкусным. Символически же это было зафиксировано в «Ваше превосходительство, товарищ президент», двуглавым орле над красной звездой на военной фуражке, открытии в академии ракетных войск имени Петра Великого богословского факультета и пр., и пр., и пр.». При всем этом, на его взгляд, Ельцин умел «считывать план» русской истории. «В ельцинское десятилетие это означало не “мочить” поверженных врагов, не разжигать пламя несогласия, не ввергать страну в

¹ Согрин В. Закономерности русской драмы // Pro et Contra. Лето 1999. С. 168–169.

новую гражданскую войну»¹. Учителя и преподаватели провинциальных вузов дают схожие оценки вероятности событий: «Если бы не было реформ, была бы революция. Была бы революция, была бы гражданская война» (преподаватель, Н. Новгород); «Распад Советской империи был предопределен, но это могло бы быть более кровопролитным, с большими человеческими потерями» (преподаватель, Рязань)².

Умение «считывать план» проявилось в прощальном обращении Ельцина, в котором он попросил у народа прощение «за то, что многие наши с вами мечты не сбылись, и не удалось «одним рывком, одним махом перепрыгнуть из серого, застойного, тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее». «Боль каждого из вас отзывалась болью во мне, в моем сердце. Бессонные ночи, мучительные переживания — что надо сделать, чтобы людям хотя бы чуточку, хотя бы немного жилось легче и лучше» — на этих словах Ельцин смахнул слезу. Растиражированной фразой стало уже неформальное обращение к ближнему окружению: «Берегите Россию!»

Новые рамки оценки 90-х

Уход Ельцина и завершение «операции преемник» создало новые рамки осмысления и анализа, оценок 90-х. Л. Шевцова оценивала результаты ельцинского десятилетия с иронией, но и с тревогой по поводу будущего: «Созданная Ельциным атмосфера взаимного попустительства и политического декаданса может оставить о себе, по крайней мере, приятные воспоминания в сравнении с тем, что может последовать вскоре»³. Такая тревога связана с решительными шагами Путина по ограничению строптивости независимых СМИ, усилению за ними государственного контроля, реформы отношений центра и

¹ Пивоваров Ю.С. Полная гибель всерьез. С. 220–221.

² <http://uroki90.ru/prepodavanie/ekspertiza/vzglyad-prepodavatelei-devyanostye-cherez-prizmu-lichnogo-opyta.htm>

³ Шевцова Л. Указ. соч.

регионов. «Уже в первый год Путина Россия — еще более президентская республика, чем при Ельцине. Прежний глава государства действовал с оглядкой на оппозиционную Думу, строптивый Совет федерации и самостоятельность на местах. Теперь Дума впервые — прокремлевская, а бывшего Совета федерации вовсе нет», — замечал Парфенов в «Намедни». — «Первая реакция фольклора на новый абсолютизм: с 26 марта все анекдоты про Вовочку считать политическими»¹.

Достаточно скоро центр тяжести либеральных СМИ и со стороны либеральной интеллигенции смесился в сторону критики реформ Путина по централизации власти, делению страны на округа, отмене губернаторских выборов, росту авторитарных тенденций, второй чеченской войне. Символическое значение имел возврат старого советского гимна с обновленными словами, что стало дополнительным аргументом для разговоров об откате России к авторитаризму.

По мере усиления критики и очевидности кризиса российской идентичности политические лидеры стали использовать девяностые как «маркер «другого времени»². В 2004-м в Послании Президента появляется пассаж о 1990-х как трудном периоде, как начале расчистки завалов, демонтажа прежней экономической системы³. В 2005 г. Путин определял 90-е как время «поисков собственной дороги к строительству демократического, свободного и справедливого общества и государства». Но объявил крушение СССР «крупнейшей геополитической катастрофой века». В 2008 г. он использовал понятие «трудные девяностые» для обозначения выпавших на долю людей бед и испытаний.

В резких критических оценках 90-х, данных В. Путиным в рамках электоральной кампании 2011–2012, оче-

¹ Парфенов Л. Указ. соч. С. 283.

² Зверева Г. 1990-е: запомнить... и забыть // Отечественные записки. — 2008. — № 5. С. 153.

³ Малинова О.Ю. Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. Май — август 2011. С. 112.

видны политические причины такого противопоставления стабильных 2000-х «лихим» 90-м, и Путин их не скрывает: «те, кто спекулирует на известных язвах, болезнях нашего общества и ошибках, недоработках власти, те, кто это делает, — эти люди в разное время (давайте вспомним об этом) уже находились так или иначе во власти, уже порулили и поупражнялись, порулили страной». Он имеет в виду своих политических оппонентов Б. Немцова, М. Касьянова, В. Рыжкова.

И вновь мы видим тесную взаимосвязь между курсом и практикой: «лихие 90-е» стали клише в СМИ, получили оценку в школьных и вузовских учебниках. Параллельно возникли центры и информационные ресурсы с целью реабилитации этого десятилетия, такие, как «Уроки девяностых», напечатаны учебники и монографии с альтернативной трактовкой событий десятилетия. В них все беды ельцинской эпохи объясняются наследием коммунистического прошлого.

Современная интеллигенция о 90-х

В восприятии общества оценки периода выглядят более дифференцированными. В журналистском блоге разговор с Наумом Коржавиным о 90-х развернут в сторону не столько политической, сколько морально-этической оценки десятилетия: «Либеральная интеллигенция в девяностые стремилась к нормальным вещам: свободе слова, частной собственности. Но она забыла, зачем все это нужно. Идея была простая: наступит демократия и всем станет хорошо. С чего это вдруг? С таким же успехом можно заменить слово “демократия” на слово “коммунизм”. Все-таки ужасна эта слепая вера в идеи, даже хорошие. Частная собственность ведь не рай. Без нее нельзя, как нельзя без нормального пищеварения. Но есть же и другие органы. Есть, в конце концов, еще и душа»¹.

Школьные учителя и вузовские преподаватели дисциплин гуманитарного блока — традиционно одни из глав-

¹ http://zhurnalists.blogspot.com/2011/12/blog-post_19.html

ных трансляторов информации о 1990-х гг., поэтому важно понимать, как они сами воспринимают эти годы в истории нашей страны. Чтобы ответить на этот вопрос, ученые Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского провели социологическое исследование «90-е годы в России: специфика восприятия образованным слоем». Опросы проводились в Нижнем Новгороде, Барнауле, Екатеринбурге, Рязани, Краснодаре. В опросе приняли участие 1446 респондентов: студенты вузов, обучающиеся по специальностям «история», «социология», «политология» (70 %), учителя истории, обществознания, права (15 %), вузовские преподаватели истории, социологии, политологии, социальной философии (15 %). Результаты исследования опубликованы на сайте «Уроки 90-х».

Из этапов и событий 1990-х гг., как считают учителя и преподаватели, они больше всего знают: о событиях, связанных с отставкой Ельцина и назначением Путина; о распаде СССР и создании СНГ; об августовском путче; о первых президентских выборах; об августовском дефолте; о принятии Конституции 1993 г. И учителя, и преподаватели, и студенческая молодежь неоднозначно воспринимают период реформ 1990-х гг. Более 70 % учителей и преподавателей согласились с тезисом о том, что 1990-е гг. весьма неоднородны, в них было много как плохого, так и хорошего. Почти две трети (61 %) не отрицают, что цели и задачи реформ 1990-х были прогрессивными, но основные претензии предъявляют к методам их осуществления. Около половины (49 %) полагают, что события 1990-х, несмотря на всю их сложность, привели к позитивному результату; 55 % согласились с тезисом о том, что реформы 1990-х вывели общество на новый, важный и необходимый этап развития¹. Как и в обществе в целом, неоднородность оценок очень высока. 42 % представителей группы признают 1990-е гг. «однозначно полезными» или «скорее всего полезными» в истории страны, 38 % делают акцент на преобладании «вредных» явлений и событий. Доля препода-

¹ <http://uroki90.ru/prepodavanie/ekspertiza/chto-dumayut-uchitelya-i-prepodavateli-o-1990-kh-gg-i-ob-ikh-osveshchenii-uc>

вателей, однозначно определяющих 1990-е как «черный» период российской истории, откат в поступательном развитии России, не превышает 35 %. Оценивая роль и значение 1990-х для себя и своей семьи, преподаватели более критичны и пессимистичны, признание «пользы 1990-х» чаще ставится под сомнение: 32 % говорят о преобладании в эти годы полезного, 44 % — вреда.

Те учителя и преподаватели, которые полагают, что лично для них и их семей это время ознаменовались положительными явлениями, как правило, выделяют среди характерных черт 1990-х гг. такие: зарождение рынка и института частной собственности; свобода слова, совести и политических дискуссий; исчезновение дефицита; свобода предпринимательства; возможность свободного выезда за границу; новое российское кино и телевидение; интеграция России в мировое сообщество.

Те же, кто оценивает 1990-е гг. для себя и своих семей скорее в негативном ключе, выделяют такие черты: расслоение российского общества, сопровождающееся появлением олигархов, с одной стороны, и нищающей интеллигенции — с другой; передел собственности и криминальные войны; шоковая терапия; ваучеризация; обесценивание вкладов, долги по зарплатам и пенсиям, гиперинфляция.

«Основной лейтмотив в восприятии 1990-х — это ощущение огромного спектра возможностей, вдруг открывшихся перед людьми. По оценкам участников, это чувство было особенно сильно в начале 1990-х гг., когда процесс реформирования только начинался. Сопровождавшие его хаос и неразбериха лишь подчеркивали уникальность, необычность, революционность происходящего. К сожалению, этот настрой начал угасать, сменившись к середине 1990 гг. осознанием угроз, противостоящих возможностям, ощущением бесперспективности движения в непонятном для большинства направлении, а то и стагнации»¹.

¹ <http://uroki90.ru/prepodavanie/ekspertiza/chto-dumayut-uchitelya-i-prepodavateli-o-1990-kh-gg-i-ob-ikh-osveshchenii-uc>

На фоне сферы экономики ассоциации современников 1990-х, связанные со сферой политики и государственного строительства, более узкие: путч 1991 г., распад СССР, войны в Чечне, события 1993 г., выборы в непривычной для многих ситуации многопартийности, установление нового конституционного строя, «внешнеполитическая слабость», межнациональные конфликты.

«Если брать сферу науки, то здесь, конечно, железный идеологический занавес упал, и мы получили доступ к действительно сокровищнице мировой мысли, современной мысли. И в области истории, и в области социологии и философии. Я помню 90-е гг. — все ждали очередного перевода работ Э. Фромма или Г. Маркузе. То есть мы влились в мировой культурный процесс. А поскольку элитарная культура — это все-таки верхушка айсберга, то параллельно с этими высокими достижениями мы получили совершенно нормальное для Запада явление — массовую культуру» (преподаватель, Краснодар). «Товарное изобилие — самый заметный результат. В начале 90-х в такое поверить было просто невозможно» (преподаватель, Рязань). Свобода выбора, свобода слова, свобода совести, свобода передвижения — в числе важнейших завоеваний 1990-х гг. в оценке интеллигенции.

В интернет-пространстве созданы информационные ресурсы, нацеленные на выявление позиций: причины ненависти или любви к девяностым, в которых в большей степени представлены нынешние 30–40-летние. «НКВД. 90-е — эпоха позора и бандитизма. Нас имели все кому не лень на международной арене, половина населения жила за чертой бедности, патриотизм считался чем-то плохим, процветала коррупция и проституция. Армия разваливалась на части, 1-я Чеченская, вообще, позор. 90-е дали повод для всех сегодняшних мифов — что Россия это северная Нигерия»; «Joker USSR. Я помню гигантские очереди в магазин по талонам, голод, холод, отключения электроэнергии. Помню разгул бандитизма, мафии, когда стреляли прямо у моего дома»; «Neokommunist. С общей точки зрения: ненавижу за то, что это были годы целена-

правленного разрушения великой страны и моей родины. За чем последовало масштабнейшее чубайсовское ограбление 90 % населения и формирование на украденные у страны и народа деньги и активы 5 % паразитической олигархии. Которая и по сей день продолжает измываться над Россией и безнаказанно грабить её. За то, что в 90-е у всех отобрали социальные гарантии. В личном плане: как следствие из общего — за то, что в результате развала науки и промышленности не смог работать по приобретенной в институте специальности. Из-за того, что все эти годы и по сей день мне и многим окружающим приходится балансировать недалеко от черты бедности. За то, что в будущем мне и большинству населения маячит копеечная пенсия и полное отсутствие перспектив всего лишь за то, что мы не умеем и не считаем возможным воровать или не имеем нужных связей в сырьевых структурах»¹.

Позитивные суждения о 90-х высказываются в основном теми, чье детство или ранняя юность приходится на это десятилетие, они обусловлены ностальгией, детскими впечатлениями, воспоминаниями о первой в жизни кукле Барби и т.п.

Социологи проинтервьюировали представителей шести главных групп старого советского среднего класса: учителей, инженеров, военных, ученых, госчиновников и врачей, начавших трудовую деятельность в этих сферах не позже середины 80-х. Пятнадцать лет назад это были молодые и средних лет люди. Сейчас представителям этого слоя 40 лет или больше. «Слабая и нерешительная российская власть 90-х годов ничего не сделала для того, чтобы переучить, переаттестовать, сократить в числе и материально обеспечить доставшихся ей бюджетников-интеллигентов. Вместо этого их предоставили самим себе, кое-как выплачивая жалованье, все больше похожее на пособие по нищете, и развращая никчемными “льготами”, — отмечает С. Шелин. — Впрочем, и сами бюджетники не очень ясно представляли себе, да и сейчас

¹ <http://lovehate.ru/opinions/54697>

не представляют, чего требовать от государства (помимо механического увеличения зарплат, естественно)»¹. «Резюмируя наши беседы с этими людьми, мы пришли к вот какой ассоциации: они чувствуют себя как эмигранты в собственной стране. “Живем на острове”, — сказал нам один из них. Они чувствуют себя приезжими из прошлого, из страны, которой уже нет»².

Художественный образ 90-х в яркой, запоминающейся, жесткой манере дал Виктор Пелевин в романе *Generation P* (1999). Не случайно фразы из этой книги стали растиражированными цитатами. «Антирусский заговор, безусловно, существует — проблема только в том, что в нем участвует все взрослое население России». «Основной экономический закон постсоциалистической формации: первоначальное накопление капитала является в ней также и окончательным». «По телевизору между тем показывали те же самые хари, от которых всех тошнило последние двадцать лет. Теперь они говорили точь-в-точь то самое, за что раньше сажали других, только были гораздо смелее, тверже и радикальнее». «Агитпроп бессмертен. Меняются только слова». «Все, кто отчетливо знает, что такое “коллективное бессознательное”, давно торгуют сигаретами у метро. В той или иной форме, я хочу сказать». «Человек человеку вау — и не человеку, а такому же точно вау»³.

«Девяностые — это не только то, о чём написал Виктор Пелевин в *Generation P*, не только бандитские разборки, наркотический бред и сменившая империю зла «банановая республика зла, которая импортирует бананы из Финляндии», — поясняет А. Гусев. — Была другая жизнь, в которой, как и во все времена, люди любили, рожали детей, честно работали, радовались и горевали. То было время исторических перемен, когда возник не-

¹ Шелин С. Наш бывший средний класс. Девяностые годы стали для интеллигенции упущенным десятилетием.

Режим доступа: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/30.html>

² Там же.

³ http://ru.wikiquote.org/wiki/Generation_«П»

укротимый порыв к свободе и жила надежда»¹. Он выражает мнение, что ложь о «лихих» 90-х является всего лишь манипулятивным средством в руках нынешнего политического класса: «стабильно плохо люди жить не хотят, и никому не нужна сказка об остановившемся времени. Рецепт для объяснений был составлен следующим образом. Во-первых, во всём виноваты враги России, которые постоянно строят злонамеренные козни; страна находится в кольце врагов! Во-вторых, наши временные неудачи — это следствие неправильной внешней и внутренней политики прежней властной элиты в те самые девяностые, которые были лихими и губительными для народа»².

Любопытно, что Путин в разных ситуациях дает отличающиеся друг от друга трактовки предшествующего его приходу к власти десятилетия. В предисловии к книге Бориса Минаева «Борис Ельцин» Путин писал: «Масштаб фигуры первого президента России Бориса Николаевича Ельцина трудно переоценить. Даже самые последовательные противники вынуждены признавать в нем такие человеческие качества, которые делают честь любому политику». Однако он избегает оценок политических перемен эпохи Ельцина, полагая, что «масштаб преобразований ... был столь грандиозен, что только время может дать истинную оценку тому, что было им сделано». Владимир Путин говорит и о роли Бориса Ельцина в своей собственной судьбе, с пафосом вспоминает его напутственные слова в день ухода из Кремля: «Берегите Россию!»³ Во время встречи, когда собеседники бросили упрек в адрес Ельцина, что он «пил не закусывая», Путин вступился за него: «Ельцин многое сделал в том смысле, что дал свободу, — продолжил он. — Да, и ошибок было немало, но есть такие вещи, которые являются непреходящими ценностями. Наверное, многое можно было сде-

¹ Гусев А. Зачем нужна ложь о 90-х?
Режим доступа: <http://vk.com/id75656>

² <http://vk.com/id75656>

³ www.inosmi.24/08/2010

лать иначе, но все же я хотел бы взять его под защиту»¹. А на концерте, посвященном 80-летию первого президента России, Путин сказал, что «при Ельцине Россия получила второе рождение. Она стала цивилизованным, открытым государством». «Именно в это время рождалась Россия открытая и думающая о людях, формировались демократические институты, была принята Конституция России, которая провозгласила высшей ценностью права и свободу человека»². Логика действий политика понятна: он дает оценки 90-х в зависимости от контекста и использует их как символический ресурс.

Однако система аргументации, обращенная в прошлое, фиксирует явную недостаточность оснований национальной идентичности. «"Сохранение памяти" должно сопровождаться действиями, обращенными к настоящему, — считает Мэри Маколи. — Мы не должны перекладывать на прошлое ответственность за сегодняшний день». Она объясняет, что «переписывание истории происходит постоянно, история служит политическим целям и, следовательно, нужно сформировать и институционализировать среду, в которой допускаются сомнения и конкурирующие интерпретации... Для ответа на вопрос, кто мы такие, будущее может оказаться не менее, а то и более важным, чем прошлое»³.

БОРЬБА ЗА ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Идентичность в контексте «оборонного сознания»

Лев Гудков ставит вопрос, «откуда брать понятия дескрипции и интерпретации происходящего в России, если нет условий для систематической работы и

¹ http://censor.net.ua/news/196535/putin_o_eltsine_on_pil_ne_zakusyvaya_russkiyi_je_chelovek_no_svobodu_dal

² <http://www.vesti.ru/doc.html?id=425032>

³ *Маколи М.* Историческая память и общество сограждан // Pro et Contra. Январь — апрель 2011. С. 147.

исследовательских конвенций»¹. По мнению А. Малинкина, «в современной России складывается своеобразное “разделение труда”, когда формирование “национальной идентичности” становится прерогативой политиков, а также работников средств массовой информации, деятелей культуры, системы государственного образования и воспитания. Они “раскручивают” ту или иную национальную идею, доводя ее “до потребителя” — простого обывателя»². Эта схема выглядит, на наш взгляд, изрядно упрощенной. Вопрос о том, возможно ли использовать конструируемую идентичность в качестве мобилизационного ресурса в современном обществе, является дискуссионным. Применительно к российскому обществу представляется справедливым утверждение Л. Гудкова, что «новый русский национализм носит характер компенсаторный, защитный по отношению к стрессам и травмам периода распада советской системы»³. Социологические исследования первой половины 1990-х годов фиксировали болезненность самоидентификации российских граждан, чувство стыда за тоталитарное прошлое, за утрату былого внешнеполитического могущества, за остроту экономических и социальных проблем.

«Общее влияние глобализации на страны бывшего Советского Союза было в первую очередь психологическим и культурным по своему характеру, — считает М. Молчанов. — Международный демонстрационный эффект может способствовать усвоению демократических институтов, прогрессивных судебных практик и необходимой инфраструктуры для бизнеса, но он также облегчает заимствование таких малопривлекательных явлений, как вооруженный сепаратизм, финансовые спекуляции, контрактные убийства, а также переплетение бизнеса и

¹ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М., 2004.

² Малинкин А. «Новая российская идентичность»: исследования по социологии знания // Социологический журнал. — 2001. — № 4.

³ Гудков Л. Указ. соч.

органов власти»¹. По его мнению, «политика посткоммунистического транзита увела Россию еще дальше от чаемого идеала капитализма “с человеческим лицом” и, напротив, приблизила ее к гораздо менее привлекательному образцу “зависимого” компрадорского капитализма латиноамериканских “демокрадур”»². Отечественные исследователи обращают внимание на то обстоятельство, что «глобализация и порождаемые ею процессы подвергают испытанию на прочность и адаптивность традиционные модели поведения, образ жизни, способы мировидения, а также укорененные в массовом сознании ценности, ориентации, предрассудки»³.

В то же время анализ социокультурной трансформации российского общества показывает, что в массовом сознании не сформировалось четкого видения приоритетов цивилизационной идентификации. И.С. Семененко утверждает: «Формируясь на стыке модернистской и традиционалистской ориентаций, вектор российского социокультурного развития пролегает в системе координат поисков собственной идентичности и своего места в миропорядке»⁴.

Глобализация обусловила во всем мире процесс преобразования ценностных оснований идентичностей. В России политика посткоммунистической модернизации по западному образцу нанесла серьезный урон чувству национальной идентичности. В результате возникли разочарование и фрустрация как сочетание реакции на унижение от проигранного сражения и выявившегося ощущения собственной слабости.

Со второй половины 1990-х годов эти чувства начинают вытесняться позитивным национальным самоутверждением. Правда, слово «позитивное» можно использовать

¹ Молчанов М. Истоки российского кризиса: глобализация или внутренние проблемы // Полис. — 1999. — № 5. С. 106.

² Там же. С. 102.

³ Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация: истоки, тенденции, перспективы // Полис.— 1999.— № 5. С. 92.

⁴ Семененко И.С. Социокультурная динамика российского общества и проблемы культурной идентичности // Политический альманах Прикамья. Вып. 4. Пермь, 2005.

в этом определении весьма условно: лишь в плане преодоления комплекса неполноценности. Не случайно Л. Гудков назвал сборник своих статей 1997–2002 гг. «Негативная идентичность». «Представление о настоящем России как национальном целом не включает почти никаких позитивных ценностей», — считает Гудков. Он отмечает «соединение гордости от своей принадлежности к России, сознания ее героического прошлого с массовым недоверием всем общественно-политическим институтам, кроме президента» вследствие очередного «двоемыслия»¹.

Фонд общественного мнения проводит регулярные опросы общественного мнения по вопросу об оценке роли государства, его образа в сознании россиян. Опрос, проведенный в июне 2006 г., был сосредоточен вокруг вопроса, является Россия сильным или слабым государством². Пять лет назад, в начале 2001 года, 31 % наших сограждан считали Россию сильным государством, и вдвое больше — 61 % — слабым. Последний опрос зафиксировал паритет суждений по этому вопросу: 39 % респондентов разделяют первую точку зрения, 39 % — вторую. Нетрудно заметить, что этот радикальный сдвиг в значительной мере обеспечен ростом доли затрудняющихся с ответом — с 8 до 22 %. Молодые респонденты (до 35 лет) чаще склоны считать Россию сильным, а не слабым государством — 46 % против 33, пожилые (от 55 лет) — скорее слабым, а не сильным (26 против 49 %)³. Сильным его называли респонденты со ссылкой на национальный характер и историю, а слабым — с учетом современных социальных и экономических проблем, снижения авторитета в мире.

Опрос мужчин в возрасте от 18 до 31 года в Великобритании, Германии, Франции, Италии, Швеции и Чехии, проведенный агентством BBDO в 2005 г., показал, что число потенциальных защитников Отечества в России

¹ Гудков Л. Указ. соч.

² [http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0622/
domt0622_5/d062224](http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0622/domt0622_5/d062224)

³ [http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0622/
domt0622_5/d062224](http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0622/domt0622_5/d062224)

вдвое превышает западноевропейские показатели — 64 % против 34 %¹. Авторы книги «Реальная Россия» с их ярко выраженным патриотическим потенциалом приводят следующие данные. По суммарным выводам (оптимистическая оценка будущего, здоровая амбициозность, отношение к труду, к славе и т.д.) исследователи BBDO пришли к заключению, что в демократической России подрастает поколение победителей с четко выраженной патриотической позицией. Собственные исследования авторского коллектива «Реальной России» не только подтвердили эти выводы, но позволили сделать такое резюме: «Вполне допустимо, что одной из причин возрождающегося патриотизма в молодежной среде стали унижения, политическая дискриминация и применение двойных стандартов по отношению к России со стороны демократического Запада. Россияне довольно быстро поняли, что в Европе нас не ждут и прочно зачислили в разряд второсортных граждан мира. Не удивительно, что молодежь откликнулась на такое отношение к себе и к России в целом более эмоционально, чем старшие поколения»². Ценностные основания данного заключения также вполне очевидны. Однако так называемое «оборонное сознание»: осознание наличия как внутренних, так и внешних угроз для России, демонстрирует даже такая, казалось бы, продвинутая категория населения, как молодые москвичи³.

Социолог И. Климов поставил своей целью анализ патриотических оснований современной российской идентичности. Он отмечает: «Несмотря на разнообразную и сложную мотивацию комплекса патриотических чувств, патриотизм остается социально одобряемой ценностью. Это означает, что данное понятие вряд ли появится среди “отторгаемых”, как это было в недавнем прошлом со словами “реформы” или “демократия”, например. Кроме того, это понятие оста-

¹ Реальная Россия: Социальная стратификация современного российского общества. М., 2006. С. 177.

² Там же.

³ *Борусяк Л.* Патриотизм как ксенофобия // Вестник общественного мнения. — 2004. — № 6.

ется важным инструментом для оценки других людей, а также может выступать и как “руководство к действию”»¹.

Политическая социализация и политическая идентичность

Исследователи школы Е.Б. Шестопал (МГУ) в 2005–2006 гг. провели исследование в пяти регионах (Москва, Кемерово, Пермь, Челябинск, Дагестан) на тему «Политическая социализация и ресоциализация в современной России»². Исследователей интересовало отношение молодежи к демократии, власти, политике.

Исследование показало, что молодежь в возрасте до тридцати лет трактует демократию как режим, который обеспечивает личности права и свободы. Перспективы демократии в России молодые респонденты оценивают довольно пессимистично, но сами не спешат вмешиваться в процесс с целью консолидации демократии. Представители молодого поколения в большинстве своем аполитичны и политически индифферентны, политике они воспринимают как разновидность бизнеса. При этом личность Путина у многих из них скорее вызывает положительную оценку. Они высоко оценивают его компетентность, интеллигентность, то, что он принес стране стабильность. Большинство из них удовлетворены политикой стабилизации и централизации, проводимой сегодняшним руководством страны, оценивая ее как верную и соответствующую историческим традициям.

В середине 2005 г. исследовательской группой ЦИР-КОН проводился Всероссийский опрос молодежи в возрасте от 16 до 24 лет³. Основной целью исследования являлось выделение и описание группы российской моло-

¹ Климов И. Патриотические основания современной российской идентичности // <http://bd.fom.ru/report/cat/man/patriotizm/oz02061902>

² Шестопал Е.Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России // Полития. — № 4. Зима 2005–2006. С. 68.

³ Молодежь и власть в поисках взаимной опоры. (Фрагменты аналитического отчета по результатам всероссийского опроса молодежи) // Полития. — № 4. Зима 2005–2006. С. 34.

дежи, проявляющей позитивное отношение к действующей власти и разделяющей транслируемые ею ценности, а также сравнение ее с группой противников власти.

В результате исследования выяснилось, что от 70 до 90 % представителей молодого поколения разделяют «державно-консервативные ценности»: Россия, Родина, порядок, безопасность, стабильность, справедливость, сильное государство, традиция, законность, патриотизм, президент (как оплот и олицетворение сильного государства). Таким образом, подтверждаются выводы ряда исследователей ценностных ориентаций молодежи о том, что молодые россияне — государственники и патриоты, причем даже больше, чем их взрослые сограждане.

Либерально-демократические ценности: демократия, бизнес, частая собственность, предприниматель, рынок, конкуренция — в целом заметно реже воспринимаются молодыми россиянами эмоционально позитивно (45—60 % респондентов).

Интересен тот факт, что понятие «модернизация» уступило по уровню эмоционально позитивного восприятия ценностям, связанным с устойчивостью (стабильность, традиция). Понятие «революция» как олицетворение кардинальных изменений вообще воспринимается негативно большинством молодых респондентов. Таким образом, нельзя сказать, что молодежь однозначно настроена на перемены, как это иногда представляется. Отношение к демократии в среде молодого поколения россиян оказалось достаточно сложным. С одной стороны, почти две трети респондентов высказались за приоритет прав и свобод личности над интересами общества и государства. С другой — более трети респондентов уверены, что в демократии больше недостатков, чем достоинств.

Позитивное восприятие идеи национальной модернизации молодежью сочетается в ее сознании с отрицательным отношением к революционным переменам любыми средствами.

В результате исследования были выделены три группы молодежи:

— «солидарные» с нынешней властью, разделяющие ее ценности (30 %);

— не принимающие ценности власти (29 %);

— неопределившиеся (41 %)¹.

Позитивное отношение молодежи к президенту и солидарность с ценностями официальной власти вовсе не прямолинейно связаны между собой. Доля сторонников Путина составила среди российской молодежи 51 %, доля разделяющих ценности власти заметно ниже — 30 %.

Следует отметить, что сама молодежь не является гомогенной группой, при этом речь идет не только о различиях социального или образовательного характера. Существует три поколения в каждой молодежной категории, поколенческие различия составляет разница в шесть лет. В современной России эти три поколения молодежи четко вырисовываются. С точки зрения П. Данилина, каждое из них обладает отчетливой политической физиономией².

Первое поколение. Те, кто родился с 1973-го по 1979 г. Данилин называет их «потерянным поколением». В самом деле, на период их социализации пришлось перестройка и либерализация. Они родились в одной стране, а выросли в другой. Взросление было осложнено тем, что воспитание их было советским, а жить пришлось в рыночной системе.

Основные характеристики поколения 27–30-летних россиян:

— устоявшиеся идеологические убеждения, трудно поддающиеся переоценке;

— политизированность и политическая активность — средняя;

— лояльность к власти — выше среднего;

— склонность к радикализму — минимальная;

— монолитность идеологии достаточно велика. Преобладают патриотические, националистические и антилиберальные взгляды (за исключением столицы и городов-миллионников).

¹ Там же.

² Данилин П. Новая молодежная политика. 2003–2005. М., 2006.

Второе поколение. Те, кто родился с 1980-го по 1985 г. «Лицо современной молодежи». Представители данного поколения выступают движущей силой всех молодежных движений. У них не было перелома сознания в начале 90-х гг., как у большинства населения, поскольку к тому времени их политическая социализация только начиналась.

Основные характеристики поколения 20–25 летних россиян:

- идеологические убеждения нетвердые, возможна их «перевербовка»;
- политизированность и политическая активность — высокая;
- лояльность к власти — низкая;
- склонность к радикализму — высокая;
- монолитность в идеологии отсутствует. Столичная молодежь скорее либеральная, провинциальная — консервативная. Базовые ценности — демократия и различные свободы. Ущемление этих ценностей на конкретно-бытовом, а не абстрактно-политическом уровне способно усилить негативное отношение к власти.

Третье поколение. Те, кто родился с 1986-го по 1991-й. «Подростающие активисты» За представителей данного поколения идет борьба между молодежными организациями и политическими партиями.

Основные характеристики поколения 16–20 летних россиян:

- идеологические убеждения до конца не сформированы, «перевербовка» воспринимается как первоначальная политическая социализация;
- политизированность — средняя;
- лояльность к власти — средняя;
- склонность к радикализму — присутствует, но не ярко выражена;
- монолитность в идеологии отсутствует. Столичная молодежь скорее либеральная, провинциальная — консервативная. Базовые ценности — демократия и различные свободы.

По мнению П. Данилина, «для протестной активности молодежи сейчас нет причин. Молодежь настроена лоялистски, лоялистские настроения среди молодежи преобладают над протестными. Насколько я мог наблюдать, переломный скачок имел место в середине прошлого года. В процентном соотношении протестно ориентированной молодежи — 20 %, лоялистов — 80 %»¹. Следует учитывать, что П. Данилин, чьи высказывания не раз звучали в книге, является не просто исследователем, но и организатором направленной политической социализации. Его оценки имеют ярко выраженный политизированный характер.

Патриотический тренд массового сознания и конструирование идентичности

Выразительный образ российского патриота рисует нынешний директор ВЦИОМ В. Федоров. Отвечая на вопрос корреспондента газеты «Труд» о собирательном образе современного патриота России, он говорит: «На самом деле, российский патриот сегодня — это среднестатистический россиянин. Это скорее женщина, чем мужчина, “потому что на десять девчонок по статистике — девять ребят”. Это человек среднего возраста, невысокого материального достатка — любовь к России в Лондоне и на Канарах имеет все же свойство притупляться. Для него патриотизм означает в первую очередь “любить свою страну” (67 процентов россиян) и только во вторую — “работать во благо своей страны, ради ее процветания” (32 процента). Скорее верующий, чем атеист, но верующий в поверхностной, обрядовой форме. По политическим убеждениям — сторонник “Единой России” или аполитично настроенный. Словом, ваш сосед по лестничной клетке»².

Социологи спрашивали также, существуют ли «недостатки», которые не позволяют назвать человека патриотом. Выяснилось, что респонденты старшей возрастной группы заметно чаще, чем молодежь, говорили, что тот

¹ <http://www.politeia.ru/seminar.php?2006-05-25>

² Труд. 2.12.2005.

или иной «недостаток» мешает назвать человека патриотом. Исключения наблюдаются лишь в двух случаях: применительно к знанию текста гимна и критике властей — здесь суждения пожилых респондентов практически не отличаются от взглядов молодежи¹.

Иные признаки менее значимы: 45 % опрошенных заявили, что не может быть патриотом человек, который не ходит на выборы, 36 % — тот, кто не знает текста гимна своей страны, 34 % — предпочитающий иностранную литературу и искусство отечественным. Реже всего в этом ряду упоминалась критика властей, тем не менее, 31 опрошенных убеждены, что тот, кто критикует власти своей страны, патриотом быть не может².

С другой стороны, патриотизм такого плана предполагает критическое отношение к опыту других стран, особенно западных. Любая кризисная ситуация в западных странах дает основание «охранителям» подвергнуть сомнению демократию и соответствующую ей систему «так называемых либеральных ценностей, требующих “мускулатурной” защиты», заявлять, что система «сгнила изнутри и представляет собою сладкий, но трупный яд безудержного консьюмеризма, узаконенного скотства, разложения и иссушающей вседозволенности»³. Демократия, «как и всяческое лицемерие, возведенное на уровень всеобщей модели, опасна и чревата», утверждает колумнист «Взгляда» В. Мамонов.

Патриотический тренд целенаправленно поддерживается как традиционными СМИ, в том числе аудиовизуальными, так и актуализацией идентификационных составляющих субкультур, прежде всего молодежных. Патриотические песни запели «Дискотека Авария», Тимати, Ираклий и другие молодежные кумиры. Новый хит «Дискотеки Авария» «Зло» имеет ярко выраженные патриотические и имперские мотивы:

¹ Бавин П. Патриотизм: критерии и проявления
Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/cat/man/patriotizm/d064825>

² Там же.

³ Мамонов В. Про демократию // Взгляд. 09.02.2011.

«Зло улыбалось тебе в подделках киношных,
Когда ты забыл свое великое прошлое...
И внутри сидит чужой и управляет твоими помыслами.
Ну что, подбросишь друга своего заклятого
На своем горбу к воротам рая звездно-полосатого,
Гордясь, что тебе доверили
Пососать леденец на обломках вековой империи?
Ты рожден на земле отваги и мужества...
Но что-то продано, что-то украдено,
А что-то в шкафу пылится рядом с медалями прадеда».

***«Картина мира» либеральной интеллигенции
в кросс-темпоральном измерении***

Тенденции развития российского общества в 2000-е годы вызвали тревожное чувство и множили опасения либеральной интеллигенции за судьбу демократии, либеральные ценности, состояние общественного сознания. Картина мира либеральной интеллигенции может быть проанализирована на основе разных источников. Во время презентации юбилейного (50) номера журнала «Неприкосновенный запас» в клубе «Билингва» 1 марта 2007 г. у меня возникло стойкое ощущение déjà vu и желание сопоставить картину мира современной и дореволюционной интеллигенции либерального типа. Такая картина воспроизведена на основании кросс-темпорального сравнения юбилейного номера «НЗ» и сборника «Вехи». Разумеется, разница бросается в глаза — *та интеллигенция* говорила о себе в России, образ России в *тех* сборниках представал через характеристики самой интеллигенции.

Авторы юбилейного выпуска «НЗ» говорят о России, и лишь затем — о себе, а термины «интеллигенты» и «интеллектуалы» как будто случайно проникают в тексты, вырываются из их уст, впрочем, со второй половины номера все активнее. Тон презентации задал Илья Калинин в вступительном слове, объясняя намерения авторов юбилейного выпуска «очертить контуры существующих государственных и социальных институтов, а также про-

следить траекторию движения страны в последние восемь лет»¹.

Именно эти претензии на способность предложить концептуальное объяснение и донести до относительно массовых категорий населения свои идеи и дают основания отнести авторов «Неприкосновенного запаса» к «мыслящей среде» (как характеризовал интеллигенцию Д.Н. Овсянико-Куликовский²), к категории людей, которые думают не только о своем, но и об общественном благе (как описывал ее Р. Пайпс³). В этом смысле и «НЗ» и «Вехи» позволяют судить об интеллигентском сознании⁴ и представленном в нем образе России как «знаковой модели, опосредующей представления о национальной общности и ее членах через доступные обыденному сознанию понятия и суждения»⁵.

Следуя исследовательской логике Р. Флориды, соотношение базовых элементов интеллигентского сознания начала XX и начала XXI в. позволит выяснить, насколько совпадают или расходятся мировоззренческие компоненты, нормы и ценности, оценочные суждения; как бы почувствовал себя российский интеллигент начала XX в., оказавшись участником этой дискуссии (разумеется, после того как адаптируется «к радикальным техническим новшествам»)⁶.

1. Характеристика периода. «Веховцы» отмечали переходное состояние общества и государства: «Русское общество, истощенное предыдущим напряжением и

¹ От редакции // *Неприкосновенный запас*. Дебаты о политике и культуре. — 2006. — № 6 (050). С. 4, 5. (Далее см.: НЗ. № 50).

² *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Психология русской интеллигенции // *Интеллигенция в России*. М., 1991. С. 385.

³ *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.

⁴ Понятие «группы интеллигенции» предполагает социологический подход и анализ.

⁵ *Семененко И.С.* Социокультурные механизмы формирования и восприятия образа России // *Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация*. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 64.

⁶ *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2005. С. 18.

неудачами, находится в каком-то оцепенении, апатии, духовном разброде, унынии» (С.Н. Булгаков)¹.

Ближе всего к такой характеристике периода среди авторов «НЗ» А. Шубин, который характеризует современное состояние российского общества по аналогии с постреволюционным состоянием, когда «за напряжением, подъемом творческих сил народа накатывают усталость и реакция»². Но и другие авторы отмечают некое переходное, неопределенное состояние: не удалась модернизация демократическая, и авторитарной тоже не произошло (А. Аузан)³, «принято считать, что Россия, вступив на путь демократии..., позже отказалась от сделанного выбора» (С. Рыженков)⁴. Сама претензия на оригинальность названия «Режим нуво» объясняется редакцией социокультурным ориентиром *fin de siècle* и возможным переходом изучаемого феномена в новое качество. В этих условиях редакции и авторам представляется, что «одной из самых интересных составляющих этого предмета является специфическое состояние общественного сознания»⁵.

2. Оценка состояния общественного сознания. «Основополагающей характеристикой этого порядка, больше того — его базовым условием, выступает самое широкое, охватывающее и массы, и продвинутые группы населения отчуждение от власти вместе с ощущением глубочайшей зависимости от нее и постоянным недовольством ею же как “корруптированной”, “чужой, далекой от народа” и “бюрократичной”, отмечает Б. Дубин⁶.

«В этом распространенном стремлении успокаиваться во всех случаях на дешевой мысли, что во всем “ви-

¹ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 43.

² Шубин А. Власть и демократия в XXI веке // НЗ. — № 50. С. 104.

³ Аузан А. О царях, «опчестве» и авторитарной модернизации // НЗ. № 50. С. 70.

⁴ Рыженков С. Динамика трансформации и перспективы российского политического режима // НЗ. № 50. С. 46.

⁵ От редакции // НЗ. № 50. С. 5.

⁶ Дубин Б. Всеобщая адаптация как тактика слабых // НЗ. № 50. С. 34.

новато начальство”, сказывается оскорбительная рабья психология, чуждая сознания личной ответственности и привыкшая свое благо и зло приписывать всегда милости или гневу посторонней, внешней силы», — слова С. Франка звучат продолжением и эмоциональным дополнением данного тезиса¹. Впрочем, С. Франк еще надеялся и призывал: «Теперь, когда борьба, на некоторое время захватившая все общество и сделавшая его голос политически решающим, закончилась неудачей защитников новых идей, общество не вправе снимать с себя ответственность за уклад жизни, выросший из этого брожения»².

Б. Дубин фиксирует «крайне слабую самоорганизованность российского населения, которая, в сочетании с резко негативными оценками деятельности большинства социальных институтов и общественных ... лишает сколько-нибудь широкой поддержки любые инициативные группировки и движения, от экологических до политических»³.

3. Роль и позиция общественности. М. Гершензон писал в 1909 г.: «Фанатики общественности не могут достаточно надивиться на вялость и равнодушие, которые обнаруживает интеллигентская масса к вопросам политики и вообще общественного строительства»⁴. И. Каспэ и С. Каспэ отмечают как явление нашего времени то, что «либеральная» общественность пассивно присутствует при растущих производстве и предложении неприемлемых для нее «смыслов»⁵.

4. Особость пути. С. Булгаков писал: «после всего пережитого, невозможны уже как наивная, несколько прекраснотушная славянофильская вера, так и

¹ Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 154.

² Там же.

³ Дубин Б. Всеобщая адаптация как тактика слабых // НЗ. № 50. С. 39.

⁴ Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 104.

⁵ Каспэ И., Каспэ С. Поле битвы — страна // НЗ. № 50. С. 32.

розовые утопии старого западничества»¹. На взгляд Д. Драгунского, «есть проблемы и с пониманием мирополитической роли страны... Является ли Россия европейской державой (как наказала матушка Екатерина), или же мы скифы азиатские?»². Дубин высказывает суждение, что «мифология личности устраивает едва ли не всех, поскольку обосновывает и как бы узаконивает статус-кво»³.

5. Народ. «Веховцами» рассматривался в контексте народопоклонничества и одновременно духовного аристократизма интеллигенции⁴. В статье И. Каспэ и С. Каспэ народ помещен в контекст nation-building: «Вещание “именем народа” становится единственной технологией строительства нации»⁵.

Кстати, в ходе презентации юбилейного номера «Неприкосновенного запаса» вопрос о народе тоже вставал неоднократно. Он был подан даже и в таком ракурсе: «Есть ли народ в России?»

6. Проблема собственного самоопределения. «Веховцы» и их оппоненты были заняты решением вопросов: «Что такое интеллигенция?», «Кого можно причислить к интеллигентам, а кого — нет?» В зависимости от вкладываемого в данное понятие содержания составлялся «список» тех, кого можно назвать интеллигентом, а кто «не носил интеллигентского мундира».

Теперь же, по мнению А. Кустарева, «российская общественность одержима проблемой “элиты”: “Кто наша элита? Кто имеет право быть элитой?” ...общественность... думает только о том, чтобы на верху иерархической структуры находились те, кто этого “заслуживает”».

¹ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 43.

² Драгунский Д. Утро туманное. Современная Россия в поисках национальной идеи // НЗ. № 50. С. 79–80.

³ Дубин Б. Всеобщая адаптация как тактика слабых // НЗ. № 50. С. 40, 41.

⁴ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 75.

⁵ Каспэ И., Каспэ С. Поле битвы — страна // НЗ. № 50. С. 27.

Каждый при этом исходит из того, чего “заслуживает” он сам или его авторитет»¹.

7. Отношение интеллигенции и власти является неизменной темой, которая характеризуется в зависимости от цикличности исторического развития: в период либеральных реформ сотрудничать можно, нелиберальных и антилиберальных — нельзя. Так, Д. Драгунский утверждает: «в реальности национальные проекты — прерогатива правящей элиты, а национальный самоанализ — занятие независимых интеллектуалов»².

«Картина мира», воспроизведенная в двух источниках, имеет несомненные схожие базовые черты. На мой взгляд, российский интеллигент начала XX в. почувствовал бы себя на презентации юбилейного номера «НЗ» в своей стихии. Речь идет о группах интеллигенции, которые считают себя вправе и в состоянии говорить об обществе, для общества и за общество.

***«Приглашение к размышлению
интеллектуалов патриотической
и консервативной ориентации»***

Попытка уточнить российскую идентичность и предложить обществу новую идеологию сделана в Манифесте Просвещенного Консерватизма, с которой выступил 26 октября 2010 г. Н. Михалков. «Современный общественный строй, представляющий собой гремучую смесь из догоняющей Запад либеральной модернизации, произвола “местных начальников”, всепроникающей коррупции, не устраивает большинство россиян. За “парадом” экономических реформ и “фасадом” либеральных институтов по-прежнему скрываются традиционные, архаичные общественные отношения» — описывает Михалков состояние дел в современной России. В качестве основных задачи он видит следующие: «установление и поддержание закон-

¹ Кустарев А. Дискурсивный ресурс в постсоветском обществе между инфляцией и дефицитом // НЗ. № 50. С. 12.

² Драгунский Д. Утро туманное. Современная Россия в поисках национальной идеи // НЗ. № 50. С. 77.

ности и правопорядка в стране; обеспечение культурной и национальной безопасности; рост “благополучия для всех”; восстановление чувства гордости и ответственности за свою страну; гарантирование социальной справедливости и социальной защиты граждан, а также отстаивание прав и свобод наших соотечественников, проживающих в ближнем и дальнем зарубежье»¹. Автор манифеста дает следующее определение просвещенного консерватизма — «позитивное умение осмыслить прошлый и будущий мир вещей, свойств и отношений в должной и верной мере, а также способность эффективно действовать в современном мире, не разрушая его».

Реакция на Манифест в блогосфере и в прессе выглядит однозначно негативной — от оппозиционно настроенных в отношении власти блоггеров до колумнистов «Взгляда». Публицист Владимир Голышев отметил, что каждой перестройке требуется своя «Нина Андреева» и своя статья «Не могу поступиться принципами», которой на данном историческом этапе стал так называемый «Манифест Просвещенного Консерватизма» «бьющего с ноги дворянина». «Не могу избавиться от ощущения, что текст сгенерирован роботом из Яндекс.Рефератов, которому скормили набор умных слов, и он их прилежно компонует в разном порядке, ставя в падежи и меняя местами, — считает главный редактор БФМ.ру Антон Носик. — По-моему, только робот может без смущения рассуждать в соседних абзацах о Святой Руси и гражданском обществе, о силовой вертикали и культуре правосознания, о навыках прогиба перед начальством и сохранении собственного достоинства»².

Эклектизм позиции манифеста поражает и других авторов: «Только люди с зудящим даром пророчества могут писать манифесты, подобные михалковскому. Простые смертные вряд ли отважатся выдать гремучую смесь из Уварова, славянофилов и сменовеховцев за слово новой истины. Утопическую эклектику уместней было бы

¹ <http://www.polit.ru/kino/2010/10/26/manifest.html>

² <http://www.kasparov.ru/material.php?id=4CCADA8615F34>

назвать “Россия, назад!” — она обращена в прошлое и противостоит медведевскому “Россия, вперед!”»¹

Отличается от такой критики только взгляд, выраженный правыми: Правая.ру отреагировала на манифест как на «образчик оправдания либерализма — под традиционалистским соусом. Не разрушать современный мир — вот та “священная” задача, которую мировые элиты ставят перед либералами и консерваторами, социалистами и националистами, либертарианцами и анархистами»².

Однозначно одобрил манифест Александр Дугин. Впрочем, многие считают именно его настоящим автором текста. Дугин назвал манифест совокупностью патриотических, консервативных, евразийских идей: «Честно говоря, это любимые, дорогие мне, выстраданные идеи, поэтому я с ними абсолютно согласен. Но я считаю, что это не просто приглашение к интеллектуальному размышлению интеллектуалов патриотической и консервативной ориентации, но это еще и мировоззренческая программа, идеологическая программа, которая, с моей точки зрения, соответствует тому, что так или иначе думает подавляющее большинство современных россиян»³. Как обычно, ссылка на большинство выглядит декларативным ходом и тактической уловкой.

«Социологические центры (ВЦИОМ, Левада, ФОМ) из года в год фиксируют невероятную популярность националистических идей в российском обществе, — отмечает Ян Гордеев. — Сторонников национализма с каждым годом становится все больше». Он указывает на двойственность позиции власти: с одной стороны, запрет националистических партий, с другой — заигрывание с националистическими идеями: «Недолго существовавший “русский проект” у единороссов, или “русский марш” прокремлевской молодежи, свидетельствуют о каком-то длительном раздумье на политическом Олимпе, чьи обитатели очень осто-

¹ <http://www.gazeta.ru/column/taroschina/3434598.shtml>

² *Елисеев А.* Консервативная гвардия глобального мира. Режим доступа: <http://pravaya.ru/look/20183?print=1>

³ http://www.yabloko.ru/mneniya_i_publicatsii/2010/11/03_1

рожно примериваются к националистической идеологии»¹. Между тем в идейно-символическом пространстве современной России идеи национализма стоят особняком. По крайней мере, в противоборстве между «государственными» и их оппонентами серьезного внимания данным проблемам до сих пор не уделялось. Ключевым символом остается Запад, а Восток, ислам, глобализация с негативным эффектом международного терроризма находятся где-то на заднем плане. Это понятно, если учитывать, что выведение данной проблематики на первый план затруднит доселе вполне понятную дихотомическую картину мира. Если Другой и Чужой не Запад, а враг Запада, то как тогда определиться с демаркацией идей и смыслов?

**«Либеральной интеллигенции — бородавку сбрить
и воевать с радикалами?»**

Проблематика национализма и ксенофобии разрабатывалась исследователями, работающими либо в поле этнополитологии (работы Л.М. Дробижевой, В.А. Тишкова, В.С. Малахова, А.И. Миллера и др.²), либо в право-

¹ Гордеев Я. Как националисты войдут во власть.

Режим доступа: <http://pravaya.ru/look/19947?print=1>

² Дробижева Л.М. Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе: основные подходы к изучению // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М.: ИЭА РАН, 1994.; Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов М., 1996; Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.; Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве / Этничность и власть в полиэтнических государствах. Материалы международной конференции. М., 1994.; он же. Очерки теории и политики этничности в России М., 1997; он же. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии М. 2003; Малахов В.С. О националистическом дискурсе // Pro et Contra. 1999. Зима. Т. 4.; он же. Понаехали тут... очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме / Сб. ст. М. : Новое литературное обозрение, 2007; Паин Э. Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое издательство, 2004.

защитном поле (аналитические доклады правозащитного центра «Сова» и др.). События на Манежной площади в декабре 2010 г. актуализировали обсуждение националистической проблематики.

Реакция властей на «Манеж» была быстрой и предсказуемой: оценка событий как результата ловкой провокации. В. Путин не преминул напомнить либеральной интеллигенции о важности обеспечения порядка и функций силовых структур, пригрозив им, что в противном случае «придется нашей либеральной интеллигенции бороденку сбрить, самим каску надеть — и вперед, на площадь, воевать с радикалами¹. В. Сурков возложил на «либеральную» публику ответственность за «введение в моду» несанкционированных акций, которой следуют «нацисты и жлобы»².

Эксперты считают, что «события на Манежной площади не похожи на стандартные этнические волнения. Это «подспудный социально-политический протест в этнической форме» (Э. Паин)³; проявление российского гражданского общества, поскольку протест был направлен не столько против этнических групп, сколько против безнаказанности этнической преступности, которую чиновникам выгодно покрывать из меркантильных соображений (М. Делягин)⁴. По мнению А. Асмолова, на Манежной были использованы технологии политических, а не криминальных групп, проповедующих идеологию крестового похода «за Святую Русь»⁵.

Один из блогеров после событий в Москве сделал запись в своем «живом журнале»: «При этом нужно понимать, что сегодняшние события в Москве — об-

¹ www.gazeta.ru. 16.12.10

² Владислав Сурков: Гении всегда в меньшинстве.

Режим доступа: www.izvestia.ru. 16.12.10

³ Режим доступа: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/623016/cat/94/>

⁴ Михаил Делягин. Главная беда России — это само ее государство. Folksland.net. 28.12.2010.

⁵ Новая газета. 20.01.2011.

щественный запрос политическим силам. Любая ответственная политическая сила просто обязаны дать четкие ответы на вопросы о миграции, о русской национальной идентичности, об этнической преступности, о взаимоотношениях со Средней Азией и Северным Кавказом. Если мы отдадим эти вопросы тем, кто организовал “Манежку”, нам будет очень плохо и времена “путинской стабильности” покажутся пионерским лагерем. Поэтому наша задача — бороться за интересы большинства людей, а не геев, лесбиянок, синих ведерок, Химкинского леса и прочих прелестей, которые нам навязываются»¹.

По данным опросов, проведенных Левада-Центром в конце декабря 2010 года на вопрос «С каким из следующих ответов по поводу событий 11–18 декабря 2010 г. в Москве вы бы согласились? 38 % респондентов, ответили, что «это были акции протеста русского населения против разгула этнической преступности и коррупции в правоохранительных органах», 33 % — что это были ультранационалистические, фашистские выступления, 15% — это были обычные хулиганские выходки². Представители ДПНИ окрестили события на Манежной «Днем рождения Русской нации».

Директор информационно-аналитического центра «СОВА» А. Верховский считает, что Манежная обнажила пробелы современной российской системы воспитания и образования, и отмечает, что «российское общество в целом — довольно расистское, что относится практически ко всем населяющим РФ народам... необходимо максимально усилить просветительские и образовательные меры, направленные на создание общегражданской идентичности граждан РФ»³. «События на Манежной

¹ Сообщество ДПНИ. Режим доступа: <http://viking-nord.livejournal.com/6214228.html>. (дата обращения 27.12.2010).

² Москвичи об акциях 11 и 16 декабря. Левада-центр. Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2010122901.html> (дата обращения 13.01.2011).

³ Там же.

площади в Москве в декабре 2010 года, — пишет А. Подберезкин, — высветили давно назревшую, но сознательно игнорировавшуюся проблему самоидентификации русской нации»¹.

М. Делягин резюмирует: «Беспорядки на Манежной площади заставили всех бояться. Они убрали с повестки дня вопросы прав человека, либерализма и модернизации. Ну, какая модернизация, если у нас огромная часть общества погрузилась в Средневековье, а остальные чувствуют себя беззащитными перед этим новым Средневековьем, в котором людей убивают в упор из травматических пистолетов?! Манежная развернула повестку дня однозначно в сторону Путина»².

«Мы» и «они» в контексте выборов-2012

Результаты выборов 4 декабря 2011 г. в Государственную думу и протест против фальсификации создали контекст электоральной кампании-2012 и определения гражданской идентичности. Люди, вышедшие на улицы российских городов зимой 2011–2012 с требованиями обуздания «партии жуликов и воров», проведения честных выборов, против «хамства путинского режима», получили название «лучшей России», «свободной России»³. Наблюдатели и участники отмечали мирный и ненасильственный характер выступлений, дух достоинства, самоуважения, доброжелательную атмосферу. Жестко-репрессивная реакция власти на первые послевыборные митинги гражданского несогласия на Чистых прудах и Триумфальной площади еще более обострила ситуацию,

¹ Подберезкин А. Нация, национализм, национальная и международная безопасность России.
Режим доступа: <http://kadry.viperson.ru/wind.php?ID=635689>.
(дата обращения 01.02.2011).

² Делягин М. Протест на Манежной площади: Россия демонстрирует готовность сбросить иго новой «Золотой орды».
Режим доступа: <http://www.rodina-zdraviy-smysl.ru/content/news/99/3398> (дата обращения 22.03.2011)

³ Михник А. Существует лучшая Россия.
Режим доступа: <http://inosmi.ru/poland/20111227/181454143.html>

к тому же блогосфера взорвалась обильной информацией и комментариями случившегося.

По заказу «Новой газеты» Левада-центр провел социологический опрос среди участников шествия и митинга 4 февраля. «Если в декабре на Болотной-1 и Сахарова людей спланировал сложный комплекс чувств и оценок, главным в котором было недовольство сложившимся социально-политическим режимом, “управляемыми” выборами, неуважением со стороны власти, ощущением, что все разговоры о “модернизации” не более чем блеф, то собравшиеся на Якиманке и Болотной-2 в феврале, поддерживая все требования прежних митингов, были сплочены более ясным пониманием, что установившийся режим, с его сращением бизнеса и власти, чиновной коррупцией, силовым произволом и пропагандистской ложью, олицетворен главной фигурой сегодняшней политической сцены и массмедиа»¹.

Стремясь подчеркнуть, что участники протестного движения не являются маргиналами и выступают не за кусок хлеба с колбасой, а за честность и достоинство, они стали идентифицировать себя со средним классом или с креативным классом. Нейтральное политически выражение Ричарда Флориды вызвало неоднозначную реакцию. «Так уж складывается история нашей страны, что внутри “единой и неделимой”, словно отражение двуглавого герба, всегда живут две России. Легко увидеть, как из фрагментации общества, противостояния и взаимодействия двух групп, двух частей, двух сил большой страны всегда произрастают поворотные события отечественного развития, — писал А. Коньков. — Что это за две России и чем они отличаются друг от друга? Условно их можно обозначить как “лучшая” и “большая”. Лучшая не в том смысле, что она чем-то лучше другой, а в том, что ее представители всегда думают о лучшем будущем»².

¹ Лицо Якиманки и Болотной // Новая газета. 13.02.2012.

² Коньков А.В. Какую Россию выбрать — лучшую или большую?
Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2012-02-01/3_kartblansh.html

Однако в таком противопоставлении скоро обнаружались новые ловушки. «Большая Россия» характеризовалась как Россия трудовая, укрепляющая страну и делающая возможным ее будущее. Понятие «Лучшая Россия» приобретало иронический оттенок в характеристике той части общества, которая много говорит, но мало делает, чужда повседневным заботам. И если одни авторы стремились сделать этой России мягкое внушение, призывали ее последовать примеру дореволюционной либеральной интеллигенции в «теории малых дел», то другие бросились приклеивать ярлыки — «офисный планктон», «сетевые хомячки», «норковые манто». Станислав Говорухин гневно восклицал: «А кто креативный класс? Весь офисный планктон? Все наши журналисты, включая вас, — это креативный класс? А те, кто создает, строит подводные крейсера, прокладывает трубы по дну Балтийского моря (барабанит по столу), — это не креативный класс? По-французски “крее” — это создавать. Те, кто создает, — это креативный класс. А создает, к сожалению, не эта публика с Болотной. Это как раз не креативный класс»¹.

В немалой степени сыграл свою роль известный психологический механизм: чем определенной «они», тем шире «мы». Как только «мы» становимся четко определенной категорией, «они» превращаются в широкую и расплывчатую группу. Пока протестные движения идентифицировали себя с возмущением «хамством режима» и против партии жуликов и воров, это создавало широкую базу для идентификации. Самоидентификация с креативным классом поставила вопрос о том, чем являются все остальные. Эдуард Лимонов в ходе предвыборной кампании одним из первых отметил и без обычного эпатажа зафиксировал риски суженной идентификации протестантов, деление на две стороны, агрессивную манеру их коммуникации, воинственность, и не без горечи заметил: «И ни одна сторона — не моя!» В поствыборных интервью и в своей обычной эпатажной манере Лимо-

¹ <http://lenta.ru/articles/2012/02/13/govorukhin/>

нов говорил: «Массовые протесты в Москве несомненно “прибавили избирателей Путину”. Буржуазные лидеры сами “хвастливо” подали их как бунт “креативного”, среднего класса и тем самым противопоставили этот класс стране». Как отметил писатель, у президентской кампании Путина до начала декабря не было темы, а тут она появилась — «бунт прозападной верхушки общества против народа и его вождя Путина»¹.

Более того, Путин попытался использовать сам факт протеста в свою пользу: «Сегодня наше общество другое, чем в начале 2000-х годов. Многие люди становятся более обеспеченными, более образованными и более требовательными. Изменившиеся требования к власти, выход среднего класса из узкого мирка строительства собственного благополучия — это результат наших усилий. Мы на это работали».

В предвыборных статьях была поднята проблема идентичности: «Самоопределение русского народа — это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром». «Российский опыт государственного развития уникален. Мы многонациональное общество, но мы единый народ. Это делает нашу страну сложной и многомерной. Дает колоссальные возможности для развития во многих областях, — говорилось в статье «Россия: национальный вопрос». — Такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать»². «В нашей стране, где у многих в головах еще не закончилась гражданская война, где прошлое крайне политизировано и “раздергано” на идеологические цитаты (часто понимаемые разными людьми с точностью

¹ <http://pda.nr2.ru/moskow/376119.html>

² *Путин В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012.

до противоположного), необходима тонкая культурная терапия», — призвал Путин¹.

Дискуссия после выборов проблематику интеллигенции включает в другой контекст. Наталья Зубаревич характеризует процессы в разных регионах России, проводя условное деление на Россию-1 — крупных городов столичного типа, Россию-2 — индустриальных городов: «Разным “Россиям” нужно разное. Россия-1 хочет политического представительства, прав и свобод, уважения, европейских стандартов жизни и безопасности. России-2 тоже подспудно все это требуется, но на первом плане у нее стабильная работа и зарплата... Россия-1 и Россия-2 еще долго не смогут договориться, но они должны пытаться понять друг друга. Тогда это резко повысит возможность их взаимодействия в будущем»². Она считает главным, что у общества «прорезался голос».

Дмитрий Быков вложил мнение о российской интеллигенции в уста Б. Обамы, как бы поздравляющего Путина с победой: «Вот с этим можно вас поздравить! Интеллигент — отличный враг. Намного б легче было править, когда бы в Штатах было так. Не врут, ни в чем не утесняют, любой — классический изгой, шельмуешь — мирно разъясняют, прикрыл канал — найдут другой... Наври про них, глотай их с кашей, закрой вещанье и печать, а скинет вас народ восставший — и вас же будут защищать! Как дал бы дорого Мубарак, зажат повстанцами кругом, чтоб у него такой подарок был главным внутренним врагом! Ведь как гнобят ее, заметим, а не смогли пустить ко дну»³. В этом пассаже можно увидеть как набор компонентов интеллигентского мифа, так и характеристику современной позиции интеллигенции, оппозиционной, но не радикальной.

Известный нам жесткий критик интеллигенции Павел Данилин в поствыборной ситуации стремится провести

¹ Там же.

² Зубаревич Н. Не спешите уезжать. Скорее всего, в России будет интересно // Новая газета. 09.03.2012.

³ Быков Д. Поздравительное // Новая газета. 12.03.2012.

грань между «правильной» и «неправильной» интеллигенцией: «Значительная часть интеллектуалов понимает, что в стабильности путинского шестилетия кроется залог ее благополучия. ...Есть только часть интеллигенции, которая либо активирована Прохоровым, либо бойко выступает на стороне несогласных, отказывая Путину в легитимности. Но не она определяет выбор»¹.

Сергей Кара-Мурза видит перспективы активизации интеллигенции в будущем: «Тут нужно обновлять целое мировоззрение и идеологию, нужно придать этому процессу, так скажем, художественное оформление. Творческая интеллигенция, которая могла бы это сделать, она все-таки либо на другой стороне, либо слишком слаба — делать эту работу некому. Через некоторое время такая группа новой, молодой интеллигенции появится, но это требует времени»².

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В БОРЬБЕ ЗА РЕГИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПЕРМСКИЙ СЛУЧАЙ

Множественная идентичность в современном мире имеет такую важную составляющую, как региональная идентичность. Региональные идентичности призваны выработать коллективные смыслы и поддерживать символическое единство регионального сообщества. Однако возникают ситуации, когда по поводу конструирования региональной идентичности разворачивается настоящая борьба двух позиций, в которую самым активным образом оказывается вовлеченной интеллигенция. Пермский случай представляет собой яркий пример такого рода.

События сменяют друг друга, как в калейдоскопе, за их пестротой и эмоциональностью теряются вехи и сюжеты. Ключевые моменты конструирования пермской идентичности в немалой степени определяют аргументы противостоящих друг другу сторон.

¹ Данилин П. Хотели честно? Получите // Не дай Бог. 14–21 марта 2012. С. 2.

² <http://www.nakanune.ru/articles/16305/>

Традиционными для Перми культурными символами являются пермские боги (деревянная скульптура) и пермская художественная галерея в целом, пермский балет, пермский звериный стиль (бронзовая художественная пластика VII в. до н.э. — XII в. н.э.). В советское время применительно к Перми использовались традиционные для риторики того времени понятия «кузница Урала», «становой хребет», «опорный край державы» и т.п.

В начале 2000-х гг. Пермь гордилась репутацией демократического региона и «Мекки гражданского общества». Проведенное в 2000 г. исследователями из Московского центра Карнеги исследование регионов с целью определения их демократичности привело аналитиков к выводу, что по совокупности показателей Пермская область может быть охарактеризована как самый демократичный регион в России. Подобная оценка стала предметом гордости региональной политической элиты. Представления о демократичности региона были основаны на том, что пермяки демонстрировали устойчивые демократические предпочтения на выборах всех уровней, а также на активности некоммерческих организаций, в особенности правозащитных, таких, как Пермский региональный правозащитный центр, Пермская Гражданская палата, региональное отделение общества «Мемориал», музей политических репрессий «Пермь-36».

Тяготение местных властей к умеренности, нелюбовь к резким колебаниям курса, радикальной фразеологии, эпатажным или даже просто эффектным политическим шагам; общественное согласие или хотя бы его видимость как краеугольный камень местного менталитета; гордость пермяков за свою умеренность и стабильность региона — все это на протяжении многих лет создавало репутацию Прикамья. Особенно ярко эти черты проявились во время пребывания Ю. Трутнева на посту мэра г. Перми, а затем и губернатора. Спокойная самоидентификация пермяков не порождала претензий на столичность.

Но все эти компоненты были объявлены новым губернатором — Олегом Чиркуновым — показателями за-

стоя и признаками «болота», а притязания на столичность стали и трендом, и брендом его губернаторства.

С созданием в декабре 2005 года нового объединенного субъекта Федерации — Пермского края и назначением Олега Чиркунова его губернатором произошли серьезные перемены в расстановке сил внутри региональных элит, возрос удельный вес неформальных институтов, впервые с «табачного бунта» 1990 г. в регионе в 2005—2006 гг. прошли массовые выступления, связанные с монетизацией, социологами зафиксировано ухудшение социального самочувствия населения и снижение уровня доверия к властям, особенно региональным (кстати, эти данные сразу же перешли в разряд материалов для служебного пользования). На политической сцене обнаружилась оппозиция, впервые в регионе появилась резко оппозиционная власти, до эпатажа, пресса. Острым характером борьбы были отмечены выборы в городскую Думу и на пост мэра г. Перми в марте 2006 г.

Олег Чиркунов с начала вступления в должность позиционировал свое губернаторство как бизнес-проект. Как известно, региональная идентичность широко используется в маркетинговых стратегиях. Идет поиск новых брендов и лозунгов, логотипов и символов: «Пермский край — территория успеха», «Пермский край — найди свое место здесь», «Покупай пермское», «Пермская картошка». Активная имиджевая политика пермских властей направлена на конструирование принципиально новой идентичности, сосредоточена вокруг идеи губернатора превратить Пермь в культурную столицу России, а основным институтом сделать Музей современного искусства PERMM. Музей был открыт в Перми в 2009 г., и его директор Марат Гельман стал одним из акторов и символов новой культурной политики. Интересно, что городская администрация Перми и Пермская городская дума не принимают активного участия ни в процессе принятия решений в данной сфере, ни в общественной дискуссии, начатой писателем Алексеем Ивановым публикацией в газете «Новый

компаньон», которая позиционирует себя как газета для деловой и политической элиты, статьи «О культурной ситуации в Перми». Иванов поддержал пермских художников в их критике региональных властей за ставку на «варягов» и пренебрежение местным культурным продуктом: «Приезжие деятели не могут придать региональной идентичности современное звучание, а лишь замещают местное столичным»¹. Критику поддержал председатель Пермской Гражданской палаты Игорь Аверкиев в том, что касается монополизации москвичами пермского культурного пространства и слепого импорта пермскими властями культурного секонд-хенда². В течение нескольких месяцев шли ожесточенные дискуссии. Как выразился журналист Валерий Мазанов, такую «культурную революцию» не принимает в Перми никто. Редкий, удивительный случай общественного согласия. Представители бизнеса, культуры, политики и даже самой бюрократии — все дружно встали на дыбы»³.

Большой общественный резонанс имела статья Аверкиева «Пермский культурный пузырь», в которой автор утверждал: «Чтобы стать “культурным магнитом” и эпицентром для всей России на многие годы (не говоря уже о мире), Перми нужно во много раз увеличить интенсивность и качество сегодняшней, уже пережившей серьезные вливания, культурной жизни»⁴. Он предостерегал: «Через год-два, когда “пермский культурный пузырь” лопнет, и мода на Пермь закончится, нам предстоит познать всю прелесть отношения к себе как к “не оправдавшим ожиданий”, поскольку “несколько людей выбрали стратегию развития Перми, лишив выбора всех пермяков”»⁵.

¹ *Иванов А.* О культурной ситуации в Перми // Новый компаньон. 28.04.2009.

² *Аверкиев И.* Алексей Иванов прав, но... // Новый компаньон. 28.04.2009.

³ *Мазанов В.* С чего культура-то упала? // Новый компаньон. 10.11.09.

⁴ *Аверкиев И.* Пермский культурный пузырь // Новый компаньон. 27.10.09.

⁵ Там же.

В Перми¹ сформировалось противоборство «пришлых» («актуальщиков») и «местных» («почвенников») в конструировании пермской идентичности². Масла в огонь подлило выступление Чиркунова на форуме «Культура: миссия, перспективы, модели развития. 2010 год», где он заговорил о Перми как культурной столице Европы, имея в виду заявку на участие города в проекте «Культурная столица Европы» в 2016 году. Идея была встречена многими с большим скепсисом: «Городу нужен прорыв... Однако хочется как пермяку, чтобы будущую культурную столицу пока хотя бы помыли» (Олег Андреевский); «заявление о том, что Пермь может стать “культурной столицей Европы”, — неважно, в каком году, — это абсурд... Это обычное русское шапкозакидательство» (Анна Гор); «программа “Пермь — культурная столица России” отличается от программы “Пермь — культурная столица Европы”, как шизофрения от паранойи» (Алексей Иванов); «“окультуривать” город надо реальными делами, а не лозунгами» (Татьяна Пермякова)³.

Еще больше иронии можно найти в блогосфере, даже в интернет-издании «Соль», находящимся под идейным руководством Гельмана: «Ну, понимаете, слишком часто в последнее время, когда я говорю, откуда я, в ответ следует глумливое либо ехидное, либо ироничное: “Из Перми? Из культурной столицы России? Из будущей культурной столицы Европы?” Приходится отвечать: “Нет-нет, что Вы! Я совсем из другой Перми”»⁴.

Показательна в плане взаимоотношений власти и общества история с красной буквой П. Когда столичный дизайнер Артемий Лебедев предложил в качестве логотипа Перми красную букву «П», пермские журналисты обнаружили плагиат: аналогичный «придуманному» Ле-

¹ Понятие «Пермь» используется для характеристики всего региона, тем более что в Перми сосредоточена треть всех его жителей и основные ресурсы.

² <http://saltt.ru/node/5345>

³ Возможен ли для Перми культурный прорыв в Европу? // Новый компаньон. 10.03.2010.

⁴ <http://saltt.ru/node/5345>

бедеву символ использовался в качестве бренда одного из городов Латинской Америки. Кстати, в подобной ситуации в Краснодаре разгорелся нешуточный скандал, когда предлагаемый в качестве символа города памятник кошельку обнаружился в Мельбурне, и плагиатчикам пришлось туго. В Перми же власть проигнорировала обвинения в плагиате, и буква П красного цвета установлена недалеко от выхода из аэропорта, а также активно используется в телерекламе как логотип Перми.

Самым стойким и упорным противником «актуальщиков» является Алексей Иванов. Он заявляет: «Триста лет промышленной истории края не выбить вон пинком актуального искусства»¹.

Когда Марату Гельману была присуждена Строгановская премия (престижная награда пермского землячества в Москве) за вклад в развитие культуры и искусства, в Перми был созван Конгресс пермской интеллигенции, который решил присудить альтернативную премию профессору Владимиру Абашеву, директору Пермского фонда культуры «Юртин». Алексей Иванов объявил о том, что он готов вернуть свои награды, полученные им от землячества в 2006 году. В итоге писатель формально сохранил звание лауреата Строгановской премии, хотя деньги, полученные им от землячества, перечислил музею в Усолье на восстановление Строгановских палат.

Следующим шагом писателя стали съемки совместно с Леонидом Парфеновым фильма «Хребет России» и выпуск одноименной книги, с целью отстоять иной взгляд на место и предназначение региона, доказывая, что культурный потенциал Урала — «горнозаводская цивилизация». Он находит в горнозаводской цивилизации «увязанные между собою смыслы и переклички»².

Иванов опирается на распространенные среди пермяков представления о регионе как опорном крае державы — с богатствами уральских недр, трудолюбием и основательностью пермяков, получивших прозвище

¹ <http://www.arkada-ivanov.ru/ru/about>

² <http://arkada-ivanov.ru/ru/faq>

«соленые уши» за тяжелый и необходимый стране труд по добыче соли. Советское время закрепляло образ трудового Урала с его «заводскими Отцами-Генералами» (выражение журналистки Светланы Федотовой)¹.

Если говорить о психологии «трудового Урала», то следует учесть, что трудовой этос, который составляет ядро социальной психологии рабочего класса во всем мире, противоречив: в нем всегда сочетались гордость за свой труд и оценка тяжелого труда как проклятия, сопряженные с ощущением социальной несправедливости в отношении трудящихся². И к пермским рабочим это относится в полной мере. Условия труда представителей горнозаводской цивилизации представляются воистину каторжными на протяжении нескольких столетий. За рубежные коллеги, посетившие Пермь, замечают, что и сегодня центр города и рабочая окраина вокруг Мотовилихинских заводов создают впечатление разных городов. Пермский историк и поэт В. Раков в стихах, посвященных Мотовилихе, описывает ее как застойное, ползучее, спивающееся, одуряющее место³.

В. Абашев справедливо отмечает, что психологические и прочие проекции территориального описания и идентичности неизбежно опосредуются языком, и приводит примеры унифицирующей риторики советских времен, вызывавшие протест у творческих людей⁴. В этом протесте есть и сочувствие к тем, кого государство возвышало риторически и эксплуатировало фактически. Как охарактеризовал положение рабочих семей в бараках (в Перми

¹ Федотова С. Молотовский коктейль. Пермь, 2009.

² The Working Class in Modern History. Essays in Honour of Henry Felling, Cambridge UP 1983
Working Class Culture. Studies in History and Theory. N.Y., 1979
Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории: Т. 1–6. М.: ИМРД, 1985; Патрушев С.В. Рабочее движение в середине 1990-х годов // Институциональная политология. Современный институционализм и политическая трансформация России. Под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006.

³ Раков В.М. Мотовилиха // Раков В.М. Число П. Пермь, 2006.

⁴ Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь, 2009. С. 118.

конца XX века!) один из пермских поэтов, «это мощный фундамент страны, прозябающий в сердце Урала».

Важно еще одно обстоятельство, влияющее как на восприятие города, так и на идентичность его жителей. Город Пермь, как известно, был местом ссылки многих выдающихся людей, которые оставили о нем весьма нелицеприятные воспоминания. Центральная улица города — Сибирская, выходила на Сибирский тракт, путь каторжан. В советское время Пермь и Прикамье в целом стало частью ГУЛАГа. Лагерь для политзаключенных, известный как Пермь-36, существовал вплоть до 1988 года. До 1987-го Пермь была закрытым для иностранцев городом. Метафора Галича — «над блочно-панельной Россией, словно лагерный номер, луна» — к Перми подходит в полной мере. Тюремная субкультура была и остается значимым психологическим фактором жизни пермяков. Это в немалой степени определяет высокий уровень преступности в городе и регионе.

Через повествования о творческих личностях, живших в Перми, нередко проходит тема «поединка с Пермью»¹. В поэтических описаниях Пермь выглядит ужасающе — «кошмарный город Пермь выгуливает псов»; «вокруг Перми мычат леса, как скот на бойне» (В.М. Раков); «оказалось, что город не так уж и прост. Он себе на уме, как бывалый шизоид» (В. Лаврентьев); «Господи Боже ты мой, что за земля эта Пермь!». (В. Кальпиди). Даже воспевавший Пермь трудовую в лучшем духе соцреализма Владимир Радкевич в более частных стихах дает иные образы: «Здесь на песню запреты, здесь калитки, как щели, здесь читают газеты вечерами Кашеи».

Смысловая матрица Перми, по мнению В. Абашева, оказывается многослойной, включая Пермь как окраину мира, и Пермь как начало мира, и Пермь как центр мира. Такие мотивы можно найти не только в литературных текстах, но и в публицистике, в общественном мнении.

¹ *Абашев В.В.* Виталий Кальпиди: поединок с Пермью // *Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь, 2009; *Лейбович О.Л.* В городе М. Пермь, 2009; *Раков В.М.* Число П. Пермь, 2006.

Так, в сентябрьском номере журнала «Мы — земляки» за 2010 год, ставящего своей целью развитие пермской идентичности, помещено интервью с преподавателем А. Жоховым, который отмечает двойственность Перми: «с одной стороны, здесь моменты негатива, зла сосредоточены в сильной степени. Но одновременно, как ни странно, как ни удивительно, элементы некоего света»¹.

«Моменты негатива», Пермь как окраина и т.п. в соединении с катастрофами последних лет — крушением Боинга, «взбесившимся автобусом», пожаром в «Хромой лошади» — способствуют формированию у пермяков алармистской идентичности, представлений о Перми как проклятом месте. Это отчетливо проявляется в блогосфере. Специалисты заговорили о посттравматическом синдроме пермяков и их повсеместном страхе перед гипотетической катастрофой.

Итак, как традиционные компоненты региональной идентичности, так и предлагаемые властью новые ориентиры не дают устойчивых и разделяемых региональным сообществом оснований. Стратегия региональных властей в политике идентичности претерпевает некоторые изменения. Так, ставшие традиционными для региона культурные бренды «Пилорама», «Дягилевские сезоны», «Флаэртиана», «Астафьевские чтения» оказались включены в рекламу края в целом наряду с явно маркетинговыми лозунгами «Пермский край — территория успеха», «Пермский край — найди свое место здесь», «Покупай пермское» и т.п. В символической политике региональных властей, в немалой степени под воздействием критики со стороны оппонентов, стали использоваться в качестве имиджевых характеристик социальная поддержка в Перми творческих людей из разных слоев и групп (ежемесячная доплата студентам, поступившим в пермские вузы с высоким ЕГЭ, докторам наук, работающим в вузах, медицинским работникам и др.). Раскрываются новые проекты: «Живая Пермь», «СловоNova», «Культурный альянс» и др.

¹ Жохов А. Почти полвека я здесь, на пермской земле // Мы — земляки. — 2010. — № 9 (19). С. 8.

Был создан новый интернет-ресурс «Соль», включающий блоги, новости, публикации, проекты. В этот проект оказались вовлечены многие высококвалифицированные специалисты — журналисты, преподаватели, ученые. Проект позиционировался как технологически современное национальное интернет-издание с редакцией в Перми и хорошо финансируется. Хотя официальное руководство проектом принадлежало пермским журналистам, однако ни для кого не секрет, что реально проект курировал Марат Гельман. Марат Гельман гордится своим вкладом в новую идентичность Перми: «Любой реальный проект, ориентированный на будущее, выглядит как Ньювасюки. Когда мы начали проект в Перми, он вызывал недоверие. Однако, два года назад 60 % людей хотело уехать из Перми, а сегодня — 8 %. Хотя формально культурная столица Пермь — Ньювасюки... Теперь Пермь — это public art. Раньше туда всю интеллигенцию ссылали, а теперь это город космополитов»¹.

При вступлении в должность губернатора на новый срок Олег Чиркунов подтвердил Законодательному собранию Пермского края намерение бороться за статус культурной столицы: «При реализации таких проектов важно соотношение реальности и иллюзии. Они развиваются тогда, когда у людей есть мечта, когда они на старте верят в невозможное и заставляют верить в это остальных. Для меня этот проект является таким»². В состав нового правительства введена должность вице-премьера, ответственного за данный культурный проект. Им стал бывший до этого министром культуры Борис Мильграм.

«Пермский проект. Концепция культурной политики Пермского края», опубликованный в ноябре 2010 г., разработан в значительной степени с учетом критики оппонентов региональных властей, в нем есть как характеристика современных постиндустриальных вызовов и ценностей креативного общества, так и указание на имеющиеся у

¹ Асташкина Н. Стратегии: Марат Гельман.

Режим доступа: http://www.be-in.ru/people/12130-Marat_Gelman

² Новый компаньон. 2.11.2010.

региона преимущества не только в экономической, но и в социокультурной сфере (полиэтничность культур, активность гражданского общества, университетские традиции, культурные достижения), которые рассматриваются как «важнейшие ресурсы культурного обновления»¹. В проекте обосновывается необходимость расширения «культурного поля как пространства выбора жизненных стратегий», культура оценивается как «способ поиска человеческой идентичности», выдвинут лозунг стимулировать актуальное на базе традиционного. Текст проекта выглядит сбалансированным и продуманным.

Оппоненты же указывают, например, на то, что 45 % исторических зданий Перми на сегодня утрачено, считая это культурной катастрофой². Обращения общественных организаций «Зеленая Ойкумена», клуба «Пермский краевед», Пермского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры к мэру Перми и в министерство культуры края с призывом сохранить оставшееся результатов не дали. В целом, открытая конфронтационность борьбы за идентичность сменяется скрытым недовольством, проявляемым прежде всего в блогосфере³.

Впрочем, в популярном сериале «Реальные пацаны» представлена иная идентичность Перми, совсем непохожей в фильме на культурную столицу. И в новаторском фестивале «СловоNova» в поэтическом спектакле «Стихи о Перми» воспроизведена Пермь «мрачная», «кривоколенная», «чудо-юдо-кит», с которой «лирический герой изо дня в день борется, как с драконом»; «Пермь — человечья нора»; «Пермь повторяет “Титаник”», «Пермь — морг, в котором все по инерции “гутен”».

Роман Юшков, пермский гражданский активист, уверен, что «культурная судьба Перми — это провинци-

¹ Пермский проект. Концепция культурной политики Пермского края. Пермь, 2010. С. 9–10.

² Газета «За права человека».

Режим доступа: <http://www.prpc.ru/gazeta/018/arch.shtml>

³ <http://www.permoboz.ru/txt.php?n=7982>

альность. И отнюдь не в плохом смысле этого слова». Он утверждает: «Я считаю, что у Перми, в идеале, свой культурный путь, свои цели и ориентиры. Но это не означает более низкий художественный уровень! Есть уральские художественные явления и мастера высшей пробы. Вот Павел Бажов. Он по своему духу, по художественной специфике провинциал из глухого горного уголка России. И это нормально. А когда провинция пытается раздвигать щеки до размеров культурных столиц, то эти щеки только лопаются — и получается смех и грех»¹.

«Власти говорят о культурных достижениях, занимаются разработкой бренда региона и прочими, на мой взгляд, второстепенными вещами и в то же время уничтожают реальное содержание такого фундаментального политического института, как выборы», — характеризует последние тренды пермской политики Александр Кынев. Он напоминает, что «на фоне других регионов России Пермь всегда выглядела более свободной и дающей возможности для реализации людей с разными политическими взглядами и убеждениями», однако, «завершившаяся 13 марта кампания по выборам в Пермскую городскую думу показала, что имидж Перми как относительной политической вольницы во многом нивелирован»².

Меняются основания и контуры региональной идентичности, претерпевают изменения стратегии и конфигурация акторов. Критика со стороны общественности носит волнообразный характер. В начале 2012 г. она существенно усилилась. Марат Гельман заговорил о культурном проекте для Краснодара. Однако Олег Чиркунов после успешно проведенных в крае президентских выборов получил серьезную административную поддержку от Дмитрия Медведева. Была сформирована инициативная группа при Пермской городской думе, цель которой — подготовить в течение двух месяцев и подать в Евросоюз заявку на участие в программе «Культурная столица Европы» (пока Ми-

¹ Козлов И. «Судьба Перми — это провинциальность».

Режим доступа: <http://www.saltt.ru/node/9355>

² Новый компаньон. 15.03.2011.

нистерство иностранных дел РФ готово было выполнить соответствующее распоряжение действующего тогда президента Медведева, данное им по результатам встречи с губернатором Олегом Чиркуновым 7 марта 2012 года).

Как сообщают СМИ, прошло несколько официальных презентаций Перми в европейских столицах — перед культурной общественностью, парламентариями и даже перед политиками-ветеранами. Российский институт культурологии подготовил портфолио Перми для «Европейского компендиума» — базового документа общеевропейской культурной политики (кроме Перми, отдельное портфолио в этом документе имеет всего один европейский город — Барселона). В Берлине, Брюсселе и Лондоне открыты PR-представительства Пермского края, которыми руководят немецкий пиарщик Томас Филипп Райтер и Дарья Жиссо, аккредитованная во всех европейских руководящих органах — Европарламенте, Еврокомиссии и Совете Европы¹.

В то же время даже прежние сторонники пермского культурного проекта выступают с заявлениями о необходимости его ревизии, возвращения из разрушительного в созидательное русло, как это сделал режиссер Павел Печенкин: «Соединение культуры и системы образования и трансформация разношерстных “фестивальных” проектов в действительно осмысленную культурную политику, воспроизводящую возможности для раскрытия креативного потенциала жителей края, — два вопроса, которые сегодня крайне актуальны для “Пермского культурного проекта”»². По сути, речь идет все о том же: возможно ли создать региональную идентичность шумными дорогостоящими шоу, создающими иллюзию столичности, либо культурный проект должен опираться на значимые для сообщества ценности, превращая их в коллективные смыслы, спланивающие пермяков.

¹ Баталина Ю. Нам в Европу. Срочно // Новый компаньон. 20.03.2012.

² Печенкин П. «Поефестивалили». Что дальше? // Новый компаньон. 13.03.2012.

В мае 2012 г. пермяки поменяли губернатора, что, впрочем, произошло без их вмешательства. Нет ничего удивительного, что одним из первых сюжетов, которые активисты захотели обсудить с новым губернатором, В. Басаргиным, стал вопрос о культурном проекте. Были высказаны разные точки зрения, но явно наметилось опасение, что, как часто бывает, вместе с «грязной водой» (гельмановщиной) будет «выплеснут ребенок» — пермский культурный проект¹. Организаторы дискуссии 22 мая 2012 г. неоднократно выражали заинтересованность в том, чтобы ферменты активизации региональной идентичности сохранить, но не за счет краевого бюджета. Так или иначе, возвращение «на круги своя», кажется, никого не радует. Пермская интеллигенция собирается с силами для новой борьбы за идентичность.

¹ http://www.nk.perm.ru/news.php?news_id=35681

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Если следовать метафоре А. Кустарева, характеризующего нарратив интеллигенции как драму, то ее «суровые обличители, восторженные апологеты, льстецы, моралисты, юродивые, начетчики» будут продолжать исполнять свои роли независимо от того, кто и что написал в очередной раз об этом феномене.

Интеллектуальная ситуация в современной России, на мой взгляд, очень медленно, но сдвигается в сторону отказа от безапелляционности суждений о русской интеллигенции, одинокой, как перст, в мировой истории. Возможно, и у нас найдут поддержку замыслы создания европейской истории интеллигенции/интеллектуалов, которые становятся популярными в качестве международного тренда. Анализ роли интеллигенции/интеллектуалов в борьбе за идентичность обнаруживает несколько важных моментов. Прежде всего, такая борьба ведется за собственную идентичность. Самоидентификация интеллигенции/интеллектуалов является одним из ключевых моментов определения того, что представляет собой идентичность национальная, государственная, политическая.

Именно интеллектуалы на протяжении длительного времени создавали комплексы идейно-политических ориентаций, наделяли их смыслами, формировали политические общности. В последние десятилетия XX века казалось, что эти функции забрали из рук интеллектуалов политики, политтехнологи, имиджмейкеры и т. п. Однако, начало XXI века сделало такую передачу не столь очевидной.

В современном мире такие мыслители, как Юрген Хабермас и Самюэль Хантингтон, Умберто Эко и Славой Жижек предлагают свои варианты ответа на вопрос «Кто мы?», которые обсуждаются в широкой мыслящей среде, примеряются к национальному и политико-культурному контексту, становятся предметом теоретических споров и политической борьбы.

Мир 2000-х все меньше напоминает стабильную систему. Кризис финансовый и экономический уже стал и политическим, и идеологическим, его называют кризисом «конца света», если в понимании Славоя Жижека, то не апокалиптически, но как «курс к нулевой отметке капитализма»¹.

И европейские интеллектуалы, и российская интеллигенция в этих условиях выступают в качестве критиков, аналитиков, инициаторов протестных настроений. Однако в отличие от предыдущих эпох они не призывают к разрушению до основания, не выдвигают революционных лозунгов и идей. Представляется, что это скорее проявление мудрости, чем слабости. Интеллигенция/интеллектуалы не готовы смириться с тем, что изменения возможны только в мире вещей. Они считают важным развивать мир мысли, духа, идей, гражданское самосознание и гражданскую идентичность. Они настаивают на том, что гражданская идентичность не исчерпывается поддержкой общественного порядка и лояльностью государству. На их взгляд, люди имеют право и должны иметь возможности влиять на политические институты и политический порядок. Они воздействуют на эмоциональное переживание людьми политической общности. Они продолжают искать и предлагать возможности выбора.

¹ Жижек С. В кризисе выдерживает авторитарный капитализм.
Режим доступа: rus.ruvr.ru/2011/08/29/55311658.html

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь, 2009.
- Аверкиев И.* Алексей Иванов прав, но... // Новый компаньон. 28.04.2009.
- Аверкиев И.* Пермский культурный пузырь // Новый компаньон. 27.10.09.
- Алтаев О.* Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вестник РСХД, Париж — Нью-Йорк, № 97, III, 1970.
Режим доступа: <http://antology.igrunov.ru/70-s/periodicals/rshd/altaev.html>
- Андреев А.Л.* Социальное ядро нации. Средние слои в современном российском обществе // Общественные науки и современность. — 2003. — № 3.
- Андреева Н.* Не могу поступиться принципами // Советская Россия. 14.03.1988.
- Аннинский Л.* Интеллигенция должна быть гнилой // Новые известия. 19 апреля 2004 г.
- Арон Р.* Опиум интеллектуалов // Логос. — 2005. — № 6 (51).
- Архангельский А.* Пепел остывших полемик // Новый Мир». — 1996. — № 1.
- Астафьев В., Курбатов В.* Крест бесконечный. Письма из глубины России. Иркутск, 2003.
- Асташкина Н.* Стратегии: Марат Гельман. Режим доступа: http://www.be-in.ru/people/12130-Marat_Gelman
- Аузан А.* О царях, «опчестве» и авторитарной модернизации // Неприкосновенный запас. № 50.
- Афанасьев Ю.* Несколько слов от редактора // Иного не дано — перестройка, гласность, демократия, социализм. М., Прогресс, 1988.
- Бавин П.* Патриотизм: критерии и проявления. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/cat/man/patriotizm/d064825>

- Балла О.* Интеллигенция и эволюция. От социальной группы к человеческому типу // Лицейское и гимназическое образование. — 2005. — № 2.
- Бат Йеор.* Проект Еврабия. Режим доступа: <http://www.jerusalem-korczak-home.com/np/arab/Bat.html>
- Баталина Ю.* Нам в Европу. Срочно // Новый компаньон. 20.03.2012.
- Беллоу Сол.* Писатели, интеллектуалы, политики: воспоминания о главном // Иностранная литература. — 2005. — № 12.
- Бенда Ж.* Предательство интеллектуалов. ИРИСЭН, М., 2009.
- Бердяев Н.А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России. М., Молодая гвардия, 1991.
- Бессмертный Ю.Л.* Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма в микроистории // Одиссей. Человек в истории. 1995. М., 1995.
- Боббио Н.* Интеллектуалы и власть // Семигин Г.Ю. Антология мировой политической мысли. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/33.php
- Боборыкин П.Д.* Подгнившие «Вехи» // В защиту интеллигенции. Сборник статей. М., издательство «Заря». 1909.
- Бодрийяр Ж.* Под маской войны // Отечественные записки. — 2003. — № 6.
- Борозняк А.И.* Искушение. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М.: Пик, 1999. 285 с.
- Борусяк Л.* Патриотизм как ксенофобия // Вестник общественного мнения. — 2004. — № 6.
- Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России. М., Молодая гвардия, 1991.
- Бурдые П.* За ангажированное знание // Неприкосновенный запас. — 2002. — № 5 (25).
- Бызов Л.Г.* Перестройка: 20 лет спустя. Когда окончится перестройка? (по материалам ИКСИ РАН и ВЦИОМ) // Золотой лев. № 61–62.
- Быков Д.* Булат Окуджава. М.: Молодая гвардия. 2009. 776 с.
- Быков Д.* Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2007. 891 с.
- Быков Д.* Горби возвращается // Новая газета. 01.09.2010.
- Быков Д.* Манифест трудоголика. Режим доступа: <http://novayagazeta.livejournal.com/89494.html>
- Быков Д.* Патрохамы. Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/print18403.htm>
- Быков Д.* Поздравительное // Новая газета. 12.03.2012.

- В защиту интеллигенции. Сборник статей. М., издательство «Заря». 1909.
- В поисках истины. Интеллигенция провинции в эпоху общественных потрясений. Материалы научно-практической конференции. Пермь, 1999.
- Васильев Б.* И все же я уверен, что Россия привержена добру // Известия. 15.06.1990.
- Ваттимо Дж.* Европейским дом // Отечественные записки. — 2003. — № 6.
- Вехи. Интеллигенция в России. Сб.ст. 1909—1910. М., Молодая гвардия, 1991. 461 с.
- Водолазов Г.Г.* Идеалы и идолы. Мораль и политика. История, теория, личные судьбы. М., Культурная революция. 2006. 864 с.
- Володин А.Г., Широков Г.К.* Глобализация: истоки, тенденции, перспективы // Полис. — 1999. — № 5.
- Все на выборы! Игры интеллигентов или социальный контроль масс. М.: ЭКСМО, 2003. 480 с.
- Галкина Л.А.* К критике идеологии фабианства. М.: Наука, 1984. 151 с.
- Геккер Н.* Реакционная проповедь // В защиту интеллигенции. Сборник статей. М., издательство «Заря». 1909.
- Гершензон М.О.* Творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России. М., Молодая гвардия, 1991.
- Голиченко Т.* Интеллектуалы в фокусе современных французских исследований. Режим доступа: belintellectuals.eu/publications
- Грамши А.* Возникновение интеллигенции // *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3 частях. Часть 1. М., 1991.
- Гранин Д.* Собраться с духом, чтобы выжить // Известия. 19.12.1991.
- Гуадарама Р.Д.* Роль интеллектуалов в изменении мексиканской политики: 1994—2002 // Неприкосновенный запас. — 2003. — № 1 (27).
- Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997—2002 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 807 с.
- Гудков Л., Дубин Б.* Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли «элиты» // Pro et Contra. — 2007. — № 3 (37).
- Гудков Л., Дубин Б.* Интеллигенция. Заметки о литературно-политических иллюзиях. М., Эпицентр. 1995. 188 с.
- Гусев А.* Зачем нужна ложь о 90-х? Режим доступа: <http://vk.com/id75656>

- Данилин П.* Бояться ткачихи. Режим доступа: <http://vz.ru/columns/2007/12/10/130825.html>
- Данилин П.* Враги и гниющая интеллигенция // Режим доступа: <http://www.vz.ru/columns/2007/11/21/126277.html>
- Данилин П.* Новая молодежная политика. 2003–2005. М.: Европа, 2006. 291 с.
- Данилин П.* Хотели честно? Получите // Не дай Бог. 14–21 марта 2012. С. 2.
- Данилин П., Крышталъ Н., Поляков Д.* Враги Путина. М.: Европа, 2007. 291 с.
- Деягин М.* Протест на Манежной площади: Россия демонстрирует готовность сбросить иго новой «Золотой орды». Режим доступа: <http://www.rodina-zdraviy-smysl.ru/content/news/99/3398>
- Десягин Михаил.* Главная беда России — это само ее государство. Folksland.net. 28.12.2010.
- Добрускин М.Е.* Интеллигенция под огнем критики: вымыслы и истина // Философия и общество. — 2004. — № 3.
- Драгунский Д.* Утро туманное. Современная Россия в поисках национальной идеи // НЗ. № 50.
- Дробизжева Л.М.* Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе: основные подходы к изучению // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М.: ИЭА РАН, 1994. 273 с.
- Дробизжева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.
- Дробизжева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов М., 1996.
- Дубин Б.* Всеобщая адаптация как тактика слабых // НЗ. № 50.
- Елисеев А.* Консервативная гвардия глобального мира. Режим доступа: <http://pravaya.ru/look/20183?print=1>
- Ельцин Б.* Записки президента. М., Огонек. 1994. 415 с.
- Емельянов Ю.В.* Заметки о Бухарине. Революция. История. Личность. М.: Молодая гвардия, 1989. 319 с.
- Есин С.Н.* На рубеже веков. Дневник ректора. М., 2004. 636 с.
- Жижек С.* В кризис выигрывает авторитарный капитализм. Режим доступа: <http://rus.ruvr.ru/2011/08/29/55311658.html>
- Жижек Славой.* Казус Брейвика, или чего хочет Европа? Режим доступа: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Kazus-Brejvika-ilichego-hochet-Evropa>

- Жижек Славой.* Чтобы спастись из ловушки. Режим доступа: <http://m-introduction.livejournal.com/20960.html>
- Жохов А.* Почти полвека я здесь, на пермской земле // Мы — земляки. — 2010. — № 9 (19).
- Залыгин С.* Моя демократия. Заметки по ходу жизни // Новый Мир». — 1996. — № 12.
- Зверева Г.* 1990-е: запомнить... и забыть // Отечественные записки. — 2008. — № 5.
- Зверева Г.* Построить матрицу: дискурс российской власти в условиях сетевой культуры. <http://polit.ru/research/2007/04/11/zvereva.html>
- Зидентоп Л.* Демократия в Европе. М.: Логос, 2001. 241 с.
- Зиновьев А.* Катастрофка. Режим доступа: http://bookz.ru/dl2.php?id=21781&t=z&g=20&f=zinova06&a_id=2588
- Зубаревич Н.* Не спешите уезжать. Скорее всего, в России будет интересно // Новая газета. 09.03.2012.
- Иванов А.* О культурной ситуации в Перми // Новый компаньон. 28.04.2009.
- Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века. Т.1. СПб., Типография Стасюлевича. 1911. 414 с.
- Игнатов И.* Интеллигенция на скамье подсудимых // В защиту интеллигенции. Сборник статей. М., издательство «Заря». 1909. Идентичность как предмет политического анализа. Отв. ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеева. М., ИМЭМО РАН. 2011. 299 с.
- Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы. Под ред. О.Малиновой. М., РОССПЭН, 2011. 285 с.
- Изгоев А.* Интеллигенция как социальная группа // Образование. — 1904. — № 1.
- Интеллектуалы и арабская революция. М., Свободное марксистское издательство. 2011.
- Интеллигенция и власть. Дискуссия в клубе «Свободное слово» / Полис. 1992. № 3.
- Интеллигенция и политика. Реферативный сборник. М., ИНИОН РАН, 1978. 327 с.
- Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М.: ИВИ РАН, 2001. 312 с.
- Интеллигенция России в истории XX века. УрГУ, 1998. 287 с.
- Ирри К.* Мир переживает не экономический, а идеологический кризис. Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/europe/20111108/177295968.html>

- Каган Р.* Сила и слабость // Отечественные записки. — 2003. — № 6.
- Кагарлицкий Б.* Славой Жижек как зеркало левого движения // Критическая масса. — 2003. — № 2.
- Каграманов Юрий.* Евразия: призрак или реальность? Дружба Народов — 2006. — № 5.
- Казазюс Ж.* Европейская идентичность // Европейская интеграция: современное состояние и перспективы. Минск, 2001.
- Казанцев А.А.* Интеллигенция и структурные новации в политическом пространстве. Опыт сравнительного анализа // Полис. — 2007. — № 1.
- Кайзер Дэвид.* 1968-й как вежа американской истории // Неприкосновенный запас. — 2008. — № 4 (60).
- Кара-Мурза С.* Интеллигенция после перестройки: пора оглядеться. Режим доступа: <http://www.kara-murza.ru/books/voprosi/km-00.htm>
- Каспэ И., Каспэ С.* Поле битвы — страна // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре.— 2006. — № 6 (050).
- Кауппи Ниילו.* Социолог как моралист: «Практика теории» у Пьера Бурдьё и французская интеллектуальная традиция // НЛО. — 2000. — № 45.
- Кахраман Х.Б.* Исторический тупик турецких интеллектуалов. Неприкосновенный запас. — 2003. — № 1 (27).
- Кертман Л.Е., Рахимир П.Ю.* Буржуазия Западной Европы и Северной Америки на рубеже XIX — XX веков. М., Высшая школа, 1984. 159 с.
- Кильдюшов Олег. Раймон Арон.* Пристрастный зритель // Критическая масса. — 2006. — № 4.
- Кимбелл Э.* Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху великих реформ. 1859—1863 // Великие реформы в России. 1856—1874 / под ред. Л. Г. Захаровой и Б. Эклофа. Спб., 1992.
- Кистяковский Б.А.* В защиту права // Вехи. Интеллигенция в России. М., Молодая гвардия, 1991.
- Климов И.* Патриотические основания современной российской идентичности. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/cat/man/patriotizm/oz02061902>
- Клямкин И.* Новая демократия или новая диктатура? // Новый Мир». — 1995. — № 4.
- Козлов И.* «Судьба Перми — это провинциальность». Режим доступа: <http://www.saltt.ru/node/9355>

- Колоницкий Б.И.* Идентификация российской интеллигенции и интеллигентофобия (конец XIX — начало XX в. // Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М.: ИВИ РАН, 2001. 312 с.
- Коньков А.В.* Какую Россию выбрать — лучшую или большую?. Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2012-02-01/3_kartblansh.html
- Кордонский С.* Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.:ОГИ, 2006. 240 с.
- Коржихина Т.* Извольте быть благонадежны! М., 1998.
- Коэн С.* Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М., АИРО-XX. 2001. 303 с.
- Кристоф Шарль.* Интеллектуалы во Франции. Вторая половина XIX века. М., Новое издательство, 2005. 328 с.
- Куренной В.* Теория мифа // Неприкосновенный запас. — 2006. — № 3 (47).
- Кустарев А.* Дискурсивный ресурс в постсоветском обществе между инфляцией и дефицитом // Неприкосновенный запас. 2006. №6. (050).
- Кустарев А.* Конгломерат «интеллигенция» и его нарратив // Неприкосновенный запас. — 2006. — № 3 (47).
- Кустарев А.* Критик как редактор (ответ на замечания рецензентов). Неприкосновенный запас. — 2006. — № 3 (47).
- Лапкин В.В.* Политические изменения в глобальном мире и динамика идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2.
- Лацис О.* Зачем же под руку толкать? // Новый мир. — 1987. — № 7.
- Лейбович О.Л.* В городе М. Пермь, 2009. 438 с.
- Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.: Мысль, 1971. 368 с.
- Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900-1917 гг. М.: Мысль, 1981. 285 с.
- Ленин В.И.* Великий почин // *Ленин В.И.* ПСС. Т. 39.
- Ленин В.И.* Успехи и трудности Советской власти // *Ленин В.И.* ПСС. Т. 38. С. 55.
- Леонтьев М.* Государство и рынок // Новый мир. — 1994. — № 12.
- Лотман Ю.М.* Интеллигенция и свобода: К анализу интеллигентского дискурса // *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб.: Искусство. 2002. 765 с.

- Мазанов В.* С чего культура-то упала? // Новый компаньон. 10.11.09.
- Маколи М.* Историческая память и общество сограждан // Pro et Contra. Январь — апрель 2011.
- Малахов В.* «Война культур» или интеллектуалы на границах // Октябрь. — 1997. — № 7.
- Малахов В.С.* О националистическом дискурсе // Pro et Contra. 1999. Зима. Т. 4.
- Малахов В.С.* Понаехали тут... очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме / Сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Малинкин А.* «Новая российская идентичность»: исследования по социологии знания // Социологический журнал. — 2001.— № 4.
- Малинова О.Ю.* Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. М., РОССПЭН, 2009. 190 с.
- Малинова О.Ю.* Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. Май — август 2011.
- Мамардашвили М.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс.1990. 352 с.
- Мамонов В.* Про демократию // Взгляд. 09.02.2011.
- Манхейм Карл.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.
- Манхейм Карл.* Эссе о социологии культуры // Манхейм Карл. Избранное. Социология культуры. М.—СПБ.: Университетская книга, 2000. 504 с.
- Мартыанов В.В.* Эволюция идентичности в проекте Модерна // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2. Под ред. И.С. Семененко. Рукопись.
- Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории: Т. 1—6. М.: ИМРД, 1985.
- Мертес М.* 1968-й как миф // Неприкосновенный запас. — 2006. — № 7.
- Миллер А.И.* Нация как рамка политической жизни // Наследие империй и будущее России. М., ООО «Новое литературное обозрение». 2008.
- Мирский Д.* Интеллигентсия. М., Советская литература, 1934; 138 с.
- Михник А.* Существует лучшая Россия. Режим доступа: <http://inosmi.ru/poland/20111227/181454143.html>

- Мишанова Е.В.* Векторы эволюции идейно-политического спектра и идеологические предпочтения россиян // Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы. М., РОССПЭН, 2011. 285 с.
- Молодежь и власть в поисках взаимной опоры. (Фрагменты аналитического отчета по результатам всероссийского опроса молодежи) // Полития. — № 4. Зима. 2005—2006.
- Молчанов М.* Истоки российского кризиса: глобализация или внутренние проблемы // Полис. — 1999. — № 5.
- Морозов В.Е.* Россия и Другие. Идентичность и границы политического сообщества. М., Новое литературное обозрение. 2009. 651 с.
- Мортон А.Л.* История Англии. М., Иностранная литература. 1950. 462 с.
- Муслик В.* Интеллигент ли я?: Режим доступа: <http://mn.ru/columns/20120210/311276242.html>
- Мушг А.* Ядро Европы // Отечественные записки. — 2003. — № 6. Навстречу XIX Всесоюзной партконференции // Знамя. 1988. Июль.
- Нарский И.* Российские интеллектуалы XIX —XX веков (несколько предложений по поводу теоретической рамки обсуждаемой проблематики) // Пути России. Современное интеллектуальное пространство. Школы, направления, поколения. 2009. Том 16. М., Университетская книга. Под редакцией М.Г. Пугачевой, В.С. Вахштайна.
- Нарский И.В.* Возвращение автора: приглашение к «лирической историографии» или об одной тенденции в современном историописании // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры. Сборник статей. Челябинск, 2011. 510 с.
- Наумова Т.* Интеллигенция и пути развития российского общества // Социологические исследования. — 1995. — № 3.
- Некlessа А.* Новый интеллектуальный класс. Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2005/03/15/neklessa/print/>
- Нора П.* Как писать историю Франции? // Франция — память. СПб., 1999.
- Обердорфф А.* Политическое становление Европы // Европейская интеграция: современное состояние и перспективы. Минск: ЕГУ, 2001. 334 с.

- Овсяннико-Куликовский Д.Н.* История русской интеллигенции // *Овсяннико-Куликовский Д.Н.* Собрание сочинений. СПб., 1914.
- Овсяннико-Куликовский Д.Н.* Психология русской интеллигенции // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991.
- Осмыслить культ Сталина. М., Прогресс, 1989. 651 с.
- Остерман Л.А.* Интеллигенция и власть в России (1985–1996 гг.). М., Гуманитарный центр «Монолит», 2000. 377 с.
- Падни Д.* Льюис Кэрролл и его мир. М.: Радуга, 1982. 143 с.
- Паин Э.* Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое издательство. 2004.
- Пайтс Р.* Россия при старом режиме. М.: Прогресс, 1994. 329 с.
- Пайтс Р.* Струве. Биография. Т. 2. М., Московская школа политических исследований. 2001. 648 с.
- Панарин А.* После юбилея // Новый мир. — 1995. — № 9.
- Панов П.В.* Конструирование образа России в официальном политическом дискурсе 1990–2000-х (по материалам ежегодных Посланий Президента РФ) // Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация / отв. редактор И.С. Семененко. М., ИМЭМО РАН, 2008. 152 с.
- Парфенов Л.* Намедни. Наша эра. 1991–2000. М., КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2010. 300 с.
- Патрушев С.В.* Рабочее движение в середине 1990-х годов // Институциональная политология. Современный институционализм и политическая трансформация России. Под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. 590 с.
- Перегудов С.П.* Политическая система России в мировом контексте. Институты и механизмы взаимодействия. М., РОССПЭН, 2011. 431 с.
- Пермский проект. Концепция культурной политики Пермского края. Пермь, 2010.
- Петров Г.* Обвиненные судьи // В защиту интеллигенции. Сборник статей. М., Издательство «Заря». 1909.
- Пивоваров Ю.С.* Полная гибель всерьез. М., РОССПЭН, 2004. 317 с.
- Писигин В.* Хроники безвременья // Новый Мир». — 1995. — № 7.
- Подберезкин А.* Нация, национализм, национальная и международная безопасность России. Режим доступа: <http://kadry.viperson.ru/wind.php?ID=635689>.

- Политическая идентичность и политика идентичности. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. М., РОССПЭН. 2011. 205 с.
- Поляков Ю.* Зачинщица или жертва. Интеллигенция в эпохи смуты // Свободная мысль. — 1996. — № 2.
- Померанц Г.* Разрушительные тенденции в русской культуре // Новый Мир. — 1995. — № 8.
- Попова О.В.* Европейская vs общегражданская идентичность: противостояние существует? (научная статья) // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2012. Вып. 1.
- Принципы перестройки: революционность мышлений и действий // Правда. 05.04.1988.
- Проханов А.А.* Заметки консерватора // Наш современник. — 1990. — № 5.
- Пустовая В.Е.* Дискуссия об интеллигенции в журналах постсоветской эпохи: логика трансформации понятия. Автореферат дис...к. фил. н., М., 2008.
- Путин В.* Наше гражданское общество стало несравненно более зрелым, активным и ответственным // Коммерсант. 06.02.2012.
- Путин В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012.
- Раков В.* Интеллигенция в тумане // www.saltt.ru
- Раков В.М.* Мотовилиха // Раков В.М. Число П. Пермь, 2006.
- Раков В.М.* Пермский диптих // Пермистика. Пермь, 2009. 349 с.
- Рахимир П.Ю.* Американские консерваторы и имперская идея. Пермь: ЗУИЭП, ПГУ, 2007. 224 с.
- Рахимир П.Ю.* Интеллектуальная защита бунта против интеллектуалов // Диалог со временем. Выпуск 38. М., 2012.
- Рашковский Е.Б.* Научные знания, институты науки и интеллигенция в странах Востока. М.: Наука, 1990. 203 с.
- Реальная Россия: Социальная стратификация современного российского общества. М.: Эксперт, 2006. 677 с.
- Рейфилд Д.* Заметки об Англии // Иностранная литература. — 1994. — № 6.
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX — XXI вв. М., Круг, 2011. 559 с.
- Русская интеллигенция: история и судьба. М.: Наука, 2000. 422 с.
- Рывкина Р.В.* Драма перемен. М.: Дело, 2001. 430 с.
- Рыженков С.* Динамика трансформации и перспективы российского политического режима // НЗ. № 50. С. 46.

- Сабурова Т.А.* Русский интеллектуальный мир/миф. Омск: ОмГПУ, 2005. 240 с.
- Савостьянов А.Н.* Ленин об интеллигенции. Режим доступа: <http://www.sevastianov.ru/kommunizm-bolezni-rossii-xx-veka/lenin-ob-intelligentsii.html>
- Сазанов Д.С.* Критика западного пути развития в журналах «почвеннической» направленности в эпоху «перестройки». Режим доступа: sisp.nkras.ru/issues/2011/3/sazonov.pdf
- Сакулин П.Н.* Социологический метод в литературоведении. М., Издательство «Мир», 1925. 207 с.
- Селезнева Т.В.* Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. Пермь, 1955.
- Семенко И.С.* Мультикультурализм // Политическая идентичность и политика идентичности. Словарь терминов и понятий. М., РОССПЭН, 2012.
- Семененко И.С.* Россия XX — начала XXI века. Культура и общество. М., Просвещение. 2011. 496 с.
- Семененко И.С.* Социокультурная динамика российского общества и проблемы культурной идентичности // Политический альманах Прикамья. Вып.4. Пермь, 2005.
- Семененко И.С.* Социокультурные механизмы формирования и восприятия образа России // Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация. М.: ИНИОН РАН, 2008.
- Согрин В.* Закономерности русской драмы // Pro et Contra. Лето 1999.
- Соколов М.* Наука отступить. Режим доступа: <http://vz.ru/columns/2011/12/27/550142.html>
- Солженицын А.* Как нам обустроить Россию. Специальный выпуск. Брошюра к газете «Комсомольская правда» от 18 сентября 1990 г.
- Солженицын А.И.* Образованщина. Режим доступа: <http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/obrazovan.txt>
- Сталин И.В.* Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 года // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 14. М., Издательство «Писатель», 1997.
- Страда В.* Интеллигенция как зеркало европейской революции // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. Материалы международной конференции. Неаполь, 1997.

- Струве П.Б.* Интеллигенция и революция // Вехи. Интеллигенция в России. М., Молодая гвардия, 1991. Режим доступа: <http://media.utmn.ru/library.php?book=451>
- Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссий. 1923—1925 гг. Сибирское отделение РАН. Новосибирск. 1991. 219 с.
- Сурков Владислав: Гении всегда в меньшинстве. Режим доступа: www.izvestia.ru. 16.12.10
- Тарощина С.* Говорухинские пошли в народ. Доверенные лица — в анфас и профиль // Новая газета. 14 февраля 2012 г.
- Тарощина С.* Российская политическая сцена сквозь призму Эрнста Неизвестного // Новая газета. 22 февраля 2012 г.
- Тиби Бассам.* В Европе с мусульманами не обращаются, как с равными. 01 октября 2007. Режим доступа: <http://www.islamnews.ru/news-7551.html>
- Тимофеев Д.* О тех, кто «первым почуял важное». Мировой кризис глазами западных интеллектуалов. <http://www.iarex.ru/articles19021.html>
- Тишков В.А.* Национальности и национализм в постсоветском пространстве / Этничность и власть в полиэтнических государствах. Материалы международной конференции. М., 1994.
- Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии М.: Наука, 2003. 542 с.
- Тодоров Ц.* Человек, потерявший родину // Иностранная литература. 1998. № 6.
- Третьяков В.* Власть, общество и интеллигенция в современной России. Что «лучшие люди страны» ждут от власти, а что власть — от «лучших людей страны» // Независимая газета. 17 января 2001 г.
- Туркин Сергей.* «Вспоминание истории» в период перестройки: как процесс и не только // Неприкосновенный запас». — 2006. — № 3 (47).
- Ульянова Г.Н.* Рецензия на книгу: «Исчезнувший средний класс. Профессиональные группы в российской истории» / Под ред. Харли Д. Балзера. Армонк: изд-во М.Е. Шарп, 1996. XXI + 330 стр. // Вопросы истории. — 1999. — № 2.
- Ухтомский Ник.* Антиинтеллигентская традиция. Режим доступа: <http://hvac.livejournal.com/217558.html?format=light>
- Фадеева Л.А.* «Образованный класс» викторианской Англии как социально-профессиональный феномен». Дис...д.и.н. Пермь, 1996.

- Фадеева Л.А.* Очерки истории британской интеллигенции. Пермь: Книжный мир, 1995. 195 с.
- Федотова С.* Молотовский коктейль. Пермь, 2009.
- Фест И.* Адольф Гитлер. Пермь: Алетейя, 1993. Т. 1; 366 с.
- Филиппова Т.А.* «Российская нация» и ее история: перезагрузка смыслов // Национальные истории на постсоветском пространстве. II.—М., Библиотека либерального чтения. 2009.
- Фирсов Б.М.* Интеллигенция и интеллектуалы в конце XX века. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/8/firsov-pr.html>
- Флорида Р.* Креативный класс. Люди, которые меняют будущее. М., Классика XXI, 2007. 432 с.
- Франк С.* Этика нигилизма // Вехи. Интеллигенция в России. М., Молодая гвардия, 1991.
- Фромметт Б.* Очерки по истории студенчества в России. СПб.: Типография Вольф, 1912. 134 с.
- Фуко М.* Политическая функция интеллектуала. Извлечение из беседы Мишеля Фуко с итальянскими журналистами. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_10.php
- Хабермас Ю.* Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас». — 2006. — № 3 (47).
- Хабермас Ю., Дерида Ж.* Наше обновление после войны: второе рождение Европы // Отечественные записки. — 2003. — № 6.
- Хабермас Юрген.* Европа сегодня находится в жалком состоянии. (Die Welt, Германия). Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20050504/219376.html>
- Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: Транзит-книга, 2004. 635 с.
- Хаски Ю.* Российская адвокатура и советское государство. М.: ИГП РАН, 1993. 184 с.
- Холодковский К.Г.* Российская политическая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. Словарь терминов и понятий. М., РОССПЭН, 2012.
- Цветков А.* Жак-моралист или проводы постмодернизма // Режим доступа: <http://archive.svoboda.org/programs/ad/2003/ad.081203.asp>
- Чернышевский Н.Г.* Эстетика и литературная критика. М.—Л., Изд. худож. литературы, 1951. 543 с.
- Чуйкина С.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920—1930-е годы). ЕУ СПб, 2006. 259 с.

- Шевцова Л.* От России Ельцина к России Путина. (Эволюция выборной монархии). <http://www.ieras.ru/journal/journal4.2000/3.htm>
- Шевцова Л.* Про слойки. Смогут ли российские интеллектуалы отказаться от кремлевских «пряников» в массовом порядке. И что еще должна сделать власть, чтобы служить ей стало совсем неприлично // Новая газета. 12 января 2011 г.
- Шелин С.* Наш бывший средний класс. Девяностые годы стали для интеллигенции упущенным десятилетием. Режим доступа: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/30.html>
- Шестопал Е.Б.* Политическая социализация и ресоциализация в современной России // Полития. — № 4. Зима 2005—2006.
- Шириянц А.А.* Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М, Издательство Московского университета, 2011. 563 с.
- Шубин А.* Власть и демократия в XXI веке // НЗ. — № 50.
- Шубин Александр.* Историческая наука в эпоху неовозрождения. (штрихи к истории современной России) // Неприкосновенный запас. — 2006. — № 3 (47). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/sh20-pr.html>
- Шумпетер Й.* Капитализм, социализм, демократия. Режим доступа: http://fondint.narod.ru/bibl/alf/24sch/01/schum/schum_kapit.html
- Эггеберг Э.* Существует ли в Западной Европе общий социальный тип, соответствующий русской интеллигенции? // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. Материалы международной конференции. Неаполь, 1997. Москва, Венеция, 1999. Серия Россия / Russia. Вып. 2 (10).
- Эко У.* Любить Америку и устраивать марши мира // Эко У. Полный назад! Горячие войны и популизм в СМИ. М., 2007.
- Эко Умберто.* Сценарий для Европы // Полный назад! Горячие войны и популизм в СМИ. М.: ЭКСМО, 2007. 592 с.
- Элбаум М.* Система под ударом // Неприкосновенный запас. — 2006. — № 7.
- Anderson P.* Origins of the Present Crisis // The New Left Review. 1964. N 23.
- Anglo-French attitudes: comparisons and transfers between English and French intellectuals since the eighteenth century / Ed. By Christophe Charle, Julien Vincent, J. M. Winter. Manchester University Press. 2007. 321 p.

- Annan N. Intellectual Aristocracy // Studies in Social History / Ed. by Plumb. L., 1955.
- Annan N. *Leslie Stephen*. His Thought and Character in Relation to his Time. L.: McGibbon&Kee, 1951.
- Bailes K.E. Reflections on Russian Professions // Russian Missing Middle Class. The Professions in Russian History. Ed by Harley D. Balzer. Armonk, N.Y. 1996.
- Barnett S. University settlements // The Nineteenth Century. 1895. Vol. 226.
- Burns R., *W. van der Will*. Intellectuals as Cultural-Agenda Setters in Federative Republic? // International Journal of Cultural Policy. 2006. November. Vol.12. N 3.
- Burrage M. Introduction: the professions in sociology and history // Professions in theory and history. Rethinking the study of the professions / Ed. by Burrage M., Torstendahl R. L.: Sage, 1990; 248 p.
- Burrage M. Mrs. Thatcher against Deep Structures. University of California at Berkeley. Working Paper. 1992. № 11.
- Burrage M. Revolution and the Collective Action of the French , American and English Legal Professions // Law and Social Inquiry. Journal of the American Bar Foundation. Vol. 13. 1988;
- Bush G. America and Europe, Partners Tomorrow and the Day After // <http://www.inosmi.ru/print/140995.html>
- Cherutti F. A Political Identity of Europeans? // Режим доступа: [http:// the.sagepub.com/cgi/content/abstract/72/1/26](http://the.sagepub.com/cgi/content/abstract/72/1/26)
- Christofferson M.S. French Intellectual against the Left. The Antitotalitarian Moment of the 1970s. Berghalm Books, N.Y., Oxford, 2004.
- Debray R. Teachers, Writers , Celebrities: The Intellectuals of Modern France. L., New Left Books, 1981. 251 p.
- Dimitrov *Vasselin*. Bulgaria. The Uneven Transition. Routledge, London, 2001
- Dirk Jacobs, *Robert Mayer*. European Identity: Construct, Fact and Fiction //A United Europe: the Quest for Multifaceted Identity. Maastricht (Utrecht University).
- Duman D. The Creation and Diffusion of Professional Ideology in the XIX Century's England // The Sociological Review. 1979. № 1. V. 27.
- Eder K. Collective Memory and European Identity: The Effects of Integration and Enlargement. Burlington: Ashgate Publishing Company. 2005

- Fossum J.E.* 2001. Identity Politics in the European Union. — European Integration, vol. 23, № 4;
- Fukuyama F.* Left Out // The American Interest. Winter (January/February) 2011. P.22–28
- Fyvel T.* Intellectuals Today. Problems in a Changing Society. L., Chatto & Windus. 1968. 240 p.
- Gattone Charles F.* The Social Scientist as Public Intellectual. Critical Reflection in a Changing World. Rowman & Littlefield Publishers. NY, 2006.
- Gellner Ernest.* La trahison de la trahison des clercs // The Political Responsibility of Intellectuals. Ed. By Ian Maclean, Alan Montefiore, Peter Winch. Cambridge University Press, Cambridge, N.Y., 1990.
- Georgiev Plamen K.* The Bulgarian Political Culture. V&R unipress in Gottingham. 2007.
- Gessen M.* Dead Again. The Russian Intelligentsia after Communism. L.— N.Y.:Verso, 1997.
- Giesen B.* Triumph and Trauma. Boulder: Paradigm Publishers, 2004.
- Gitlin T.* The Intellectuals and the Flag. N.Y. Columbia University Press, 2006.
- Goldman L.* Dons and Workers. Oxford and Adult Education since 1850. Oxford: Clarendon Press, 1995. 363 p.
- Gourvich T.* The Rise of the Professions // Later Victorian Britain. 1867–1900 / Ed. by T.R. Gourvish and Alan O'Day. L.MacMillan Education,1988. 347 p.
- Hankiss Elemer.* The loss of responsibility // The Political Responsibility of Intellectuals. Ed. By Ian Maclean, Alan Montefiore, Peter Winch. Cambridge University Press, Cambridge, N.Y., 1990.
- Harris L.* The Next American Civil War. The Populist Revolt against the Liberal Elite. New York. Palgrave Macmillan.2010. 248 p.
- Harris L.* The Suicide of Reason. Radical Islam's Threat to the Enlightenment. New York. Basic Books. 2007. 290 p.
- Harris L.* The Tea Party vs. the Intellectuals / Policy Review. June 1. 2010. № 161.
- Harrison R.* Sidney and Beatrice Webb // Socialism and the Intelligentsia. 1880-1914. Ed. By C.Levy. L.: Routledge, 1987. 285 p.
- Heyck T.W.* The Transformation of Intellectual Life in Victorian England. L., 1982. 271 p.
- Intellectuals in Liberal Democracies. Political Influence and Social Involvement / Ed by Alain G.Gagnon. N.Y.—L., Praeger, 1987. 255 p.

- Intelligentsia in Politics from Dreyfus Affair to Salmon Rushdies / Ed by J.Jennings and A. Kemp-Welch. L.,N.Y., Routledge, 1997.
- Jacobs D., Mayer R.* European Identity: Construct, Fact and Fiction. — A United Europe: the Quest for Multifaceted Identity. Maastricht: Utrecht University, 1998.
- Johnson P.* Intellectuals. From Marks and Tolstoy to Sartre and Chomsky. Harper&Row, 1988. 388 p.
- Kurczewski Jacek.* Power and Wisdom: the expert as mediating figure in Contemporary Polish History // The Political Responsibility of Intellectuals. Ed. By Ian Maclean, Alan Montefiore, Peter Winch. Cambridge University Press, Cambridge, N.Y., 1990.
- Laffan Brigid.* 1996. The Politics of Identity and Political Order in Europe. L.: Blackwell, 1996. 22 p.
- Laffan, Brigid.* The Politics of Identity and Political Order in Europe. Journal of Common Market Studies. V. 34. № 1. 1996.
- Larson M.S.* In the matter of experts and professionals, or how impossible it is to leave nothing unsaid // The Formation of Professions. Knowledge, State and Strategy / Ed. by M. Burrage and R. Torstendahl. L., 1990.
- Laurent E.* George W. Bush, president de la mondialisation // <http://www.inosmi.ru/print/206535.html>
- Lipset S.M., Dobson R.B.* The Intellectual as Critic and Rebel. With special reference to the United States and the Soviet Union // Daedalus. Cambridge (Mass.). 1972. Vol.101. N. 3.
- Mirskiy D.* The Intelligentsia of Great Britain. L.: Gollantz, 1935.
- Mkandavire T.* Non-organic Intellectuals and “Learning” in Policy-Making Africa. Working Paper. EGD seminar. 24.08.2000.
- Molnar Miclos.* The Hungarian Intellectual and the Choice of Commitment or Neutrality // The Political Responsibility of Intellectuals. Ed. By Ian Maclean, Alan Montefiore, Peter Winch. Cambridge University Press, Cambridge, N.Y., 1990.
- O'Connor K.* Intellectuals and Apparatchiki. Russian Nationalism and the Gorbachev Revolution. N.Y., Toronto, Oxford, 2006. 321 p.
- Perkin H.* The Rise of Professional Society. England since 1880. L.: Routledge, 1989. 607 p.
- Pew Global Attitudes Project. End of Communism Cheered But Now With More Reservations. Two Decades After the Wall’s Fall. November 2, 2009. Режим доступа: <http://pewresearch.org/pubs/1396/european-opinion-two-decades-after-berlin-wall-fall-communism>

- Reader W.* The Professional Men. The Rise of the Professional Classes in the XIX Century's England. Weidenfeld&Nicolson. L., 1966. 248 p.
- Routh G.* Occupations of the People of Great Britain. 1801–1981. L. Macmillan, 1987.
- Russel B., Power. A.* New Social Analysis. L.:Allen&Unwin, 1957.
- Russell Jacoby.* The Last Intellectuals: American Culture in the Age of Academe. N.Y., 1987. 320 p.
- Russian Missing Middle Class. The Professions in Russian History. Ed by Harley D. Balzer. Armonk, N.Y. 1996. 330 p.
- Said Edward W.* Representations of the intellectual. Vintage books. N.Y. 1994. 121 p.
- Saskia Buggert and Katrin Preller .* European identity as a multilevel construct. Paper. 2008
- Sciulli D.* Paris Visual Academie as First Prototype Profession. Rethinking the Sociology of Professions // Theory, Culture, Society. Vol. 24. N. 1. January 2007.
- Shils E.* The Intellectuals and the Powers: Some perspectives of Comparative Analysis// On Intellectuals. N.Y.: Garden City. 1970.
- Sokka S., Kangas A.* Intellectuals, Nationalism and the Arts // International Journal of Cultural Policy. 2007. Vol.13. N 2.
- Tapon F.* Hidden Europe. What Eastern Europeans Can teach Us? S.-F., Wonderland. 2012. 736 p.
- The Formation of Professions. Knowledge, State and Strategy / Ed. by M. Burrage and R. Torstendahl. L., Sage, 1990. 215 p.
- The Intelligentsia and the Intellectuals. Theory, Method and Case-Study / Ed.by A.Gella. L.:Sage, 1976.
- The Oxford Handbook of Local and Regional Democracy in Europe./ Ed. by John Lowghlin, Frank Hendriks, Anders Lindstrom. Oxford University Press, 2011. 785 p.
- The Political Responsibility of Intellectuals. Ed. By Ian Maclean, Alan Montefiore, Peter Winch. Cambridge University Press, Cambridge, N.Y., 1990. 312 p.
- The Rise of Neoconservatism: Intellectuals and Foreign Affairs, 1945–1994. By John Ehrman. Yale University Press, 1996.
- The Working Class in Modern British History. Essays in Honour of Henry Felling, Cambridge University Press. 1983.
- Thomson H.* The Choice of a Profession. A Concise Account and Comparative Review of the English Professions. L., 1857.

- Tompson M.* Review of “The Third Revolution. Professional Elites in the Modern World”. Harold Perkin. London, Routledge, 1996.
- Troy T.* Bush, Obama and the Intellectuals. Режим доступа: www.nationalaffairs.com/publications/detail/bush-obama-and-the-intellectuals.
- Tuchman T.* The Proud Tower. A Portrait of the World before the War. 1890–1914. N.Y.:Ballantine Books, 1996. 558 p.
- Viereck Peter.* Shame and glory of the intellectuals. Babbit Jr. vs. Rediscovery of Values. Capricorn Books. New York. 1965. 330 p.
- Vihavainen Timo.* The Inner Adversary. The Struggle against Philistinism as the Moral Mission of the Russian Intelligentsia. New Academia Publishing, LLC. NY, 2006. 355 p.
- Webb B.* My Apprenticeship. L. : Longmans, 1926. 442 p.
- White, Anna.* Small-town Russia. Postcommunist livelihoods and identities. A portrait of the intelligentsia in Acit, Bednodemyanovsk and Zubtsov, 1999–2000. Routledge Curzon, London and New York. 2004. 275 p.
- Woolf L.* The Journey not the Arrival Matters. K., 1969.
- Working Class Culture.* Studies in History and Theory. N.Y., 1979.
- Zizek S.* Living in the End Times. L., Verso, 2011. 520 p.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абашев Владимир Васильевич (г.р. 1954) — доктор филологических наук, зав. кафедрой журналистики Пермского государственного университета, руководитель литературного фонда «Юртин». Автор книг «Пермь как текст», «Пермский текст в русской культуре».
- Аверкиев Игорь Валерьевич (г.р. 1960) — гражданский активист, член правления Пермской гражданской палаты.
- Аннинский Лев Александрович (г.р. 1934) — публицист, писатель, литературовед. Автор 30 книг, включая «Красный век» (2004), «Русский человек на любовном свидании» (2004), «Жизнь Иванова» (2005), «Поздние следы: заметки вольного кинозрителя» (2006), двухтомник «Распад ядра» (2009), «Меч мудрости или русские плюсы...» (2009).
- Арендт Ханна (1906—1975) — американский философ, социолог и политолог. Родилась в Германии, в 1933 г. эмигрировала во Францию, затем в США. Исследовала тоталитаризм, его истоки и формы. Автор книг «Истоки тоталитаризма», «Массы и тоталитаризм» и др.
- Арнольд Мэтью (1822—1888) — английский поэт и культуролог
- Арон Раймон (1905—1983) — французский философ, социолог, политолог, публицист. Автор работ «Опиум для интеллигенции», «Демократия и тоталитаризм» и др.
- Арсеньев Константин Константинович (1837—1919) — адвокат, писатель, общественный деятель.
- Архангельский Александр (г.р. 1962) — литературовед, критик, телеведущий, писатель.
- Астафьев Виктор Петрович (1924—2001) — писатель, автор книг «Царь-рыба», «Последний поклон», «Прокляты и убиты» и мн. др.
- Аузан Александр Александрович (г.р. 1954) — экономист, доктор экономических наук, общественный деятель, публицист.
- Афанасьев Юрий Николаевич (г.р. 1934) — историк, политик, народный депутат в 1989—1993 гг.

- Бадью Ален (г.р. 1937) — французский философ, автор работ «Бытие и событие», «Обстоятельства», «Логика мира».
- Баррес Морис (1862–1923) — французский писатель и политический деятель, член Французской академии, депутат парламента, один из лидеров правой организации «Аксьон франсез».
- Бенда Жюльен (1867–1956) — французский философ и писатель, автор книги «Предательство интеллектуалов».
- Бердяев Николай Александрович (1974–1948) — российский религиозный философ и публицист, автор книг «Истоки и смысл русского коммунизма», «Душа России» и др.
- Боббио Норберто (1909–2004) — итальянский политический философ, историк, антифашист, противник Берлускони. Автор книги «Правые и левые» и др.
- Боборыкин Петр Дмитриевич (1836–1921) — русский писатель, журналист, драматург.
- Бодрийяр Жан (1929–2007) — французский писатель, культуролог, философ, автор книг «Симулякры и симуляция», «Призрачность зла» и др.
- Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) — православный философ, священник, изгнан из России в 1922 г.
- Бурдье Пьер (1930–2002) — французский философ, писатель, с 1975 — руководитель Центра европейской социологии.
- Бухарин Николай Иванович (1888–1938) — советский политический деятель, экономист, философ, автор книги «Теория исторического материализма», репрессирован, реабилитирован посмертно.
- Бызов Леонтий Георгиевич (г.р. 1954) — социолог, политолог, в 1990–1993 гг. руководил социологической службой Верховного Совета РФ и Съездов народных депутатов РФ.
- Быков Дмитрий Николаевич (г.р. 1967) — писатель, поэт, журналист, драматург. Автор биографий Бориса Пастернака и Булата Окуджавы, цикла «Гражданин-поэт», активный участник протестных акций 2011–2012 гг.
- Быюкнен Патрик (г.р. 1938) — американский политик, публицист, представитель правого крыла Республиканской партии США, автор книг «Смерть Запада», «Зачем мы дразним медведя?»
- Валлерстайн Иммануил (г.р. 1930) — американский экономист, социолог, политолог. Основоположник миросистемного анализа. Автор книг «Современная миросистема», «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире», «После либерализма» и мн. др.
- Ваттимо Джанни (г.р. 1936) — итальянский писатель, философ, публицист.
- Вебб Беатриса (1858–1943) — английский общественный деятель, один из лидеров Фабианского общества — интеллектуального центра Лейбористской партии.

- Вебер Альфред (1868–1958) — немецкий социолог и экономист, брат Макса Вебера.
- Виерек Питер (1916–2006) — американский политический философ, публицист, профессор истории.
- Водолазов Григорий Григорьевич (г.р. 1938) — историк, политолог, публицист, доктор философских наук.
- Геллнер Эрнст (1925–1995) — английский социолог, философ, автор книг «Нации и национализм», «Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники».
- Гершензон Михаил Осипович (1869–1925) — российский литературовед, философ, публицист.
- Грамши Антонио (1891–1937) — итальянский философ, журналист, политический деятель, марксист, руководитель коммунистической партии. С 1926 по 1937 год находился в заключении при фашистском режиме Муссолини. Автор «Тюремных тетрадей», политико-аналитического труда.
- Гранин Даниил Александрович (г.р. 1919) — российский писатель, автор книг «Иду на грозу», «Зубр» и др.
- Гудков Лев Дмитриевич (г.р. 1946) — российский социолог публицист, директор Левада-Центра.
- Данилин Павел Викторович (г.р. 1977) — журналист, политолог, публицист.
- Десягин Михаил Геннадьевич (г.р. 1968) — экономист, публицист, директор Института проблем глобализации.
- Деррида Жак (1930–2004) — французский философ, литературовед, общественный деятель.
- Джонсон Пол (г.р. 1928) — британский писатель, журналист, историк.
- Дондурей Даниил Борисович (г.р. 1947) — российский журналист, публицист, общественный деятель.
- Драгунский Денис Викторович (г.р. 1950) — российский публицист, писатель, общественный деятель.
- Дугин Александр Гельевич (г.р. 1962) — идеолог неоевразийства, философ, политический деятель.
- Есин Сергей Николаевич (г.р. 1935) — писатель, журналист, ректор Литературного института в 1992–2006 гг.
- Жижек Славой (г.р. 1949) — словенский писатель, журналист, публицист.
- Зиновьев Александр Александрович (1922–2006) — российский писатель, социолог, за книгу «Зияющие высоты» в 1978 г. выслан из СССР.
- Иванов Алексей Викторович (г.р. 1969) — российский писатель, автор книг «Золото бунта», «Сердце Пармы», «Географ глобус пропил».

- Иванов-Разумник (1878–1946) — российский писатель, литературовед.
- Изгоев Александр Соломонович (1872–1935) — публицист, социолог и общественный деятель. Выслан из России в 1922 г.
- Каган Роберт (г.р. 1958) — американский политик и журналист.
- Кагарлицкий Борис Юльевич (г.р. 1958) — публицист, историк, общественный деятель. Автор книг «От империи к империализму», «Политология революции» и др.
- Кара-Мурза Сергей Георгиевич (г.р. 1939) — политолог, публицист, социолог.
- Кауппи Ниило (г.р. 1959) — финский политолог, профессор, директор исследовательского института.
- Кестлер Артур (1905–1983) — британский писатель и журналист.
- Кистяковский Богдан Александрович (1968–1920) — российский юрист, философ, социолог.
- Клямкин Игорь Моисеевич (г.р. 1941) — политолог, публицист, вице-президент фонда «Либеральная миссия».
- Колеров Модест Алексеевич (г.р. 1959) — историк, издатель, общественный деятель.
- Коэн Стивен (г.р. 1938) — американский историк, специалист по советской истории.
- Кристол Ирвинг (1920–2009) — американский журналист, писатель, общественный деятель.
- Лацис Отто Рудольфович (1934–2005) — журналист, доктор экономических наук, член консультативного президентского комитета в 1993–1996 гг.
- Леонтьев Михаил Владимирович (г.р. 1958) — тележурналист, публицист.
- Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906–2009) — филолог, искусствовед, академик РАН.
- Маколи Мэри (г.р. 1938) — британский историк и социолог, доктор политических наук.
- Малинова Ольга Юрьевна (г.р. 1962) — российский политолог, доктор философских наук, специалист в области исследований политических идей и идеологий, политического дискурс-анализа, политической культуры и политических коммуникаций.
- Манхейм Карл (1893–1947) — немецкий философ и социолог, в 1933 г. эмигрировал в Великобританию, один из создателей социологии знания, автор книг «Диагноз нашего времени», «Идеология и утопия» и др.
- Межуев Вадим Михайлович (г.р. 1933) — российский философ, доктор философских наук, специалист в области философии культуры и социальной философии.

- Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — русский политический деятель, историк и публицист. Лидер Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы).
- Святополк-Мирский (Мирский) Дмитрий Петрович (1890–1939) — русский литературовед, литературный критик, публицист, с 1920 по 1932 г. — в эмиграции, после возвращения в СССР в 1937 г. арестован, погиб в лагере под Магаданом.
- Михайловский Николай Константинович (1842–1904) — русский публицист, социолог, один из теоретиков народничества, литературный критик.
- Моррас Шарль (1868–1952) — французский публицист, критик, поэт, лидер «Аксьон франсез», в годы Второй мировой войны поддерживал коллаборационистский режим Петена.
- Мушг Адольф (г.р. 1934) — швейцарский писатель, литературовед, историк литературы.
- Некlessа Александр Иванович (г.р. 1949) — российский политолог и мыслитель, один из основателей геэкономического направления исследования глобальных проблем в России, заместитель директора Национального института развития при Отделении экономики РАН.
- Нора Пьер (г.р. 1931) — французский историк, автор концепции «Мест памяти». Президент ассоциации «За свободу истории». Исследователь исторической памяти.
- Овсянко-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853–1920) — русский литературовед, языковед, почетный академик Петербургской АН (1907).
- Окуджава Булат Шалвович (1924–1997) — советский поэт, композитор, литератор, прозаик и сценарист.
- Ортега-и-Гассет Хосе (1883–1955) — испанский философ, публицист, общественный деятель. Автор книг «Восстание масс» и др.
- Остерман Лев Абрамович (1923–2009) — ученый-биохимик, писатель.
- Пайпс Ричард (г.р. 1923) — американский ученый, академик, доктор исторических наук, советолог. Автор книг «Россия при старом режиме», биографии П.Б. Струве и др.
- Парфенов Леонид Геннадьевич (г.р. 1960) — российский журналист, телеведущий, автор телепроектов «Намедни» и «Российская империя».
- Пелевин Виктор Олегович (г.р. 1962) — российский писатель. Автор романов «Жизнь насекомых», Generation «П», «Чапаев и пустота» и др. произведений.
- Перегудов Сергей Петрович (г.р. 1925) — российский политолог, историк, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, руководитель исследовательских проектов ИМЭМО РАН.

- Перкин Гарольд (1926–2004) — британский социальный историк и мыслитель, основатель Социального общества истории (1976).
- Песчанский Валентин Владимирович (1929–2010) — российский историк, исследователь социальных движений Великобритании.
- Пивоваров Юрий Сергеевич (г.р. 1950) — российский историк, доктор политических наук, профессор, академик РАН, директор ИНИОН РАН, исследователь истории русской общественно-политической мысли, истории политической культуры и государственности России.
- Писигин Валерий Фридрихович (г.р. 1957) — российский историк, публицист, прозаик.
- Пияшева Лариса Ивановна (1947–2003) — экономист, научный консультант по вопросам экономики в Совете Федерации.
- Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) — российский государственный деятель, ученый-правовед, писатель, переводчик, историк Церкви; действительный тайный советник, обер-прокурор Синода.
- Погодин Михаил Петрович (1800–1875) — русский историк, писатель, журналист, публицист, беллетрист, издатель, академик Петербургской АН (1841).
- Поляков Юрий Михайлович (г.р. 1954) — советский и российский писатель, поэт, драматург. Главный редактор «Литературной газеты» с 2001 г.
- Померанц Григорий Соломонович (г.р. 1918) — советский и российский философ, культуролог, писатель, эссеист. Участник диссидентского движения.
- Проханов Александр Андреевич (г.р. 1938) — советский и российский политический деятель, писатель, публицист. Член секретариата Союза писателей России, главный редактор газеты «Завтра».
- Раков Вячеслав Михайлович (г.р. 1953) — российский историк, культуролог, поэт.
- Рейснер Михаил Андреевич (1868–1928) — российский ученый-юрист, публицист, социопсихолог и историк.
- Рушди Салмон (г.р. 1947) — британский писатель индийского происхождения, лауреат Букеровской премии (1981).
- Саид Эдвард Вади (1935–2003) — американский культуролог, литературовед арабского происхождения.
- Сакулин Павел Никитич (1868–1930) — русский и советский филолог, литературовед, историк русской мысли. Академик АН СССР (1929). Представитель культурно-исторической школы.

- Сартр Жан-Поль (1905–1980) — французский философ, представитель школы экзистенциализма, писатель, драматург и эссеист, педагог.
- Свингвуд Алан — социолог, профессор Лондонской школы экономики и политических наук.
- Семененко Ирина Станиславовна (г.р. 1957) — российский политолог, доктор политических наук, исследователь социальной идентичности, корпоративной социальной ответственности и корпоративного гражданства.
- Солженицын Александр Исаевич (1918–2008) — русский писатель, публицист, историк, поэт и общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии (1970). Жил и работал в СССР, Швейцарии, США и России. Автор произведений «Архипелаг ГУЛАГ», «Красное колесо», «В круге первом» и мн. др.
- Струве Петр Бернгардович (1870–1944) — русский общественный и политический деятель, экономист, публицист, историк, философ.
- Торстендаль Рольф (г.р. 1936) — шведский историк, профессор Университета Упсала.
- Третьяков Виталий Товиевич (г.р. 1953) — российский журналист, политолог, декан факультета телевидения МГУ, главный редактор журнала «Политический класс», автор и ведущий телепрограммы «Что делать? Философские беседы» на телеканале «Культура».
- Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919) — украинский и русский экономист, историк, автор работ по истории и теории социализма.
- Улицкая Людмила Евгеньевна (г.р. 1943) — российский прозаик, сценарист кино и телевидения. Лауреат Букеровской премии (2001).
- Фаллачи Арианна (1929–2006) — итальянская журналистка, писатель, публицист.
- Филиппова Татьяна Александровна — российский историк, кандидат исторических наук, зам. главного редактора — шеф-редактор журнала «Родина».
- Франк Семен Людвигович (1877–1950) — русский философ, религиозный мыслитель и психолог.
- Фуко Мишель (1926–1984) — французский философ, историк, теоретик науки и культуры.
- Фукуяма Френсис (г.р. 1952) — американский политолог, политический экономист и писатель.
- Хабермас Юрген (г.р. 1929) — немецкий философ, социолог, крупнейший представитель Франкфуртской школы. Создатель теории коммуникативного действия.

- Хантингтон Самуэль (1927–2008) — американский политолог, автор концепции «Столкновения цивилизаций».
- Харрис Ли — американский политический философ и публицист, автор бестселлера «Следующая американская гражданская война: популистское восстание против либеральной элиты».
- Хаски Юджин (г.р. 1952) — американский политолог, доктор политологии, доктор экономики, профессор (университет Стэтсона, Делэнд, Флорида, США), советолог.
- Холодковский Кирилл Георгиевич (г.р. 1928) — российский политолог, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН.
- Черутти Фурио (г.р. 1936) — итальянский политический философ.
- Шевцова Лилия Федоровна — российский политолог, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Фонда Карнеги за Международный мир.
- Шестопад Елена Борисовна (г.р. 1949) — российский политолог, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой политической психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Шмидт Юрий Маркович (г.р. 1937) — российский адвокат, правозащитник.
- Шубин Александр Владленович (г.р. 1965) — российский историк, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН. Ответственный редактор журнала «Историческое пространство».
- Шумпетер Йозеф (1883–1950) — австрийский и американский экономист, социолог, историк экономической мысли.
- Эко Умберто (г.р. 1932) — итальянский ученый, философ, специалист по средневековой эстетике, писатель и литературный критик.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Обращение к читателю	7
Глава первая	
Дискуссии об интеллигенции как способ ее самоидентификации	19
Глава вторая	
Дискуссии об интеллектуалах в политическом контексте	65
Глава третья	
«Профессиональный класс» и профессиональная идентичность	106
Глава четвертая	
Где мы? Интеллектуалы в определении векторов глобального мира	138
Глава пятая	
Интеллигенция в борьбе за идентичность в современной России	190
Вместо заключения	289
Список литературы	291
Именной указатель	311

Научное издание

Фадеева, Любовь Александровна

КТО МЫ?

Интеллигенция в борьбе за идентичность

Издатель Леонид Янович

Редактор Ираида Кускова

Корректор Вера Широбокова

Верстка и оригинал-макет Вера Брызгалова

Тезнический редактор Леонид Янович

Художник Евгения Васильева

Налоговая льгота —

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2;

953000 — книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»

Контактный телефон в Москве (095) 671-0095,

по вопросам реализации 8-905-739-0264

E-mail: nkhronograf@mail.ru

Информация об издательстве и Интернете:

<http://www.novhron.info>

ISBN 978-5-94881-181-9

Подписано к печати 28.06.2012

Формат 84x108/32. Бумага офсетная

Печать офсетная. Объем 10,0 усл.печ.л.

Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано

в ООО «Чебоксарская типография № 1»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15